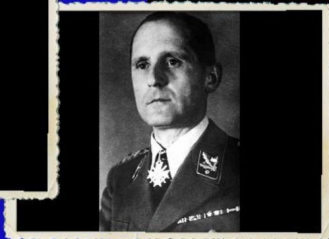
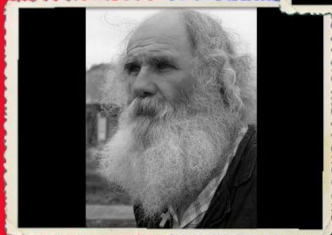


Олег Северюхин

Личный поверенный товарища Дзержинского

Книги 1 — 5



Олег Васильевич Северюхин

Личный поверенный товарища Дзержинского. Книги 1 – 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824830

ISBN 9785447422622

Аннотация

Остросюжетная история приключений русско-советского разведчика полковника Дона Казанова, начавшаяся с работы в качестве порученца последнего русского царя и особоуполномоченного председателя ВЧК Феликса Дзержинского и продолжившаяся в качестве доверенного сотрудника начальника Гестапо Генриха Мюллера. Вместе с верным другом знахарем и немножко колдуном дедом Сашкой Дон Казанов раскрывает тайны Третьего Рейха и находит место, где скрывается сбежавший от возмездия Гитлер. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга 1. Комиссарша	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	66
Глава 14	70
Глава 15	76
Глава 16	81
Глава 17	85
Глава 18	90
Глава 19	93
Глава 20	98
Глава 21	102
Глава 22	106

Глава 23	111
Глава 24	115
Глава 25	121
Глава 26	126
Глава 27	131
Глава 28	137
Глава 29	141
Глава 30	146
Глава 31	151
Глава 32	155
Глава 33	159
Глава 34	163
Глава 35	168
Глава 36	172
Глава 37	177
Глава 38	182
Глава 39	186
Глава 40	191
Глава 41	195
Глава 42	200
Глава 43	206
Книга 2. Враги	211
Глава 1	211
Глава 2	216
Глава 3	221
Глава 4	226

Глава 5	230
Глава 6	234
Глава 7	239
Конец ознакомительного фрагмента.	242

Личный поверенный товарища Дзержинского Книги 1 – 5

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-2262-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Автор

Книга 1. Комиссарша

Глава 1

Всех сидящих за судейским столом я не знал. Видеть видел, но лично знаком не был. Кто же интересно с ликами на иконах личное знакомство имеет?

Председательствовал, конечно, он Сам. Бог. Ему сам Бог велел. Что за ерунда? Председательствовал Иисус Христос, а прокурором был апостол Пётр. Раньше он был Симоном, сыном рыбака и Иисус сказал ему: *«Иди за Мной, и Я тебя сделаю ловцом человеков»*. Вот и я попался в его сети.

– Этот человек не простой грешник, – вещал апостол Пётр. – Это дважды грешник. И имя его – Дон Казанова – символ греха, символ большого греха.

Дон Жуан ненавидит женщин и потребляет их как необходимую для него пищу. Встреча с Дон Жуаном всегда заканчивается трагедией, упадком сил и полосой неудач.

Казанова же любит женщин. Он отдаёт им всё, чем обладает. И Казанова расстаётся с женщинами, но без трагедий, давая им силы для нового счастья. И тот, и другой разбивают женские сердца, оставляя в них сладкую и горькую боль.

Дон Жуан ищет и не находит в женщинах совершенства, а Казанова видит совершенство во всех женщинах. И их обо-

их ведёт греховный девиз: «Когда хочешь чего-нибудь по-настоящему, можно стать даже Папой Римским».

Дон Жуан – вампир. Он соблазняет женщину исключительно для зарядки энергией. При ухаживании настойчив до настырности и нагл. С самого начала начинает диктовать свои правила игры и подавляет женщину как личность. Много обещает, умеет вызвать интерес, даже страсть. В постели более всего заботится о себе. Всегда уходит первым, оставляя женщину неудовлетворённой.

Казанова – донор. Он ценит женщину и принимает её правила игры. В постели доводит до высшей степени наслаждения и не бросит её первым, а дожждётся, когда она сама объявит о разрыве. Он будет страдать, но вскоре найдёт новый объект для сброса избыточной энергии.

– Так в чем же вы его обвиняете? – спросил председательствующий. – С одной стороны он грешник, а с другой стороны – он безгрешная душа, праведник, можно сказать. В чем же вы его обвиняете?

– Учитель! – воскликнул Пётр. – Если бы он был Дон Жуаном или Казановой, то грех у него был бы один. А он и тот, и другой. Его вина состоит в том, что он не даёт женщинам ни единого шанса избежать греха с ним. И ещё он шпион...

– Ну, шпионаж это не такой уж большой грех, – сказал председатель, – это работа. В чем-то даже похожая на ту, что проводим и мы, приобретая себе друзей и строя царствие своё на земле. Что же предлагаете вы?

– Я предлагаю, – сказал прокурор, – отправить его в ад на вечные времена, пусть он жарится в кипящем масле, пройдёт все круги ада и узнает, как страдают души, погубленные им.

– Пётр, разве это наказание для него? – сказал укоризненно Иисус. – Наказанием будет его вечная жизнь. Годы и люди будут проходить рядом с ним, он постоянно будет чувствовать боль потери близких людей и мечтать о том, чтобы и его жизнь была такой же короткой, как у всех смертных людей. Пусть живёт вечно.

Глава 2

– Больной, просыпайтесь, – кто-то теребил меня приятными пальцами за щеку.

– Может, он уже умер? – сказал знакомый голос.

– Он ещё вас переживёт и даже не простудится на ваших похоронах, – сказал насмешливый голос, – больной, просыпайтесь же, наконец...

Я открыл глаза. Там, где я был, было безмятежное спокойствие, не нарушаемое звуками улицы. Вокруг была сиреневая дымка, скрывающая что-то там вдали. Почему сиреневая дымка? Не знаю. Любой туман бывает только сиреневым. Присмотритесь.

Около меня сидели два лейтенанта, приставленные ко мне адъютантами моим учеником. Я слышал, как он наставлял молодёжь:

– Он не старикан, а глыба, летопись нашей разведки, начинал во времена Дзержинского и даже ещё раньше. Да что я вас уговаривать буду? Поедете замполитами на пограничные заставы и будете мух бить журналом «Коммунист Вооружённых сил».

Я слушал доносившиеся голоса из-за неплотной прикрытой двери кабинета и думал, где же я это слышал? Да это же я всегда так говорю. Хорошо, что меня только копируют, не дай Бог, ещё и конспектировать заставят. А сейчас эти ре-

бята сидели у моей постели. Кстати, а зачем? И что я делаю здесь?

Последнее, что я помню, это был мой дом. Вернее, моя квартира. Я сидел у компьютера и пытался вспомнить что-то из моей молодости, чтобы записать это как мемуары. Иногда, знаете ли, бывает у стариков желание оставить молодёжи какие-нибудь умные мысли в наследство в надежде на то, что они будут потом читать это и дивиться, какой мудрый человек был дедушка.

Ерунда все это. Никто не читает умные мысли. Читают глупые или остроумные мысли, например, такие: не ходи по косогору – сапоги стопчешь. Вот это и есть мудрость, истина, причём изложенная в такой форме, что она запоминается сразу. Автора никто не запомнит, а мысль эту будут повторять везде.

Вот и я сидел у компьютера и трудился умственно по-китайски. Как это по-китайски? А у них есть такая поговорка: для достижения цели нужно активизировать мыслительный процесс до раны в мозгах. Это в переводе звучит так длинно, а сами китайцы выражаются короче. Dao tou shang dong pao tai. Интересно, а откуда я знаю китайский язык? Ладно, потом выясним.

Так вот, я сидел за компьютером, который не так давно освоил. Вот ведь чудо техники. Что неправильно написал, взял, стёр, и продолжаешь дальше печатать. А я помню, как я печатал документы на пишущей машинке «Olympia».

Сделаешь ошибку, останавливаешься, стираешь или соскабливаешь ненужную букву, а потом на это место впечатываешь нужную. А если на место одной буквы нужно впечатать две? Вот тут и начинается искусство. Придерживаешь каретку рукой, чтобы она не ушла на определённое ей конструкцией расстояние, прицеливаешься сквозь прорези для рычага с литерой и нажимаешь кнопку. Бац. И мимо. Начинаем все с начала. Так как бумага тонкая, то придумали белилку, которая замазывает буквы. При тренировке вставка букв и исправления становятся делом лёгким, даже в какой-то степени интересным.

Так, о чем это я? О компьютере. Что-то мысль моя летает как бабочка с цветка на цветок. Будто хочется все сказать сразу, а выбрать самое главное и не могу. Так вот, сидел я за компьютером и вдруг почувствовал сильную боль в груди. От боли даже в глазах темнеть стало. Стал я по карманам искать своё лекарство и не нашёл. А потом в глазах все потемнело, и вот я проснулся здесь.

Я лежал неподвижно с закрытыми глазами и старался вспомнить события недавнего времени, но ничего не вспоминалось. Шёпот ребят стал как-то прояснять положение вещей.

– Слушай, а он случайно снова не того? – сказал один.

– Кто его знает? Годов-то ему сколько, пора бы и честь знать, тут только Бог решает, сколько ему осталось жить, – сказал другой.

– Сколько же ему сейчас лет? – спросил первый.

– Считай сам, – ответил второй, – если ему в тысяча девятьсот семнадцатом году было двадцать шесть лет, то в этом году ему будет ровно сто восемнадцать лет.

– Ну да, люди столько не живут. За это время, столько воды утекло, – сказал первый, – жалко, если старик уйдёт, не написав ничего путного. Вот и мы с тобой тут, чтобы записывать всё, что он скажет. Кстати, аппаратуру ты проверил? Если очнётся, поговорим с ним, а если не очнётся, то надем так на голову. Все равно какие-то мысли бродят в его старой голове, а эти мысли дороже золота.

Эх, ребята, знали бы вы, что за мысли бродят в моей голове, так не сидели бы с важным видом рядом с моей постелью. Что ж, становится все понятнее, что со мной произошло.

Был сердечный приступ, кто-то меня нашёл и вызвал врачей. На инсульт не похоже, так как мозги работают и все тело шевелится. Похоже, что я все-таки был там и Божий суд мне не приснился. Суд состоялся. А точно ли Бог сказал о вечной жизни?

Век я уже почти прожил. Я не думаю, чтобы Бог шуточки шутил. Мужик он серьёзный, вдумчивый, сказал – отрезал. Если так, то мне здесь залёживаться нельзя. Нужно что-то делать, раз мне жизнь продлена, и не нужно прислушиваться к организму, так или не так сердечко забилося. Оно и так будет биться, как ему при создании предписано – быстрее, когда тебе страшно и медленное, когда ты весь в истоме от удо-

вольствия.

Я под одеялом тихонько сжал руку в кулак. И почувствовал, что это кулак, которым можно врезать неприятелю, а не слабые старческие пальцы, способные на несильный тычок.

Почему же Бог не продлевает жизни всем, а выбирает только отдельных из них? Возможно, он смотрит на тех людей, от которых будет меньше вреда человечеству, так ведь я и был не божий одуванчик, растущий на полянке. Я был парнем о-го-го каким.

Я попробовал напрячь прямую мышцу живота, её ещё называют прессом и идёт она от рёбер до того места, где находится орган для продолжения рода человеческого. Я почувствовал, что пресс мой существует, что мышцы так же упруги, как и какое-то время назад. Конечно, они не настолько молоды, но позволяя человеку быть независимым в обслуживании самого себя.

Дельтовидная мышца и большая грудная мышца тоже имеют достаточную упругость. Четырёхглавая мышца бедра и икроножная мышца как будто напитываются живительной силой. Мне так и хотелось рывком вскочить с кровати, развести в стороны руки и почувствовать всю мужскую силу.

– Не торопись, – говорил я себе, – всему своё время, у тебя ещё вся жизнь впереди, а то получится как с тем дурачком, которому доверили стеклянный..., не помню чего, но знающие люди знают.

В паутине этих мыслей я и уснул.

Глава 3

– Больной, просыпайтесь!

Чьи-то ласковые руки легонько похлопывали меня по щеке. Я взял эту руку в свою и легонько прикоснулся к ней губами, а потом открыл глаза.

Рядом со мной на табурете сидела моя постоянная медсестра, женщина лет тридцати пяти, я не скажу, что она красивая, но приятная на вид.

– Просыпайтесь, больной, – тихо произнесла она, – нужно покушать и привести себя в порядок. Завтра предполагается комиссия по вашей истории болезни.

Я посмотрел вокруг и увидел синеву ночи в окнах.

– Сколько сейчас времени? – спросил я.

– Около двух часов ночи, – устало сказала сестра.

Понятно, «собачья вахта», прошёл обход дежурного врача, все спят, а кому-то нужно бодрствовать.

Я ел больничную еду так, как будто не ел всю жизнь. Аппетит был волчий. Правда что-то побаливало в горле и в носу, но не так сильно. Как будто мне ёршиком прочистили пищевод и носоглотку.

– Не торопитесь, больной, – сказала медсестра, вытерев мне салфеткой уголок рта и поднося очередную ложку с пищей.

– Какой я больной, я здоровый, – хотелось сказать мне, –

у меня даже мысли стали другие. Мне, например, нравится ваша грудь, которая открывается, когда вы наклоняетесь, и мне хочется обнять вас за спину и запустить руку под юбку.

Мысли вполне нормального здорового человека. И уж я знаю, для чего человеку нужны руки особенно в тех местах, которые закрыты женской одеждой.

Возможно, что медсестра уловила мой взгляд на её грудь. Она слегка покраснела и прикрыла вырез халата.

– Что ты прикрываешь, девочка, – думал я, – все равно под халатом у тебя почти ничего не надето. Распахни халат, и ты вся моя, – но мысли старого человека спрашивали меня, – а что ты будешь делать с ней?

– Сделаю что надо, – говорил я новый, – я тебе докажу, что ты отстал от жизни и что вся жизнь заключается именно в этом. Если человек не хочет женщину, то он уже не хочет ничего.

После еды медсестра подложила под мою голову большую салфетку и поднесла к моёму лицу зеркало. На меня смотрела бородастая физиономия с включенными волосами. Неужели это я? Я никогда не носил бороду и всегда ухаживал за своими, ставшими в последнее время редкими, волосами.

– Кто это? – вырвалось у меня.

– А вы приглядитесь внимательно, – улыбнулась женщина.

– Сколько же я здесь нахожусь? – спросил я.

– Больше месяца, – ответила медсестра, – лежите покой-

но и я избавлю вас от этого страшного человека, который сидит в зеркале.

Я закрыл глаза и отдался во власть её рук. Мягкостреко-чушая маленькая машинка с лампочкой сбивала растительность с моих щёк, щекотала верхнюю губу, залазила в нос, прикасалась к ушам, к затылку. Заботливая рука приподняла мою голову и дула на меня приятным мятным запахом с лёгким ароматом жареных котлет.

– Котлеты сами жарили? – спросил я.

– Ага, – машинально ответила медсестра и смутилась, – а что, пахнет котлетой?

– Не волнуйтесь, – успокоил я её, – пахнет женщиной, настоящей женщиной. Ну, что, посмотрим, кто там в зеркале?

Я посмотрел в зеркало и удивился. На меня смотрел гладковыбритый усатый мужчина в возрасте от сорока до пятидесяти, максимум до пятидесяти пять лет, шатен с густыми волосами, слегка тронутыми сединой. Конечно, он прогнал того страшного человека с бородой.

– Нравится? – спросил я.

Медсестра утвердительно кивнула головой.

Я притянул её к себе и обнял. Я чувствовал силу в своих руках и крепко держал женское тело, доверчиво прижимавшееся ко мне. Вдруг это тело встрепенулось, словно птица, попавшая в силки, и начало вырываться из моих объятий.

– Чего ты ждёшь? – сказал Дон Жуан. – Припечатай её к матрасу и сделай своё дело. Ей это понравится, хотя она

и будет проклинать тебя.

Разве это можно? – вопрошал меня Казанова. – Отпусти её и дай всему идти своим чередом – она от тебя никуда не денется.

Разумное одержало во мне верх. Я ослабил объятия, и медсестра выскользнула из них, оправляя свой слегка помятый халатик.

– Почему? – тихо спросил я.

– Как почему? – так же тихо ответила мне медсестра. – Вы что, забыли, сколько вам лет? Вас только вчера вечером вывели из состояния клинической смерти, а до этого вы целый месяц находились в коме. Я не знаю, что с вами случилось, вы очень сильно переменились, помолодели что ли, но если вы умрёте в моих объятиях, то мне никогда не вылезти из той тюрьмы, в которую меня упрячут за убийство такой важной персоны как вы.

– Но..., – начал я.

– А вот «но» подождёт до решения врачебной комиссии, – сказала медсестра, собрала цирюльные принадлежности и ушла.

Глава 4

Утром меня снова будили. Я перестал просыпаться ни свет, ни заря. Утром я спал сном человека, который тратит много сил ночью и добирает их за счёт утреннего сна.

– У вас полчаса на приведения себя в порядок, – сказала мне новая медсестра, – давайте я помогу оберечь ваше лицо и руки мокрым полотенцем.

Удивлённо посмотрев на неё, я встал и легко прошёл к умывальнику, где из всех туалетных принадлежностей было только казённое мыло в казённой мыльнице. Умывшись и прополоскав рот, я сделал несколько физических упражнений, уловив удивлённый взгляд медсестры.

– Будьте любезны дать мне что-нибудь на завтрак, – попросил я её.

Медсестра пулей вылетела из палаты и минуты через три вернулась с молодым врачом.

– Больной, немедленно в постель, – скомандовал врач.

Я лёг с некоторым чувством недовольства, как и все больные, у которых прошёл кризис, и которые считают, что врачи просто придираются, чтобы показать свою значимость, а все лечение прошло только благодаря выносливости пациента.

Когда есть опасность для жизни, все с надеждой смотрят на врача, а когда опасность проходит, то больной становится большим докой в вопросах медицины. Так и я с интересом

поглядывал на молодого доктора.

Доктор измерил давление, пульс, при помощи стетоскопа внимательно и в разных местах груди прослушал моё сердце, потыкал пальцами в грудь, ноги, посмотрел икроножные мышцы, потрогал бицепсы и о чем-то задумался.

– Доктор, – спросила медсестра, – больной попросил покушать, что ему можно?

Доктор посмотрел на медсестру.

– Что ему можно, – повторил он её вопрос и сам же на него ответил – по-моёму, ему можно всё.

Медсестра ушла, а доктор обратился ко мне.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Прекрасно, доктор, – ответил я, – как будто заново родился.

– Да, заново родился, – медленно произнёс врач, – но ведь такого не бывает. Вы представляете, что мне придётся докладывать комиссии? Я даже не знаю, как всё это объяснить, меня же дисквалифицируют. Я помню, каким вы поступили к нам. По физическому состоянию вы полностью соответствовали своему возрасту.

– Не волнуйтесь, доктор, – попытался я его успокоить, – когда нет никаких объяснений, то всегда уповают на потусторонние силы. Но мы с вами люди грамотные и прекрасно знаем, что никаких потусторонних сил нет, просто есть неразгаданные возможности организма, активизируемые внешним воздействием или способностью человека самостоятельно

мобилизовать их. Давайте остановимся на том, что произошла самомобилизация духовных и физических сил пациента.

— Кто же в это поверит? — как-то неуверенно спросил доктор.

— Поверят, — достаточно уверенно сказал я, — я сам это подтверждаю, а они пусть попробуют доказать обратное. Один дурак может поставить в тупик сто мудрецов. Считайте, что это я и есть.

В палату вошла медсестра с подносом в руках.

— Не составите компанию? — кивнул я на поднос.

Доктор отказался, а я набросился на нехитрую больничную еду как на изысканные блюда, которые готовили только для меня и по моим пристрастиям. Я бы съел ещё три раза по столько, но доктор меня остановил, сказав, что с набитым желудком организм работает с нагрузкой, а мне нагрузки противопоказаны. Это мне-то нагрузки противопоказаны? Да я готов горы сдвигать!

В палату вбежала старшая медсестра, быстро осмотрела углы, поправила полотенце на вешалке и встала в сторонке.

Дверь в палату открылась и вошла толпа людей в белых халатах. Именно толпа. Человек пять-шесть профессоров, определял по возрасту, столько же больничных светил и человек пятнадцать студентов с тетрадками.

Профессора сели на принесённые студентами стулья и уставились на меня. Я тоже с интересом смотрел на них.

Пауза стала затягиваться, так как люди ожидали увидеть одно, а видят другое.

– Так, – сказал один профессор, – а сколько вам лет?

– По паспорту или по внутреннему календарю? – уточнил я вопрос.

– Да и так, и так, – согласился профессор.

– По паспорту я 1891 года рождения, а по внутреннему календарю – лет сорок с небольшим, – чётко ответил я.

Студенты прыснули. Профессор строго посмотрел на них.

– Коллеги, попрошу быть серьёзнее, – сказал он, – мы имеем дело с уникальным явлением, больной правильно называет свой возраст, мой дедушка знал его молодым, а наяву мы видим совершенно другой, восстановленный организм. Мы на пороге величайшего открытия современности и ваше присутствие здесь вы должны расценивать как высшую степень доверия и сопричастности к большой науке.

Повернувшись ко мне, профессор спросил, заглянув в историю болезни:

– Как чувствуете себя Дон Николаевич?

– Спасибо, профессор, очень даже хорошо, нежели перед поступлением в больницу, – ответил я.

– Давайте-ка мы осмотрим вас, – сказал профессор. – Раздевайтесь полностью и не стесняйтесь, здесь все медики, а вы человек уникальный, пусть люди учатся, будущие профессора и мы им должны передать свои знания. Так?

– Так, профессор, – сказал я, снимая длинную рубашку.

В какой-то степени я чувствовал некоторое смущение от присутствия молодых и симпатичных девичьих мордашек, а с другой стороны стеснительность мужчины перед женщиной и женщины перед мужчиной частенько убирает самые яркие оттенки нашей жизни.

Глава 5

Целый день я подвергался осмотрам и анализам. Всю эту кухню рассказывать не буду. Это в кино доктора в белых халатах и с умным видом решают, кого и как будут лечить. А на деле это грязная и рутинная борьба за человеческую жизнь с постоянной ответственностью за то, что человеческий организм перестаёт сопротивляться и тогда наступает пора следственных работников от медицины и правосудия решать, а так ли лечили больного, а вот если бы так, то он бы и выжил.

Следственные работники берут на себя функции Бога в теории и решают, кого звездануть по лбу чашкой весов Фемиды, а по кому промахнуться. Утрированно говоря, врачи – это как автослесари, только в белых халатах для стерильности. Та же разборка и чистка механизмов, замена изношенных частей, наладка системы зажигания, подачи топлива и тормозной жидкости.

К вечеру я был настолько измучен, что еле дождался, когда закончится капельница с поддерживающим раствором из глюкозы с калием и магнием.

Только сняли аппаратуру, как я сразу уснул. То ли я спал, то ли не спал, но мне казалось, что я бреду темной ночью по какому травянистому лугу, спускаясь в душные овраги и поднимаясь на поверхность. Небо тёмное-тёмное и на нем

нет ни единой звёздочки, нет луны и не видно облаков. Возможно, так вот и выглядит преисподняя и неизвестно, что ждёт меня впереди.

Пробуждение было похоже на падение в глубокую яму, из которой я пытался вылететь как птица и все-таки вылетел на белый свет. За окном светило солнце, было тихо и спокойно. Я прикрыл на несколько минут глаза и снова уснул. Меня разбудила дежурная медсестра с термометром.

– Дон Николаевич, – прошептала она, – помолитесь за меня и за мою дочку. Чтобы Бог дал ей хорошего мужа, и чтобы в моей жизни появился стоящий мужчина, а не козёл, которых много шатается по пивным да валяется под заборами.

– А ты-то сама чего не молишься об этом? – так же шёпотом сказал я.

– Я-то молюсь, да видать Господь мои слова не слышит, много баб, таких как я, о счастье своём просят, может, он что-то и делал для меня, да товарки мои моё счастье и перехватили. А вы к Господу ближе нашего, помолитесь, а, – умоляла она меня.

– Ладно, помолюсь, – сказал я и снова прикрыл глаза.

– Не хватало ещё, чтобы из меня делали святого, тогда вообще проходу не будет, а по моей специальности особая слава не положена, как и известность, – думал я в полудрёме, – это если прогоришь как швед под Полтавой или совершишь деяние как гетман Мазепа, то тогда на весь мир прославишься. Лучше уж жить потихоньку, да дело своё делать.

Я не слышал, как у меня забрали термометр. Я спал. Спал спокойно, как после трудной недели, отдыхал, набирался сил и настроения.

Новый день принёс новые обследования и анализы. Меня просматривали в томографе, прослушивали при помощи эхокардиографии, смотрели во все дырки, можно сказать, что не было уголка организма, куда бы ни заглянул пытли- вый глаз врача. Одна душа осталась нетронутой.

Монотонность больничной жизни была нарушена приходом моей феи, которая привела меня в божеский вид. Когда человек живёт очень долго, то он поневоле остаётся совершенно один, теряя всех своих родных. Об этом мне и говорили на Суде, предрекая мне и в оставшуюся жизнь терять всех близких людей.

Дон Жуан меня толкал к ней, а Казанова говорил, чтобы я не делал новых привязанностей, с которыми трудно расстаться. Я приказал им замолчать и решил, что я буду делать так, как велит мне моя душа.

– Здравствуйте, Дон Николаевич, – сказала она и стала доставать из сумки разные свёртки.

– Здравствуйте, Катерина, – поздоровался я, – а что это такое?

– Как что, это обыкновенная человеческая пища собственного приготовления, – ответила она.

– Но..., – начал было я.

– Никаких но, – сказала Катерина, – я знаю, что о вас неко-

му позаботиться, и эту вакансию заняла я.

– И вас не тревожит мужское непостоянство? – с усмешкой спросил я.

– Не тревожит, – твёрдо сказала Катерина, – от хорошей бабы мужик не гуляет.

Два чёртика в моей душе укатывались со смеху, слыша эти слова.

– Слушай, после сегодняшней ночи ей нужно устроить хорошенький перерыв в отношениях, – шептал мне Дон Жуан.

– Не слушай его, женщину нужно ублажать, пусть она думает, что добилась всего, что хотела, и не нужно давать ей возможности разувериться в этом. Пусть ей самой надоест эта бесконечно приторная сладкая жизнь. Если хочешь её удержать около себя подольше, то подбавляй горечь в отношения, – говорил мне Казанова.

– А хорошего мужика никакая баба не стреножит, – отпарировал я Катерине.

– Это мы ещё посмотрим, – сказала она, подавая мне тарелку с чем-то феерическим, похоже, с рыбным блюдом и сложным гарниром.

– А приправы никакой нет? – спросил я.

– Какой приправы? – удивилась Катерина.

– Ты что, не замужем? – спросил я.

– Уже давно не замужем, – ответила женщина.

– Оно и видно, – сказал я, – без рюмочки такая прелесть будет горло царапать.

– Вот, взяла на всякий случай, – и Катерина достала из сумочки микроскопическую аэрофлотовскую бутылочку дагестанского коньяка.

– Ну, со свиданьем, – сказал я, выпил и принялся за рыбу, которая имела вкус мяса. Точно знаю, что ем карпа, а по вкусу как говядина отварная в соусе. Так китайцы делают, у них мясо как рыба и рыба как мясо, зачем они так делают, вероятно, и сами не знают.

– Вкусно, – сказал я с набитым ртом.

– То ли ещё будет, – ответила Катерина.

Поздней ночью, уставшие и обессиленные мы лежали с ней в моей широкой кровати отдельной палаты военного госпиталя. Катерина дремала на моём плече, а я вспоминал...

Глава 6

– Донька, ты руки мыл? – строго спрашивала меня мама.

– Мыл, – говорил я и показывал ладошки, хитро улыбаясь.

– Иди, моё солнышко, сюда, сейчас мы будем пить молоко с чёрным хлебом, – говорила мама, отрезая большие куски хлеба от серого сверху ржаного каравая.

Молоко с чёрным хлебом на полдник было традицией в нашей семье, и я всегда любил взять горбушку, откусить от неё и запить жирным и вкусным молоком, которое каждое утро приносила молочница из крайнего дома в дачном посёлке.

– Какими успехами похвастаетесь сегодня, молодой человек? – спрашивал мой отец в белом кителе министерства путей сообщения, сидя вполоборота к столу и читая «Ведомости».

– Мы поймали большого кузнечика, – говорил я, разбрызгивая молоко и стараясь быстрее прожевать хлеб и ответить папе свободным ртом. – Он имеет сильные ноги и крылья. Он высоко подпрыгивает и включает крылья, совершая дальние полёты. Папа, а человек может сделать для себя вот такие же ноги и крылья, чтобы передвигаться быстрее всех людей на свете?

– Зачем это ему быть как кузнечiku? – деланно возмущался мой отец. – В Москве родился миллионный житель. Это

что же будет, если миллион человек будет иметь такие механические ноги и крылья как у кузнечиков? Это будет столпотворение в воздухе. Многие люди попадают и порасшибают себе головы. Вот когда мы достроим транссибирскую магистраль, то людям не нужно будет прыгать и летать, они сядут в тёплый и уютный вагон и спокойно поедут к Тихому океану. А что у вас нового из греческого?

– А ничего нового из греческого нет, – скороговоркой ответил я, потому что увидел моих приятелей, дожидавшихся меня за забором. – Началась греко-турецкая война. Греческий король Оттон Первый решил возродить Византийскую империю и вернуть Константинополь...

– Молодой человек, – поперхнулся молоком отец, – откуда вы такое слышали? Вам нужно поступать в первый класс гимназии, а не заниматься мировой политикой...

Но меня уже не было за столом, мы бежали собирать ватагу, чтобы на плотях выплыть на середину пруда и закричать: «Сарынь! На кичку». Что это такое, мы не знали, но предполагали, что это клич пиратов для атаки.

Плоты были хлипкими, и стоило кому-то из команды ступить шаг не туда, как угол плота начинал медленно тонуть, заставляя всех нас уравнивать «дредноут».

Все морские бои заканчивались тем, что все команды были в воде и грязными, как мальчишки из простых семей, так и из семей интеллигенции, одетые в матроски с гюйс-ми и полосками на них. Всем скопом мы пытались отстирать

наши матроски, но получалось ещё хуже. Грустные мы шли по дачам, придумывая небылицы о том, как мы нечаянно упали в воду...

Студенты технического университета были одеты в мундирный сюртук с бархатными петлицами и погончиками с вензелями на плечах. Ни дать, ни взять военное сословие. Мы сидим в огромном лектории и слушаем лекцию профессора кафедры механики:

– Паровая машина – это старейший тепловой двигатель. Первая промышленная паросиловая установка в России была построена в 1765 году. Несмотря на низкий коэффициент полезного действия паросиловой установки, она обладает прекрасными тяговыми характеристиками и поэтому имеет и будет иметь в будущем огромное значение для развития мировой техники.

– Профессор, – закричал один наш студент, – зачем нам изучать устаревшую технику, когда вокруг нас век бензиновых двигателей и электрических машин? Паровая машина это все равно, что каменный топор древнего человека...

– Мне нравится ваш юношеский максимализм, – сказал с улыбкой профессор, – но при помощи чего вырабатывается электрическая энергия? Правильно, при помощи паровой машины. Скоро мы поставим на службу человеку энергию ветра, воды. Но для того, чтобы решить эти задачи, нам нужно знать основы техники, идти от простого к сложному, потому что в изобретениях наших предков ещё много нерас-

крытых нами тайн.

Труды великого Леонардо да Винчи опередили его время и ждут своих инженеров. Автоматика древности ждёт своей реализации.

Никто в мире не собирается делиться своими изобретениями и открытиями. Делятся тогда, когда утаить это уже невозможно. Так кто же может определить важность того или иного изобретения для человечества? Правильно – инженер и не только инженер, но человек грамотный и эрудированный. То есть человек, не считающий любые знания бесполезными.

Кто ответит на вопрос, с помощью каких орудий наши древние предки делали наскальные рисунки. Как в отсутствие металлов они могли резать камень? Не знаете? И я не знаю, но я хочу узнать, чтобы использовать утерянные знания древних в сегодняшнем дне. Не все из вас станут инженерами, кто-то пойдёт по военной линии, кто-то по учительской или административной стезе, но все из вас будут грамотными людьми, способствующими техническому процветанию нашей родины. Так, на чем мы остановились?

Практика на заводе. Участвовали в разборке огромной электрической машины. Какой огромный человеческий труд вложен в неё. Нашли неисправность – расплавленный провод в одной из обмоток статора. Сварка бронзой. Изоляция. Сборка машины. Включение. Работает.

– Спасибо, господа студенты, – говорит нам главный ин-

женер, — душа радуется, глядя на вас...

Свидание со «смолянкой» Натальей.

— Чем от вас пахнет, Дон? — сморщив носик, спросила она.

— Машинным маслом, — с восторгом начал я рассказывать о нашей технической победе.

— Вы пахнете как мастеровой, а это неблагородно, — настаивала меня девушка.

— Извините, Наталья, но дела требуют моего срочного присутствия у моих домашних. Я вам напишу, — сказал я Наталье, проводив ее до Смольного института. У дворян свои понятия о том, что благородно, а что неблагородно, в среде интеллигенции свои...

— Дон, ты спишь? — спросила меня Катерина.

— Угу, — ответил я, — спи, спи, дорогая...

Глава 7

Английским языком со мной занимался папа, учившийся и работавший какое-то время в Англии, а французским – мама, учившаяся у гувернантки-французженки. Немецкий язык изучал в университете, совершенствовал в научной командировке на заводах Круппа.

Перед командировкой папа познакомил меня со Станиславом Сергеевичем, своим давним приятелем.

– Станислав Сергеевич работает в военной контрразведке, – предупредил меня отец, – поэтому отнесись серьёзно к тому, что он скажет.

– Хорошо, папа, – смиренно сказал я, лихорадочно сообщая, что от меня понадобилось этой контрразведке.

Разговор проходил в папином кабинете. Тет-а-тет. За чашкой чая.

– Дон Николаевич, – сказал мой собеседник, – о вас только хвалебные отзывы, поэтому я обойдусь без всяких предисловий и спрошу прямо: вы хотите помочь России?

– Конечно, – ответил я, – только чем?

– Россия отстаёт от западных стран по многим показателям и отстаёт очень сильно, – сказал Станислав Сергеевич. – И дело не в том, что у нас не хватает своего ума. Ума у нас хватает, да вот только у тех, кто определяет приоритеты нашего развития, совершенно другие понятия о прогрессе.

се и о месте России в современном мире. Пальцем указывать не будем. История пригвоздит их к позорному столбу. Всех, даже не сомневайтесь в этом, Дон Николаевич.

Наша задача – обеспечить Россию данными для работы наших инженеров, чтобы не отставать от всего мира.

Я уже предвижу ваши возражения – и скажу, что все страны занимаются этим, и никто не считает это зазорным. Я уж не говорю про Японию, которая скупала все, что казалось парадоксальным, и вышла в число передовых в мире.

Даже английские джентльмены, коими восхищается ваш папенька, не считают недостойным положить в карман бумажку с патентом или изобретением. И они же презрительно говорят об этом – шпионаж. Это не шпионаж – это разведка. Вот и я предлагаю вам попробовать себя на этом поприще. У нас пока нет академий разведки, вам придётся самому осваивать азы этой науки, а основы мы вам расскажем перед отъездом. Осмотритесь, наберитесь опыта, заведите связи, почувствуйте жизнь заграницы. Больше нам ничего не нужно.

– Станислав Сергеевич, – сказал я, немного подумав, – на университетскую стипендию не получится почувствовать и завести связи. Да и в одиночку работать трудно.

– Резонно, молодой человек, – сказал контрразведчик, – для этих целей мы будем переводить вам определённую сумму как помощь от родителей, а за вами будут приглядывать наши люди, которые придут на помощь, если она вдруг по-

требуется. Но только в крайнем случае. Ну как, по рукам?

И мы пожали друг другу руки. Так я вошёл в святилище.

Теоретический курс перед отъездом так и остался теоретическим курсом. Реальность была другой.

Германия встретила приветливо. Бесплатный работник был нарасхват, благо преподаватели наши поработали с нами немало. Я всё впитывал в себя как губка. Не отказывался ни от какой работы. Смотрел, как организуют работу мастера, сменные инженеры, как выполняется та или иная операция, как организуется работа отдельного рабочего...

На меня смотрели как на русского. Немцы – люди прижимистые. Если пригласят в гости, то всё будет отмерено по граммам по заранее высказанным пожеланиям, а когда ты приглашаешь их, то обязательно спрашивают, а пельмени с борщом будут?

Не будут, потому что в Германии их никто и не умеет делать, а заказывать в ресторане накладно, да и кто его знает, как они приготовят. Поэтому я и принимал своих гостей в ресторанчике. Когда платишь не ты, то и вино становится вкуснее и компания приятнее. Так, за приятной беседой с возлиянием мне и досталась структура присадок для оружейной стали. Память молодая хорошая, но и она со временем стирается, поэтому я сразу после возвращения в свою комнату записал все, а потом зашифровал это в своём дневнике.

Месяц в Германии пролетел мгновенно, и «родитель» мой

дал согласие на путешествие по Австро-Венгрии. Я пил пиво в Чехии, ел их тушёное мясо, но все равно тосковал по нашей русской кухне. Пусть не обидятся на меня представители западной цивилизации, но самая сытная и самая изысканная пища – наша.

В Праге, будучи немало навеселе после «Праздроя», я бросился навстречу понёсшимся лошадям и остановил коляску с молодым офицером и девушкой. Офицер сам бы остановил лошадей, но он не мог дотянуться до упавших вожжей.

Офицером оказался эрцгерцог Фердинанд. Это его так просто зовут, а настоящее имя звучит так Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте, племянник австрийского императора Франца Иосифа и наследник австрийского престола. В коляске находилась его чешская родственница по жене Софии, графиня Хотек и Вогнин. Мы познакомились, и я получил приглашение к императорскому двору.

Я никогда не относился к столбовым дворянам. Отец мой, почётный гражданин, то есть сын человека, получившего за доблесть личное дворянство, хотя и был потомком дворянина, но дворянства не имел. А вот сын его удостоился личной аудиенции императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа.

Император поблагодарил меня за спасение наследника престола и наградил рыцарским знаком ордена Фран-

ца-Иосифа – золотым крестом красной эмали, наложенным на двуглавого австрийского орла чёрной эмали с золотом. На центральном медальоне золотые буквы «FJ» – Франц-Иосиф – и надпись в нижней части креста «VIRIBUS UNITIS» (Соединёнными силами).

Император был грустен. Грусть не покидала его с того времени, когда его сын кронпринц Рудольф и его любовница баронесса Мария фон Вечера покончили с собой, так как против их отношений выступал сам Франц-Иосиф.

Рудольф был любимым сыном императора и в его честь назван принадлежащий России арктический остров Рудольфа, входящий в состав Земли Франца-Иосифа.

История с самоубийством влюблённых очень запутана, потому что баронесса застрелилась или была застрелена, и кронпринц застрелился. Историю предали забвению, но с течением времени она то и дело выплывала на поверхность в виде журналистских репортажей или телевизионных сериалов на тему «Всё могут короли».

Вот на таком грустном фоне и с орденом на треугольной ленточке я возвратился из своей первой заграничной командировки.

Глава 8

Я проснулся от ярких солнечных лучей, бьющих прямо в лицо. На тумбочке лежали мои механические часы «Секунда» и на часах было восемь часов. Похоже, что мне просто приснилось, что у меня вчера было, что я пил коньяк, ел рыбу со вкусом мяса, и что на моём плече лежала восхитительная женщина.

Но на стуле рядом с кроватью лежал мой тренировочный костюм любимого тёмно-синего цвета с белыми полосками. Около кровати мои домашние тапочки. На туалетной полочке моя бритва, зубная щётка и моя мыльница с моим мылом. Значит, это был не сон и меня начинает стреноживать женщина.

– Интересно, как это будет происходить, – думал я, начиная зубной пастой свои и металлокерамические зубы. – Сначала заманить вкусным сеном в стойло, потом накинуть хомут, запрячь в телегу и понукать вперёд, натягивая то правую, то левую вожжу. А не выйдет, милочка, – улыбался я, – и не таких, как ты, обьезжали...

По существующему тогда положению, да оно и сейчас не изменилось, носить иностранные ордена можно было только с высочайшего разрешения, о чем мы и написали прошение вместе со Станиславом Сергеевичем и послали его по линии военной контрразведки.

Хочу сразу пояснить, что военная контрразведка того времени и военная контрразведка сегодняшнего дня – это совершенно разные стороны совершенно разных медалей.

В военную контрразведку подбирали лучших офицеров, а не всех желающих из числа нижних чинов или даже офицеров, оказывавших услуги секретного порядка.

Нижним чинам вход в эту организацию был закрыт, да и нижние чины редко становились офицерами, они, как правило, выходили в городовые, либо в филёры.

И военная контрразведка не была органом для реализации призрачных амбиций контрразведчиков, не сумевших реализовать себя в военной службе.

Начало второго десятилетия двадцатого века в России ознаменовалось бурным развитием техники, остановленное революцией, но об этом попозже. Во всяком случае, через неделю после отправки моего прошения Станиславу Сергеевичу телефонировали из Петербурга и сообщили дату Высочайшего представления. Я был поражён. В мои годы быть представленным Государю императору! Это была высокая честь. Мои родители были в восторге.

Папа говорил:

– Я знал, сынок, что твоя любознательность и стремление к знаниям будут по достоинству оценены.

В Петербург выехали по Николаевской железной дороге. То, что раньше было достижениями человеческой мысли, сейчас кажется убожеством. Но даже на том уровне россий-

ский сервис министерства путей сообщения был на высоте, особенно в вагонах повышенной классности.

Я первый раз приехал в столицу Российской империи, и она поразила меня своей чопорностью против домашней Москвы.

Представление чинами военной контрразведки происходило по-военному. Станислав Сергеевич оказался Генерального штаба подполковником, в форме он представил меня начальнику особого делопроизводства при отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба, генерал-майору Генштаба Монкевицу Николаю Августовичу. Это был настоящий офицер. Окончил Павловское военное училище, Николаевскую военную академию, прошёл многие должности штабной и командной работы. Послужив в Отдельном корпусе пограничной стражи, он знал, что делается на границах России и что хотят знать иностранные разведки.

Двойное подчинение и военному командованию, и Министерству внутренних дел через Отдельный корпус жандармов делало должность начальника особого делопроизводства дипломатической.

По результатам встречи я понял, что военный мундир для моей последующей работы будет не нужен, но и никто не говорил мне, какую работу хотят предложить. Дифирамбы дифирамбами, но часто за ласковыми словами скрывается горькая микстура. Учебных заведений для подготовки работников спецслужб тоже не было, все учились друг у друга

или у более опытных коллег.

От генерала Монкевица мы поехали за прокатным смокингом для царского представления. Смокинг оказался вполне приличным, тщательно вычищенным, отглаженным, и пришёлся мне впору.

– Ничего, Дон Николаевич, скоро у вас будет свой смокинг, – улыбнулся Станислав Сергеевич.

Уплатив деньги за прокат и доставку смокинга в гостиницу, мы поехали в ресторан поужинать.

– Завидую я вам, Дон Николаевич, – сказал подполковник, поднимая за меня тост с рюмкой чистой водки, – завидую вашей молодости и тому, что вам пришлось заняться этой работой сразу, а не подходя к ней тернистыми путями. Знаю, что придёт пора, когда наших сотрудников будут готовить академии, и мы сами будем учить их, передавая свой опыт. За вас, уважаемый, за ваше будущее.

Глава 9

Представление императору проходило в десять часов в большой зале Зимнего дворца. Сановники, генералы, офицеры, чиновники различных ведомств, партикулярные люди. В числе последних был и я. Почти последним. За мной стояло ещё несколько незнакомых мне людей.

Царь шёл, останавливаясь перед представляющимися. Адьютант со списком шёпотом называл представляющегося. Дошла очередь и до меня...

– Доброе утро, Дон Николаевич.

Дверь моей палаты открылась, и вошёл главный врач госпиталя с каким-то мужчиной в белом халате, накинутом на плечи.

– Ну, что же, – сказал главный врач, – у нас к вам масса вопросов, но не по поводу вашего здоровья, а по поводу вашей возрастной ремиссии, но за этим мы будем наблюдать постоянно. А сейчас можете быть свободны. Вот ваш выписной эпикриз, а с этим товарищем вы, как мне кажется, знакомы.

Так, меня выписали из госпиталя. А кто этот товарищ, убей меня Бог, совершенно не помню. То ли склероз остался, то ли это было так давно, что память на такие расстояния просто не распространяется.

– Дон Николаевич, вы меня не узнаете? – спросил незна-

комец.

– Не припоминаю, – сознался я.

– Да Васнецов я, Дон Николаевич, – заговорил мужчина быстро, как будто я мог прервать его, – помните, нас наружки прихватили, когда я проводил тайниковую операцию.

– Какую? – не понял я.

– На входе в Армянскую церковь..., – уточнил Васнецов.

– Так, помню, я-то открутился от них, а вот ты как? – поинтересовался я.

– Да и я открутился, доказательств никаких, отпустили, – усмехнулся мой гость.

– Сейчас кем, как? – спросил я.

– Да полковник уже, начальник отдела, – скромно сказал Васнецов, – приехал с поручением от директора Службы внешней разведки. Приглашает вас к себе.

– С чего бы это? – удивился я.

– Не знаю, сие нам неизвестно, но приказано оказать вам помощь во всем и сообщить, когда у вас будет время приехать к нему, – сказал полковник.

– Тогда поедем ко мне домой, осмотримся и решим, – сказал я.

Сам Бог мне послал Васнецова. А, может, и не Бог, а его начальник, но новая встреча с Васнецовым должна что-то изменить.

После того случая у Армянской церкви меня перестали привлекать к обучению молодняка. Сказали, – достаточно,

Дон Николаевич, отдыхайте. И как-то после этого сразу стали забывать обо мне. Все-таки было восемьдесят пять, а потом и поздравлять с праздниками перестали, думали, что умер уже.

Я надел свой спортивный костюм, сложил в полиэтиленовый пакет туалетные принадлежности и готов. Нищему собраться – только подпоясаться.

– Поехали, Васнецов, – сказал я, – тебя как звать-то?

– Сашкой, – сказал он и сразу поправился, – Александр Сергеевич.

– Поехали, Александр Сергеевич, – и я пошёл к выходу.

Внизу ждала «Волга» с водителем.

– Дон Николаевич, я в полном вашем распоряжении, – сообщил Васнецов.

Я кивнул головой. Сел в машину и задумался. Поездка по нынешней Москве сродни поездке на почтово-багажном поезде, останавливающемся на каждой станции и полустанке...

– Здорово, Казанов, – сказал царь.

– Здравия желаю, Ваше Императорское Величество, – отчеканил я так, как меня учил Станислав Сергеевич.

– Отписал мне Франц-Иосиф о твоих подвигах и о том, что возвёл тебя в рыцари своего ордена. Молодец. У меня своего ордена нет, но я жалую тебя потомственным дворянством. Служи честно, Казанов, – сказал царь и двинулся дальше.

– Рад стараться, Ваше Императорское Величество, – закричал я вслед царю.

Ещё через пару минут приём окончился. Ко мне бросились многие сановные особы с горячими поздравлениями. Мало кто удостоился такой беседы с царём, а раз беседа была дольше, чем положено по протоколу, то, значит, человек становится кем-то вроде фаворита. Откуда-то генералы, полковники и люди в расшитых позументами сюртуках узнали моё имя и отчество, пожимали мне руки, поздравляли, приглашали к себе, но распорядитель приёма подошёл и сказал мне, чтобы я шёл за скороходом, который ждёт меня у дверей.

Скороход вёл меня по каким-то коридорам, лестницам и остановился у ничем не приметной двери, кивнув на неё головой. Я постучал в дверь и вошёл.

За дверью находился большой кабинет с огромным письменным столом, приставным столиком на четыре человека, слева стенка-библиотека до потолка (а потолки старорежимные), маленький столик и два кресла у него.

– Уютный кабинет, – подумал я и услышал голос:

– Вот вы какой, Дон Николаевич. Что же, проходите, присаживайтесь в кресло. Я полковник Борисов. Давайте знакомиться...

– Приехали, Дон Николаевич, – вывел меня из задумчивости голос Васнецова.

Машина стояла у моего дома. А у меня ни ключа, ничего.

Вот и приехал, называется.

– Пойдёмте, я провожу вас, – сказал Васнецов, – Екатерине Дмитриевне я позвонил, что привезу вас, так что все дома в порядке.

– Какой Екатерине Дмитриевне? – удивился я.

– Как какой? – в свою очередь удивился Александр Сергеевич. – Супруга ваша, она в госпитале работает.

– Ах, да, – спохватился я, – как-то не привык жену по имени-отчеству величать.

Похоже, что меня треножит не только одна Катерина.

Глава 10

Дверь открыла Катерина.

– Проходите, давно жду вас, – сказала она. – Александр Сергеевич, снимайте плащ, проходите.

Я как бы само собой разумеющееся. Все всё знают. Все в теме, а чего ждать от старика, которому через месяц должно исполниться сто восемнадцать лет? А что от него ждать? Реликт. Дуб. Пень.

Полноте, товарищи и господа лузеры. Я был знаком с первым радио, когда ваших дедушек и бабушек в проекте не было. Неужели вы думаете, что я всегда буду находиться на два шага позади молодёжи. Дудки. Когда я был списан всеми разведками мира, в том числе и нашей разведкой, я был в курсе всех дел и всё при помощи Интернета, с которым я познакомился раньше всех российских пользователей, сразу поняв его безграничные возможности. Но это не для всеобщего обсуждения. Сейчас я должен поступить как волк, который отлучился на минуту, а в его стае уже начали происходить необратимые изменения, спровоцированные молодыми волками, мечтающими о карьерном росте.

– Катерина, что там с моим выходным костюмом? – спросил я довольно неожиданно, поставив в тупик мою новую хозяйку и удивив Александра Сергеевича.

Неожиданный вопрос всегда должен быть наготове. Похо-

же, что у всех было продумано всё, но только не это. Я прошёл в свой кабинет и открыл платяной шкаф. В шкафу пахло нафталином, зелёным чаем и ещё какой-то гадостью, зато не было намёка и на моль, которая как деликатес предпочитает натуральный хлопок и шерсть.

На плечиках висели полтора десятка разных костюмов. За столько-то лет могли и накопиться. Не все я носил. Со временем и телосложение человека меняется, то он толстеет, то он худеет с возрастом или какой-то болезнью и приходится покупать новый костюм.

Подошёл пока только тёмный шерстяной костюм в белую искорку. Точный цвет даже и трудно назвать, но костюм можно отнести к типу парадно-выходных или для торжественных случаев. Рубашка подошла сразу. Красный в белую косую полосу галстук я привычными движениями завязал «виндзорским» узлом и стал готов к любому делу.

– Вот этот костюм подготовь, – сказал я Катерине и повернулся к Васнецову, – а директору скажите, что завтра готов в любое время.

Я распрощался с ним и переоделся в свою обычную домашнюю одежду – мягкие брюки и тёплую рубашку в виде толстовки с двумя нагрудными карманами. Очень удобно работать в такой одежде, ничего не сковывает движения.

На столе был тот порядок, который я люблю. То есть полный беспорядок, но в этом беспорядке есть своя система, которая скрывает от посторонних глаз нужные мне предме-

ты, находящиеся у меня под рукой. Фотография моей покойной жены стояла в рамочке рядом с моим компьютером. Это плюс для Катерины.

– Что там у нас на ужин? – спросил я Катерину и она, взмахнув руками, унеслась на кухню. Вероятно, я отвлек её от какого-то кулинарного изыска.

В зале был накрыт стол на две персоны. В центре стоял подсвечник. Романтический ужин.

– Ты не против того, что я здесь хозяйничаю? – спросила моя подруга. – Ты мне расскажи, что можно трогать, а что нельзя и вообще, ответь на вопрос, мы будем жить вместе или ты предпочтёшь остаться один?

Правильно поставлен вопрос. Мы не молодые люди, которые только начинают свою жизнь.

Я обнял её и сказал, чтобы она хозяйничала здесь. Я почти тридцать лет жил один и начинаю новую жизнь.

К вечеру позвонил Васнецов и сообщил, что директор будет ждать меня завтра в шестнадцать часов, а в четырнадцать за мной придёт машина.

Я сидел в кресле и смотрел телевизор, Катерина что-то делала с моей рубашкой. На деревянном помосте бесновался лидер демократических либералов и бывший неудобный для всех руководитель Росприроднадзора...

– Станислав Сергеевич дал вам самые лестные характеристики, – сказал мне полковник Борисов, – да и ваше поведение с эрцгерцогом Фердинандом достойно похвалы. Ва-

ша необременённость светом, неглубокие дворянские корни и почти пролетарское происхождение делают вас кандидатом на должность моего помощника. Что вы скажете на это предложение?

– А что я должен буду делать? – спросил я полковника.

– Ничего сложного. Не торопиться с вопросами, и исполнять все мои поручения, – сказал Борисов.

– Тогда я согласен, – сказал я.

– Вот и ладно, – сказал полковник, – именной указ о вашем назначении обнародован не будет, но через две недели жду вас здесь, пропуск на ваше имя будет выправлен, а вот по этому адресу снимете себе квартиру. В пути вот почитайте это, – и полковник передал мне книгу на английском языке, – «Нормандский дом, Плантагенеты, Ланкастер, Йорк, Тюдоры, Стюарты, Ганноверы, Веттины», пригодится, потом расскажете, что поняли.

– Слушаюсь, – сказал я и отбыл в Москву...

– Ты о чем-то задумался, – донёсся до меня голос Катерины. – У тебя всё хорошо?

– Да, всё хорошо, – откликнулся я. – Государственные шуты дают народу понять, что они те, за кого нужно голосовать, а проголосовав, народ убеждается в том, что они голосовали за тех, за кого не хотели голосовать. Когда баранов гонят на бойню, то впереди идёт козёл. Все думают, что раз он так спокойно идёт, то там всё хорошо. А козёл знает, что его выпустят через другие ворота и дадут капусты.

– Злой ты, Дон, – сказала Катерина, – я начинаю тебя побаиваться.

– Смотри сама, – сказал я, – во все времена правду называли злостью, а ещё хуже – клеветой. В царские времена с правдой боролись, при социализме правда была писанной, что не прописано, то неправда, и в демократии мы идём к тому же, что нам завещал товарищ Сталин.

– А что же делать? – спросила Катерина.

– Перестать врать, – сказал я, – перестать обманывать себя. От слова халва во рту слаще не станет. То, что хорошо, оно и есть хорошо, а то, что плохо, то и есть плохо. А мы все про богоносцев, про дух. Да ведь богоносцев в атаку матом гнали, не богоносцы сами в атаку шли с голыми руками. Это как?

– Не знаю, – призналась Катерина.

– Вот никто и не знает, а делают вид, что знают, а это хуже всего, если бы прямо сказали, что не знают, в какую сторону нам идти, это было бы честнее, – сказал я, – своего ума нет, то варягов на княжение приглашаем, то американцев рынку нас учить.

– А что плохого от того, когда в магазинах всё есть? – спросила моя подруга.

– Ничего плохого в этом нет, но это всё привозное, будем плохо себя вести, отберут. Тот, кто не развивает свою промышленность, тот хочет низвести себя до положения колонии, – я не стеснялся Катерины. Если она за меня, то и будет

за меня. Если нет, то быстрее раскроется. Посмотрим.

– Ты говоришь, как противник России, – прошептала она.

– Девочка моя, я, может, больше, чем кто иной другой могу так говорить о своей родине, которой не везёт на руководителей, – сказал я, – но иностранцам нельзя позволять так говорить. Рты им не заткнёшь, но зачем плодить своих иностранцев, пусть уж народ сам скажет, как ему лучше жить.

– Разве можно верить народу? – спросила Катерина.

– Можно, если народу есть с кого брать пример, – улыбнулся я. – У продажных князей и народ-то в основном продажный...

Глава 11

– Вот это будет ваш кабинет, – сказал полковник Борисов. – По соседству со мной. Эта книжная полка отодвигается и открывает дверь в вашу комнату. Но входить будете из другого коридора. Во дворце императора нам ничего не грозит, но осторожность никому не помешает. Что вы почерпнули из данной вам книги, мой друг? Расскажите о Йорках.

– Йорк это – герцогский титул членов королевского семейства, – доложил я. – Йорки спорили из-за короны с Ланкастерами. Сейчас титул герцога Йоркского носит старший сын принца Валлийского, наследника британского престола.

– В основе верно. Наша работа будет заключаться в том, что мы будем связующими звеньями между царственными домами не только Европы, но и всего мира, – сказал Борисов.

– А что, наш император не может написать другому императору? – спросил я.

– Может, – ответил полковник, – но все поступающие письма проходят регистрацию в канцелярии и таким образом становятся документами истории, а кроме того даже информация о том, что пришло письмо от другого императора, может повредить мировой политике вообще. Понятно?

– Понятно, господин полковник, – ответил я

– Обращайтесь ко мне по имени отчеству, оно простое,

Александр Васильевич, – улыбнулся Борисов, – а сейчас вы посвящены в такую тайну, из которой нет добровольного выхода. Запомните это. Вас никто отсюда не выпустит...

– Как это продажный народ? – спросила Катерина.

– Каждый народ достоин своего правительства, – сказал я.

– А ты не думаешь, что это чья-то придумка? – спросила женщина.

– Конечно, придумка, но придумал её очень умный человек, – что-то мне захотелось высказаться. Столько лет меня никто не слушал. – В развращённой Римской империи был развращённый народ. И империя погибла. Возьмём Византию. От чего она погибла? От того, что она расколола христианский мир и оказалась беззащитной перед лицом воинствующего ислама. Где сейчас город багрянородного базилевса Константина – Константинополь? Там же, только это сейчас исламский город Стамбул, столица европейской Турции. Ха-ха-ха! И ещё три раза ха-ха! Турция – это Европа! И Грузия тоже Европа! Держите меня семьдесят человек. Чего людей смешить? Все делается для того, чтобы снова уничтожить Россию. Слава Богу, нашлись в Отечестве нашем люди, которые сказали: стоять, суки – ещё шаг шагнёте – получите так, что Наполеон вам потом скажет: а зря вы, мужики, выпендривались. Не пойдёт больше Россия кровь свою проливать за Европу. Византия погибла, но она передала эстафету России и предупредила: русские, будьте бдительны!

– А что бы ты сделал, если бы тебе дали власть? – спросила

Катерина.

– Что? – переспросил я. – Я бы потуже закрутил гайки, чтобы меня слышали...

– Завтра мы едем с вами в Европу, – сказал мне полковник Борисов. – Буду представлять вас нашим партнёрам.

– Как партнёрам? – удивился я. – А разве мы...

– Ни в коем случае, – назидательно сказал Александр Васильевич, – там есть такие же сотрудники, как и мы, которые принимают письмо или передают нам личное послание. Конспирация есть высший принцип нашей работы. Главное, чтобы никто не подумал, что у нас есть какая-то важная цель кроме той, чем будем заниматься открыто.

– А зачем такая секретность, Александр Васильевич? – никак не мог понять я.

– Понимаете ли, молодой человек, – терпеливо стал объяснять мне Борисов, – есть политика явная, а есть политика тайная. Явно мы можем даже воевать, а тайно мы уже договорились о пределах войны, времени её остановки и разделении сфер влияния. Это повсеместная практика. Война до победного конца идёт только с упрямыми людьми, которые ослеплены собственным величием. Возьмите для примера турок. Русско-турецкие войны прекратились только тогда, когда турки поняли, что с русскими нужно договариваться, не умаляя своего величия в глазах своих подданных. И турки договаривались не только с Россией. Все страны много бы дали только лишь за то, чтобы хоть одним глазом взглянуть

на то письмо, которое находится у нас.

– Но это же легко сделать, – парировал я. – Взять и отобрать письмо.

– Как это, – удивился полковник, – грабить всех русских, выезжающих за границу?

– Почему всех, – не сдавался я, – только тех, кто приближен к царственным особам и пользуется их доверием.

– Ответ неправильный, – рассмеялся Александр Васильевич, – царская милость столь же непостоянна, как и любовь ветреной красотки.

– А вы, – старался я уяснить себе суть новой работы, – вот вы работаете во дворце, и никто не знает, что вы делаете, значит, вы и есть тот тайный сотрудник?

– А вот и нет, – сказал Борисов, – я царский архивариус. А вы мой помощник. Кто же доверяет государственные тайны архивариусам? Мы едем с вами в чешский архив. И запомните, продолжительность жизни часто зависит от длины языка...

Глава 12

– Ты знаешь, – сказала мне Катерина, – мне иногда кажется, что твоя оболочка находится рядом со мной, а сам ты где-то далеко-далеко. Ты не улетишь от меня насовсем?

– Как кормить будешь, – отшутился я.

– Я тебя буду кормить самым лучшим, и сама буду есть то же, – сказала Катерина и поцеловала меня.

– Тогда и нечего волноваться, я человек не привередливый, но мне нужен соучастник, – сказал я.

– Соучастник в чем? – не поняла меня Катерина.

– В моей жизни, – уточнил я, – а сейчас давай собираться, где-то через час придёт автомашина.

Давно я не был при полном параде. Выбранный мною костюм был мне как раз, как и в те времена, когда он приобретался. Костюм однобортный, классического покроя будет моден всегда, во все века. Рубашка без верхней пуговицы, подтянутая галстуком создаёт строгий вид, а при ослаблении галстука создаёт хулиганский вид «апаш». Туфли я намазал кремом с вечера, и они просто ждали прикосновения к ним сапожной щётки. По два прохода вдоль, четыре раза поперёк, и они ожили, ожидая своего часа. Я встал перед зеркалом, повернулся в одну сторону, в другую и остался доволен своим видом.

– Как? – спросил я у Катерины. Кто-то же должен оценить

внешний вид мужчины. Не для мужчин же он одевается.

– Шик, – сказала она и улыбнулась.

Привычным жестом я взял со стола свой старенький портсигар и зажигалку. Подержал их в руках и положил на стол. Лет тридцать уже не курю, а курительные принадлежности лежат так, для гостей. Если мне уготована долгая жизнь в виде наказания, то не нужно усугублять её вредными привычками.

– Где твой телефон? – спросила Катерина.

– Посмотри в столе, – сказал я.

Она открыла выдвижной ящик письменного стола и достала мой маленький корейский аппаратик. Мне никто не звонил, но телефон всегда был рядом, мало ли что. Катерина посмотрела на телефон, достала зарядное устройство и подключила его.

– Немного подзарядится до твоего отъезда, – сказала Катерина, – а почему у тебя такая простая и дешёвая модель?

– Вообще-то, телефон должен быть телефоном, поднял трубку, опустил, – сказал я, – да и носить с собой склад личной информации не вполне благоразумно. Эта малютка не мешает, звонит исправно, долго не разряжается и быстро заряжается. Продиктуй мне номер твоего телефона. Запишу у себя в голове.

Телефон успел зарядиться до отъезда. Катерина поцеловала и тихо произнесла:

– Ни пуха.

– К черту, – сказал я и вышел за дверь.

Давненько я не был в таком рабочем состоянии. Что меня ждёт там, где я проработал около пятидесяти лет?

Я подошёл к машине, открыл дверку, сел на заднее сиденье, поздоровался с водителем и коротко сказал:

– Поехали...

Поездка за границу во все времена не была рядовым событием. Поездка в Австро-Венгрию тем более. Вы заметили, что каждая империя в борьбе против другой империи использует одни и те же приёмы?

«Россия – тюрьма для народов» и «Австро-Венгрия – тюрьма для славян».

И то, и другое – сплошное враньё, придуманное местными ханами, бонзами, герцогами, князьями, старейшинами, у которых отобрали бразды правления. Нет, бразды правления не отобрали, но вожжи сильно укоротили. А как они обиделись! И началась подспудная борьба против того, за что сейчас борются те же ханы и князья, создавая Европейский союз с единым экономическим и политическим пространством.

Зачем нужно ломать то, что придётся создавать заново? Распад Австро-Венгрии обусловил мгновенное распространение фашизма по Европе. И братья-славяне в этом вопросе не отличались кротким нравом. У всех славян была надежда столкнуть между собой Россию и Австро-Венгрию, чтобы Россия помогла им освободиться от центральной власти, как помогла Болгарии освободиться от османов, а потом недо-

развитой России, не дошедшей до европейских стандартов, указали бы её место под лавкой.

Лёжа на белоснежных простынях в купе, Борисов рассуждал, прихлёбывая из бокала золотистое токайское вино:

– Славянский гонор не есть суть признак богоизбранности и гениальности. Это проявление комплекса неполноценности от более позднего приобщения к благам цивилизации.

Возьмите тех же румын. Когда они жили на уровне первобытнообщинного строя, римская империя была уже развитым государством, включающим в себя многие государства. Эти государства признавали верховную власть римского императора, но жили своим законом и ждали момента, когда в спину этой империи можно вогнать меч.

Румыны, которых в то время называли даки, вступили в борьбу с римским императором. Похвально для патриотов. И что они поимели в результате этой борьбы? А ничего. Они лишились большей части своей элиты, но зато новая элита стала создаваться римлянами, и римская культура стала соседствовать с румынской, создавая конгломерат, существующий до сих пор.

С империями могут соперничать государства, соизмеримые этим империям. И для того, чтобы эти империи не разрушались, все должны говорить на одном государственном языке, быть гражданами основного государства и идентифицировать себя с этим государством, то есть должна создаваться общность – имперский народ.

Центральная власть должна создавать свою элиту из местных представителей и не бояться того, что кто-то из представителей малых народов встанет во главе империи. Чем меньше народ, который он представляет, тем жёстче будут меры по укреплению империи. И все люди, которых перегнули через колено, будут в веках славить этого деспота, оглядываясь на его могилу, как бы он не услышал хулительные слова в свой адрес и не восстал для наказания обидчиков.

– Как это возможно, Александр Васильевич, чтобы инородцы были такими же, как и я? – обиделся я.

– Что значит инородцы, Дон Николаевич? – спросил Борисов. – Вы можете на это ответить? Они что, на Луне родились и пришли к нам на землю? Они родились на территории Российской империи, являются подданными российского императора, как и вы, между прочим, и имеют полное право называться российским или русским народом, проживающим на территории Руси.

Государь-император пока не принимает жёстких мер к великороссам, которые являются главной опасностью для нашего государства. Великоросское чванство отталкивает от нас многие народы. Не нужно сюсюкаться с другими народами, но быть для них близкими людьми нужно. Они это понимают и ценят. Любое потакание воспринимается как слабость верховной власти и вызывает к жизни центробежные силы. Пусть новая российская элита, равная среди равных, приведёт к общему знаменателю всех самостийников и ан-

тирусских сепаратистов.

– Александр Васильевич, – неуверенно сказал я, – да вы просто крамольник, карбонарий. Мне даже вас слушать страшно.

– А вы думаете, мне не страшно тоже самое говорить императору, – сказал Борисов, – и он понимает, что время ещё не пришло, да вот только как бы нам не опоздать с искоренением марксизма, изгоняемого с территорий Германской империи и Австро-Венгрии и прочно обосновывающегося в России...

– Приехали, товарищ полковник, – доложил водитель, останавливаясь около современного здания из стекла и бетона в лесопарковой зоне.

– Спасибо, – сказал я и вышел из машины.

Навстречу мне уже спешил Васнецов.

Глава 13

– Здравствуйте, Дон Николаевич, – приветствовал меня Васнецов, – никогда не видел вас таким.

– Ещё посмотритесь, – улыбнулся я, – какие ваши годы.

Директор меня принял сразу. Бывший журналист, партийный работник, он не был специалистом в деле разведки, но точно понимал, что нужно, оставляя специалистам разработку путей выполнения поставленных задач.

Стол директора не был завален грудями бумаг, стопки их лежали на маленьком столике у стола с телефонами. Я всегда боюсь людей, у которых на столе лежит один листок и ручка.

Так бывает у людей, которым нечего делать и которые не знают, чем же ему заняться. Таких называют еще «подоконниками». Стоят у окна и думают, чем бы таким заняться. Но их ценят за «организованность», так как они всегда являются чьей-то креатурой, и никто не ругает их за малую загруженность работой. Зато они отрываются на тех работниках, которые не успевают закончить одно дело, как на них наваливают ещё три, за того парня.

На столике директора я увидел три разноформатные папки личных дел.

– Моё, – подумал я, – белое – военной контрразведки императорского Генштаба, красное – НКВД и темно-си-

нее – КГБ.

– Здравствуйте, Дон Николаевич, – радостно приветствовал меня директор на середине кабинета. – Прошу вас сюда, в кресло. Много наслышан о вас и рад нашей личной встрече.

– А я и не думал, что у меня такие пухлые тома личного дела, – сказал я директору. Фамилию его я называть не буду. Он человек публичный и трогать его имя всуе было бы некорректно с моей стороны.

– Да, чувствуется профессионализм, – сказал директор. – Как ваше самочувствие, и какие планы на будущее? Извините, вопрос, конечно, звучит глупо, я скорректирую его, чем бы вы хотели заняться?

– У нас вообще-то не принято в одиночку заниматься специальными операциями, – сказал я, – жду, что скажете мне вы.

– С вами трудно играть в поддавки, Дон Николаевич, – сказал директор. – Будем играть в открытую. Читаю. Физические показатели соответствуют возрасту сорок-сорок пять лет. Внутренние органы в норме. Сердце без изменений. Сосудистая система в норме. Патологий внутренних органов не обнаружено. Мочекаменная болезнь. Психических отклонений не выявлено. Такой справке позавидует любой наш сотрудник. Предлагаю восстановиться на службе и встать в строй.

– А как же даты? – спросил я.

– Все в наших руках, отнимем лет шестьдесят с гаком

и разработаем вам новую биографию, – сказал директор. – Нам нужен человек, которого не знает никто, но который знает всё. Вам нужно время для раздумий или для совета с вашей женой?

– Моя жена умерла сорок лет назад, – грустно сказал я.

– Извините, – сказал директор, – вашу память мы трогать не можем и не будем.

– Я согласен, – сказал я.

– И прекрасно, – обрадовался директор. – Будете находиться только в моём подчинении, никто вами командовать не будет. Должность будет, референт-советник директора. Ваши советы для нас ценны. Пока оформляйтесь, знаете нашу систему бюрократии и тестов, а кабинет вам будет приготовлен. Съездите с вашей знакомой в Сочи, в наш санаторий, подышите морским воздухом, покатайтесь по морю, попейте местного вина, поешьте шашлыков. Вы начинаете новую жизнь, товарищ полковник. Я вам завидую и желаю удачи.

Я вышел из машины недалеко от дома и зашёл в магазин купить бутылку коньяка и закуски.

Катерина ждала с нетерпением.

– Что же ты не позвонил, я бы всё приготовила, как положено? – посетовала она.

– Радостная весть должна быть неожиданной. Страшно-важно после стольких лет отставки вернуться на службу, – сказал я, – порежь всё, достань не рюмки, а стаканчики, а я сейчас кое-что принесу.

Я сходил в кабинет, достал из ящика стола шесть звёздочек и пришёл на кухню. Катерина уже все приготовила, не дав мне возможности помочь ей. Я налил в стаканчики коньяк, бросил в каждый по три звёздочки.

— Ну, что, — сказал я, — будем снова служить. Считай, что мне снова присвоили звание полковника. До дна и все звёздочки оближи, раз ты связалась со мной.

Катерина храбро выпила коньяк, зажала звёздочки в кулак и заплакала.

— Ты чего? — спросил я, прижав ее голову к груди.

— Не обращай внимания, — сказала она сквозь слёзы, — это я так, по-бабьи, от счастья.

Глава 14

– Дон, когда я убирала в кабинете, то видела твои записи, – сказала мне Катерина, – не стала их читать без тебя. Почитай мне то, что пишешь, если можно, а?

– Можно, почитаю, – согласился я.

– А если прямо сейчас, – предложила Катерина.

– Сейчас так сейчас, – сказал я, – пойдём в кабинет, бери закуску, а я возьму рюмки и бутылку. Придвину журнальный столик к дивану и начну читать. С какой страницы начнём? Давай откроем наугад, если понравится, то читаем что было раньше написано. Я всегда читаю книги со середины, кроме разве что учебников. Открой сама.

Катерина подцепила ноготком один из груды исписанных листов. Я открыл и начал читать:

«Утром мы вышли на перрон Пражского вокзала. Светило солнце. Немноголюдный вокзал был чист и опрятен. Иногда такими бывают маленькие станции у нас в России, когда начальником станции назначается любящий своё дело железнодорожный чиновник, контролирующий работу подчинённых и требующий ежедневного порядка.

Эта требовательность сначала торпедирруется, затем входит в норму и становится неотъемлемой частью жизни каждого станционного человека. Если человеку, бросившему окурок мимо урны, съездить по физиономии дворницкой

метлой, то после пятого окурка человек перестанет бросать окурки мимо урны, зная, что помимо метлы ему могут врезать вдоль спины казацкой нагайкой.

Вся западная культура втолковывалась именно таким путём и привилась. Но кроме полицейского кулака огромную помощь оказала товарищеская или соседская взаимопомощь. Как только что-то и где-то произойдёт, так соседи быстренько донесут в полицию и к виновному примут меры.

Причём доносчик бывает даже горд тем, что он способствовал поддержанию городского порядка. Точно так же доброхоты сообщат и о приезде иностранцев или подозрительных лиц. Сообщат совершенно бескорыстно в соответствии с установленным порядком.

Мы остановились в гостинице второго разряда в соответствии с нашей легендой – университетских работников, изучающих вопросы распространения славянских идей с территории Европы в Россию. Славянство в Австро-Венгрии особой популярностью не пользовалось, хотя славян в империи проживало достаточно, но факт распространения славянства с территории Европы был лестен.

Есть у славян и свой гимн, написанный в 1934 году для словаков. Смысл этой песни не анализируют, потому что славяне готовы воевать со всем миром, чтобы быть первыми среди первых. Послушай, как он поётся. И он запел:

Гей, славяне, наше слово

*Песней звонкой льётся,
И не смолкнет, пока сердце
За народ свой бьётся.*

*Дух Славянский жив навеки,
В нас он не угаснет,
Беснованье силы вражьей
Против нас напрасно.*

*Наше слово дал нам Бог,
На то Его воля!
Кто заставит нашу песню
Смолкнуть в чистом поле?*

*Против нас хоть весь мир, что нам!
Восставай задорно.
С нами Бог наш, кто не с нами —
Тот падёт позорно.*

Запомните, Дон Николаевич, еще ни один шах шахов, шахиншах, ни один император императоров, ни хан ханов не получил торжества над всем миром. Все они валяются в канавах истории. Одни только славяне еще не получили запоминающегося урока и не внесли изменения в свой гимн.

На следующий день мы нанесли визит ректору университета с рекомендательными письмами от университета в Петербурге, были очень хорошо приняты, и нам было позволено работать в университетской библиотеке.

Я сидел и писал свой вывод о том, что история сделала чехов осторожными и искусными в либеральной дипломатии. Они не хотят принадлежать России, но крайне дорожат ею для устранения Австрии...

Борисов Александр Васильевич в это время в курительной комнате о чем-то дискутировал с одним из доцентов исторического факультета. По их возвращении доцент был представлен мне, и мы обменялись мнениями о библиотечных фондах наших университетов. По просьбе Борисова доцент принёс нам небольшую пачку писчей бумаги, на которой мы и делали записи. Окончив работу, мы сдали бумаги на хранение библиотекарю, и пошли гулять по городу.

Описывать Прагу смысла не имеет. Не хватит бумаги и восторгов. Приятный старинный город. В нем хорошо жить или просто немного погулять, но не больше. Через какое-то время он становится чужим городом. Меня всегда тянет домой из-за границы и Прага в этом отношении не исключение.

Три дня в Праге пролетели мгновенно. Мы снова сели в поезд и поехали в Россию. Когда мы проехали российскую границу, я спросил у Борисова, а с какой целью мы выезжали в Прагу?

– Как зачем, – улыбнулся Александр Васильевич, – мы передали письмо Францу-Иосифу и везём письмо нашему императору.

– Когда же мы всё это сделали, – удивился я. – А вдруг бы нас обыскали пограничники на границе?

– А ты подумай, что мы делали, чтобы никто не догадался о цели нашего приезда, – предложил мне полковник.

– Мы совершенно ничего не делали, просто работали в библиотеке, делали совершенно не нужные записи на бумаге, которые и везём в моей папке, – сказал я о своих впечатлениях от поездки.

– А чья это бумага? – Борисов стал постепенно наводить меня на суть проведённой операции.

– Не наша, – я стал медленно понимать, – мы писали на бумаге, на которой симпатическими чернилами написано письмо и отдавали их на хранение библиотекарю, чтобы любой человек мог удовлетворить своё любопытство нашими записями.

– Точно, – сказал полковник, – и к этой стопке листов я добавил ещё один лист такой же бумаги, который находился в моей трости.

– И всё? – в моём голосе Борисов уловил разочарование.

– Всё, – сказал он, – но зато ты познакомился с человеком, с которым тебе придётся иногда встречаться, и ты понял, что любое сильное волнение при выполнении задания является элементом, на который обращают внимание все сотрудники сыскных служб. Трезвый расчёт и уверенность в своих действиях – вот что тебе предстоит освоить на нашей работе. Понял?

– Понял, Александр Васильевич, – сказал я, хотя, честно говоря, многое ещё мне было неясно.

– Зарубите себе на носу, молодой человек, – назидательно сказал мой шеф, – когда в мирное время дело дойдёт до обысков, погонь и перестрелок, то на этом ваша карьера закончится с плачевными для вас результатами. Высший класс нашей работы состоит именно в том, чтобы о ней никто и ничего не знал».

Глава 15

– Дон, это ты всё придумал? – спросила меня Катерина.

– Считай, что всё придумал, если мне сейчас столько лет, как тебе кажется, – сказал я. – На сегодня воспоминаний хватит. Давай ложиться спать.

Я лежал рядом с тёплым женским телом, но воспоминания никак не хотели отпускать. Человеку иногда нужно высказаться, чтобы прошлое осталось в прошлом. Все психотерапевты просят человека рассказать о прошлом, чтобы найти те порошки, о которые человек спотыкался и сейчас боится их, хотя, объективно, ничто не предвещает неудач, кроме боязни идти вперёд...

Первая поездка была только началом моей новой работы. Со мной занимались руководители филёрских бригад, показывая, как лучше скрыться от наблюдения, со мною занимался японец-инструктор мастер джиу-джитсу, я учился фехтовать на шпагах и драться на саблях, осваивал верховую езду и бальные танцы. Я везде должен быть свой. По результатам учёбы с учётом моего технического образования, знания иностранных языков, прежних заслуг и должности почти что флигель-адъютантской я был аттестован чиновником девятого класса, титулярным советником по линии министерства иностранных дел. Сразу вспомнились слова из романа господина Даргомыжского:

*Он был титулярный советник,
Она – генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.*

*Пошёл титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.*

Я пошил себе униформу с узенькими погончиками и про-
светом без звёздочек. На всякий случай, чтобы скрыть ис-
точник средств моего существования и оправдать загранич-
ные поездки.

Поездки были нечастыми и интересными только лишь
в познавательном плане. Я встречался с доверенными лица-
ми царственных особ, передавал им послание, принимал от-
вет и возвращался домой. Работа курьера кажется неопас-
ной, хотя я был готов в любой момент уничтожить находя-
щиеся при мне документы.

Было достаточно много приёмов и приспособлений для
мгновенного уничтожения бумаги. Это все технические во-
просы, и они не так интересны. Модные в то время тросточки
были настоящими кладовыми разного вида оружия и в лю-
бой момент могли помочь уйти от преследования или избе-
жаться от лишних свидетелей. Морально я был готов к это-

му, хотя ни разу не пришлось прибегать к этому оружию.

Наступил 1914 год.

— Дон Николаевич, — сказал как-то мой начальник, — В Европе сгущаются тучи. Россия примкнула к Антанте, противопоставив себя Германии и Австро-Венгрии, а также Турции, подтвердив стремление взять под свой протекторат проливы Босфор и Дарданеллы. Австро-Венгрия воевать не сильно стремится, как и наш император, но союзники на них давят.

Братьям-славянам эта война как подарок с неба, чтобы под шумок скинуть имперскую власть и стать сами с усами.

Вам предлагается выехать в Сараево и встретиться там с вашим старым знакомцем эрцгерцогом Фердинандом. Вы должны на словах наедине сказать ему, что Россия не желает сражаться с Австро-Венгрией и тем более потакать различным силам, стремящимся подорвать основы их империй. Вы получите документ о том, что вы личный уполномоченный императора российского. Ситуация такая, что конспирацией придётся пожертвовать. Надевайте свой орден Франца-Иосифа и в путь.

Я поехал и не успел. 28 июня боснийский серб Гаврило Принцип выстрелил из пистолета в шею эрцгерцога Фердинанда и в живот его беременной жене.

Говорить больше не с кем. Франц-Иосиф больше не будет слушать славян и славянского царя. До чего же вы сволочи, братья-славяне. Славяне живут только в России, все осталь-

ные это уже не славяне. Славяне самые злейшие враги славян. С кем дружат болгарские братушки? С кайзером Вильгельмом и османами. Перед четниками из славян меркли даже зверства турок. Я сжёг данные мне полномочия и успел вернуться в Россию до того момента, как были закрыты все границы. Началась война.

Об этой войне мало написано. Если честно, то ничего не написано. Как будто не было храбрости русских воинов, не было русских офицеров, полководцев. Не всё было гладко, но Россия была до определённого времени Россией, пока не потерпела поражение от германского Генерального штаба, финансировавшего подрывную работу большевиков.

Немцы первые поняли, что в прямом военном столкновении Россию не одолеть. Её нужно взрывать изнутри, разлагая армию и общество. И они достигли успеха, спровоцировав сначала демократический, а затем и большевистский перевороты. Зато немецкие большевики – нацисты этого не поняли и в 1945 году закончили свой тысячелетний Рейх в разбитом рейхстаге.

Та, первая война, не ослабила контакты между царственными домами. Мы не успевали отдохнуть после одной поездки, как уже нужно собираться в следующую, выезжая в нейтральные страны, чтобы попасть на территорию воюющей стороны.

Перед самым февральским переворотом Борисов выехал в самую длительную в его жизни командировку передавать

устное послание императора Николая всем главам царствующих домов. О чем они говорили перед его командировкой, никто не знает, да и Борисов потом никому об этом не говорил.

А потом начались события, о которых только народными частушками и можно рассказать. Что сам слышал, то и напишу. Оказывается, не один я это слышал, читал я эти частушки и у женщины одной, которая народный фольклор о революции собирала:

*Выходи, простой народ,
Посшибали всех господ,
Со свободы стали пьяны,
Заиграли в фортепьяны.*

*Раньше был солдат тетеря,
Не такой он стал теперь,
Как раскрыли ему двери,
Стал солдатик хуже зверя.*

*Ну и город распрекрасный,
Петроград столица,
На церквях знамена красны,
Народ веселится.*

Глава 16

С выселением царской семьи и воцарением в Зимнем дворце Временного правительства работа моя практически прекратилась.

Новая власть была не в курсе наших задач. Какой-то инвентаризации царских дел не было, обслуга была та же, только количеством поменьше. Я был там своим, поэтому и приходил на рабочее место, занимаясь систематизацией бумаг.

Управление военной контрразведки меня не тревожило, но зарплату перечисляло исправно. Я верил, что наши услуги потребуются новому правительству России, но сам не проявлял инициативы в том, чтобы заявлять о себе, никто мне таких полномочий не давал.

А потом пришёл октябрь. По коридорам затопали солдатские сапоги и матросские ботинки. Учтивая речь сменилась фольклором, который называется русским матом.

Я в простой одежде зашёл на следующий день после так называемого штурма. Никто не любит об этом вспоминать, да и мне вспоминать тоже неприятно. Грабёж он всегда грабёж. Кабинет полковника Борисова не избежал этой участи. Сброшенные с полок книги завалили потайной вход в мою комнату и оставили её нетронутой. Не дай Бог, если в руки этих людей попадут документальные данные о нашей деятельности.

Через несколько дней я, запасшись продовольствием, проник в свой кабинет. Все документы были увязаны в папки и находились в готовности к переезду. Как-никак – война, мобилизационная готовность. Закрыв кабинет, я начал распаковывать папки и сжигать все документы в печке.

Вычислили меня на четвёртый день. Среди большевиков нашлись вменяемые люди, которые понимали, что ценности должны сохраняться, а не отдаваться на портянки солдатам. Около дворца появилась охрана, внутри – смотрители. Охрана и доложила о дымке, который вился над одной из труб неотапливаемого дворца. Стали разыскивать источник и дыма и вышли на меня. Искали долго, принохивались, простукивали стены, открывали все двери. Мою дверь открыли, когда в последней папке оставалось десятка два листов о событиях конца девятнадцатого века.

Солдата, пытавшего пырнуть меня штыком, остановил человек в штатском.

– Кто вы такой и что здесь делаете? – спросил он.

– Да вот, случайно попал в кабинет, а выбраться не могу, – включил я «дурака», – стало холодно, вот я и затопил печку.

– Вы саботажник, – заявил мне штатский.

– Что же я саботировал? – спросил я.

Ответа не последовало. Оставшаяся папка была изъята у меня, а сам я был отправлен под арест. В тюрьме, которую по-новому стали называть домзак, уже находилось немало бывших офицеров и руководителей департаментов и учре-

ждений, которые попросту отказались исполнять распоряжения тех, кто прибыл с клочками бумаги и стали командовать всем и вся, не имея даже понятия о том, чем им поручено руководить.

Говорят, что все революции такие. Чепуха. Такие революции только в России, в Китае и африканских странах, где «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Заманчивый лозунг.

А как быть с теми, кто был просто человеком и честно выполнял должностные обязанности? Это очень просто: если не пролетарий, то эксплуататор.

Оставшаяся без власти Россия стала проваливаться в пропасть беззакония и анархии. У большевиков не было авторитета среди большей части населения России и поэтому им пришлось прибегать к силе. Преступное бездействие власти привело к перевороту, а когда люди стали сопротивляться новой власти, то установился красный террор и началась гражданская война.

Нас, саботажников и буржуев выводили на общественные работы для перевоспитания, и мы с мётлами сметали тонны семечковой шелухи, которая усыпала все улицы российских городов. Семечки были самым ходовым товаром. Даже сейчас многие люди, посидев перед телевизором или компьютером, с удовольствием пощёлкивают семечки, продающиеся в красочных пакетиках.

Потом за нас взялась созданная в декабре 1917 года ВЧК. Бывший уголовно-политический заключённый Феликс Дзержинский подбирал сотрудников под себя. Подобранные сотрудники подбирали себе помощников. И так далее по принципу цепной реакции на основе принципа добровольности и преданности делу революции.

Дзержинский ещё не понимал, что из польского боевика-националиста он должен был превратиться в одного из лидеров, от кого зависит судьба русского народа. Осознание придёт позже, когда он поймёт, что карающий меч выбит из его рук и сам он тоже может погибнуть от этого же меча. Возможно, что мне просто повезло, что я попал в руки Дзержинского. Будь на его месте другой человек, не исключено, что ко мне применили бы высшую степень пролетарской защиты.

Глава 17

– Кто вы такой? – спросил меня Дзержинский.

– Человек, – ответил я.

– Шутить изволите, сударь, – обиделся председатель ВЧК.

– Какие шутки, господин Дзержинский, – сказал я, – два месяца сижу, никто и ничего не говорит, а тут оказывается, что никто и не знает, кто я и за что посажен.

– Ошибаетесь, господин Казанов, – сказал Дзержинский, – мы знаем, кто вы, просто хотим проверить вашу искренность.

– И как, проверили? – совершенно искренне поинтересовался я.

Похоже, что я уже разозлил Дзержинского. Он закурил и стал широкими шагами расхаживать по кабинету, делая глубокие затяжки.

– Курить будете? – внезапно спросил он.

– Не откажусь, – сказал я и взял предложенную папиросу.

– Самое интересное, – сказал первый чекист, – мы действительно не знаем, кто вы такой. Знаем, что вы мелкий чиновник министерства иностранных дел, но что вы делали в Зимнем дворце? И что за бумаги вы сжигали?

– Вы бы доверили кому-то ваши семейные тайны? – спросил я.

– Конечно, нет, – искренне ответил Дзержинский.

– Вот и я решил, что мне семейные тайны доверить некому, – сказал я.

– Хорошо, а почему денежное содержание вам выплачивалось управлением военной контрразведки? Какое отношение вы имеете к военному ведомству? – допытывался Дзержинский.

– Да никакого отношения я не имею к этой контрразведке, – совершенно искренне говорил я.

– Чем занимался ваш непосредственный начальник полковник Борисов? Где он сейчас? – следовал новый вопрос.

– Не знаю, – отвечал я. Я и действительно не знал, где он. Где-то за границей. Это все равно, что сказать – на деревне у дедушки.

Вопросы следовали один за другим. Чем занимались, что означают не сожжённые мною письма, почему я числюсь по ведомству иностранных дел, кто руководил нами, почему мы располагались в Зимнем дворце? На все вопросы следовал ответ – не знаю. Я в эти вопросы не вникал. В нашей работе вообще не положено влезать в то, что поручено не тебе. Излишнее любопытство не только не приветствовалось, но и пресекалось.

Не получив ничего нового, Дзержинский велел отправить меня снова в тюрьму. Я сидел почему-то в одиночке. Мер физического воздействия ко мне не применяли, потому что будущий генеральный прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский тогда ещё числился в рядах меньшевиков

и не выражал восторга по поводу советских порядков.

В камере я встретил Новый год. Честно говоря, если не ведёшь записей или не учитываешь дни, то сбиваешься со счёта. Просто в один из дней, во время раздачи пищи раздатчик шепнул – с Новым годом. Значит, 1918 год. Прожито почти двадцать семь лет жизни и кроме родителей некому даже слезу пролить по поводу моей несчастной судьбы.

До «красного террора» оставалось полгода, но в воздухе уже пахло грозой. Как это объяснить, не знаю, но у меня, сидящего в одиночке, было какое-то предчувствие перемен.

Примерно в середине января меня снова вызвали к Дзержинскому.

– Вспомнили, что-нибудь? – спросил председатель ВЧК.

– Трудно что-то вспомнить, если ничего не знаешь, – ответил я. Когда положение безвыходное, то только лишь юмор может поддержать волнение духа.

О намерениях большевиков судить было трудно. Пятого января был разгон мирной демонстрации в поддержку Учредительного собрания. Седьмого января большевики разогнали само Учредительное собрание. С первого февраля по большевистскому декрету Россия перешла на Григорианский календарь, и после тридцать первого января наступило сразу четырнадцатое февраля.

– Товарищ Ленин считает, что вы можете быть полезны Советской власти и вас следует освободить под постоянный надзор до того момента, когда вы добровольно будете ра-

ботать с новым правительством России, – сказал Дзержинский. – С большим сомнением, но и я огласился с мнением председателя Совнаркома. Товарищ Мария, – громко сказал председатель ВЧК.

В кабинет вошла женщина-чекист. Будем точнее, девушка-чекист. Чекистка. Лет двадцати пяти. В красной косынке, кожаной куртке, подпоясанной ремнём с кобурой нагана, в яловых сапогах.

– Вот, товарищ Мария, ваш подопечный, – сказал Дзержинский. – Пока он наш потенциальный враг. Вы его будете сопровождать везде. Повторяю – везде. Даже спать он должен под вашим присмотром. В случае его контрреволюционных действий вы можете привести в исполнение подписанный ему приговор социальной защиты – расстрел. Если он от вас сбежит для враждебной деятельности, можете привести приговор в исполнение в отношении себя.

– А от вашего поведения будет зависеть жизнь этой девушки. Вот и выбирайте между вопросами чести и исторической целесообразности, – сказал мне главный чекист страны.

– Вы меня хорошо поняли, товарищ Мария? – спросил Дзержинский девушку.

– Поняла, товарищ председатель ВЧК! – звонко ответила чекистка.

– У этой рука не дрогнет, – подумал я.

– Вот ваши мандаты, – сказал Дзержинский и подал каждому из нас по бумажке.

В моей бумажке было написано:

МАНДАТ

Предъявитель сего, Казанов Дон Николаевич, является важным потенциальным сторонником или противником Советской власти и находится под наблюдением и защитой Всероссийской Чрезвычайной Комиссии до особого на то распоряжения.

Пред. Совнаркома В. Ленин (Ульянов)

Пред. ВЧК Ф. Дзержинский

Всё скреплено печатями управделами Совнаркома и канцелярии ВЧК.

Маленькая бумажка, а определяет жизнь мою и судьбу до особого на то распоряжения.

Глава 18

Мы вышли из кабинета.

– Давайте знакомиться, – предложил я.

– Обойдётся, – сказала Мария и подтолкнула меня в спину.

– Весёлое начало, – подумал я. – Вероятно, надзирательница из женской тюрьмы.

– Куда пойдём? – поинтересовался я.

Этот вопрос поставил её в тупик. Она конвоир, я – подконвойный. Она начальник, я – подчинённый. Я должен подчиняться ей, а она будет командовать. Что написано в её бумажке, я не знаю. Если я буду делать что-то не так, это может быть расценено как враждебное действие и выпустит эта девица пулю мне в спину или в затылок и выполнит задание господина Дзержинского.

После некоторого раздумья моя тень в кожаной куртке сказала:

– В общем так. Ты идёшь впереди, я – сзади. Шаг вправо, влево – попытка к бегству. Прыжок на месте – провокация. Сразу получишь пулю, а сейчас – вперёд, – приказала она.

– Куда вперёд? – так и не понял я.

– Туда, куда тебе надо, грамотный, а не понимаешь ничего. Давай, шагай, – она в нетерпении притопнула ногой.

Я шёл, обдумывая своё положение. Что мне с ней делать?

Девка она настырная, пойдёт везде по приказу. Даже в туалет, будет стоять за спиной, пока я свои дела обделываю? А если ей в туалет захочется? Что мне, в женский туалет за ней идти, чтобы на виду быть?

Ладно, вот приду на свою квартиру. Она за мной. Хозяева не пикнут. С такими мандатами, как у меня, везде дорога. Да и хозяев моя спутница так построит, что только рады будут, если мы останемся у них жить бесплатно и защищать от разных пролетарских посягательств.

Второе. Кто и кого кормить будет? Я безработный. Она на довольствии в ЧК. Ей будут выдавать один паёк или на двоих? А если и её с довольствия сняли как выполняющую особое задание? Получается, что это я её и кормить должен. Ну, Советы, ну, ЧК, вот так вот отпустят с обременением кормить всех чекистов на подножном корму, то есть за счёт населения, ой, тогда все поплачут вволюшку.

Внезапно я остановился. Мария уткнулась носом мне в спину. За своими думами я шёл, не имея определённого направления и цели.

- Идём ко мне домой, – коротко сказал я.
- Ещё чего? – возмутилась Мария.
- Тогда пойдём к тебе, – предложил я.
- А у меня нет дома в Питере, – сказала девушка.
- Где же ты жила? – спросил я.
- Сначала в няньках работала, потом на фабрике, жила в общежитии, потом Красная Гвардия, потом ВЧК, так что

своего дома не было, не буржуйка, – сказала она.

– Понятно, тогда идём ко мне, – твёрдо сказал я, – если не хочешь, то можешь не идти.

Посмотрев на меня ненавидящим взглядом, Мария молча пошагала за мной.

Дома тоже не обошлось без сюрпризов.

Дворник Степаныч, приподняв свой треух, поприветствовал меня.

– Вы, Дон Николаевич, сначала к домовладельцу зайдите, у нас тут революция была, а девка-то у вас хороша, – он причмокнул и снова начал убирать снег, обильно выпавший ночью.

Глава 19

К домовладельцу все равно бы пришлось идти. У меня не было ключей. Похоже, что они остались в моём пальто в кабинете в Зимнем дворце. Вряд ли моё пальто уцелело, так как среди выданных мне вещей ключей не оказалось.

Домовладелец выглядел не лучшим образом. Всё чего-то мямлил, чего-то недоговаривал, пытался выставить меня за дверь, пока Мария не прикрикнула на него:

– Давай сюда ключи, буржуй недорезанный.

Домовладелец сжался в маленький комочек. Раньше все дела решала его жена, а сейчас жены видно не было, но мне казалось, что кто-то сопит за дверью спальни, прислушиваясь к тому, о чем мы говорим.

– Дон Николаевич, ваше благородие, я здесь не причём, – начал рассказывать домовладелец. – Приходили товарищи в кожанках с обыском вашей квартиры. Понятыми были Степаныч и слесарь Грищенко. Найти ничего не нашли, а Грищенко и спрашивает, а скоро ли хозяин вернётся, а товарищи ему и сказали, что от них не возвращаются.

Грищенко и говорит мне: понял, буржуй, что времена новые. Я в этой квартире жить буду. Хватит бобылём в слесарне ютиться. Бабу найду из образованных и сам буржуем стану. А будешь вякать, так и к тебе товарищи в кожанках придут. И остался Грищенко жить в вашей квартире. Он же про-

летарий и на него управы сейчас не найдёшь.

– Давайте запасные ключи, сейчас найдём на него управу, – сказал я и протянул руку.

Взяв ключи, мы поднялись на третий этаж. Квартира была закрыта, и в дверях изнутри торчал ключ. Значит, слесарь был у меня дома.

Я стал стучать. Пьяный голос из-за двери послал меня подальше. Но тут в дело вступила Мария:

– ЧК, открывайте дверь, в случае сопротивления будем стрелять!

За дверью притихли. Потом звякнул замок и дверь открылась. В дверях стоял слесарь Грищенко в грязных кальсонах с сигаркой во рту. Увидев Марию с наганом в руке и меня, он попятился в комнату, где сидели два его собутельника.

– Кто такие, предъявите документы, – грозно сказала вооружённая женщина.

Собутельники стали слёзно просить отпустить их, так как они тоже слесари в соседних домах, люди порядочные и к Советской власти лояльные. По движению ствола револьвера они испарились, оставив только запах кислой махорки и каких-то щей.

– Вы хозяин квартиры? – спросила она Грищенко.

– Я, я, – промямлил он.

– Покажите документы на квартиру, – потребовала Мария.

– Да я вот завтра соберу всех жильцов, проведём резолю-

цию, что эта квартира передаётся в пролетарскую собственность, — начал объяснять слесарь.

— Значит, захват недвижимости разбойным путём, — подытожила сотрудник ЧК.

— Мне ваши разрешили, — запричитал Грищенко.

— Никто тебе не разрешал. А ну, брысь отсюда, контра, — цыкнула Мария. И слесарь, подхватив свои тряпки, умчался прямо в своих кальсонах.

— Да, свинарник тут у вас, — протянула сквозь зубы Мария, — сколько же времени пройдёт, пока пролетарий научится жить так, как вы. Чего встал как столб, — у девушки было врождённое чувство руководителя, и её манера перехода с «ты» на «вы» меня просто умиляла, — давай ведро и тряпку, будем порядок наводить.

— Сейчас найдём, — сказал я, — все где-то было. Приходящая женщина наводит порядок и оставляет ведро и тряпку здесь.

— Вот буржуи, сами и полы помыть не могут, — сказала Мария, сняв кожанку и ремень с наганом. — Давай, беги за водой.

Вода в кранах ещё была, и я был на подхвате у женщины, для которой мытье полов не экзотика, а повседневная жизнь. Я сгребал веником мусор и складывал в мусорное ведро. Примерно через час квартиру было не узнать. В ней было холодно, но свежо. В каждой из двух комнат Мария сожгла по кусочку газеты, сказав, что газетный дым уничтожа-

ет плохие запахи.

Я закрыл форточки и только сейчас почувствовал, что в квартире холодно. Кухонная печь-голландка не топилась давно. Дома не было ни куска хлеба, практически не было моей посуды, да и многого ничего не было.

– Извини, угостить нечем, но сейчас я займусь приготовлением «жареной воды», а ты пройдишь по комнатам и посмотри постельное белье в шкафу, – сказал я. – Себе постели в маленькой комнате на кровати, а мне на диванчике в гостиной.

Я высыпал мусор в печку, доломал изрядно поломанное кресло и растопил печь. Нашёл эмалированную кастрюльку, помыл её, наполнил водой и поставил на открытую конфорку. Когда закипит, услышу.

Мария как-то неуверенно осматривала шкафы. Постельного белья не было. На моей кровати была грязная простыня и подушка с засаленной наволочкой. Все это я снял и бросил в печку. Погорячился, да все равно бы пользоваться ими не стал.

Кипячёная вода на ужин не Бог весть какое кушанье, так, немного согрела нас перед сном. Где-то около полуночи я проснулся от того, что не могу попасть зубом на зуб от холода. Печка на кухне была еле тёплая. Я потихоньку начал ломать остатки кресла и разводить огонь. Вряд ли это я разбудил Марию. Холод выгнал её из спальни, и она пришла на кухню, где в печке начали разгораться обшивка и покры-

тые лаком куски дерева.

Мы сидели с ней рядом на маленькой скамеечке, и каждый думал о своём. Я думал о том, как жить дальше. Вряд ли нужно оставаться в Питере без знакомых и средств. Сейчас нужно где-то раздобыть немного денег, расплатиться за квартиру и поехать в Москву к родителям. О чем думала Мария, я не знаю. Ей, как мне кажется, её новое задание было не по нраву, но дисциплина обязывала.

Глава 20

Утро застало нас на кухне на этой же скамеечке. Измученные мы спали, привалившись спиной к шкафу, укрытые моим пальто. Голова Марии была на моей груди. У меня затекла нога, и я боялся пошевелиться, чтобы не потревожить девушку, но она проснулась сама, не понимая, где она и что здесь делаю я.

Оттолкнув меня, она встала, привычно хлопнула себя по правому боку и замерла. Не было под рукой кобуры с наганом. Она бросилась в комнату и через минуту вернулась, с деловым видом подпоясывая себя широким ремнём. Наскоро ополоснув лицо холодной водой, она вытерла его каким-то платком, который скрылся в большом кармане кожаной куртки.

– Так, – произнесла она с расстановкой, – доложите, чем вы намерены сегодня заниматься?

– Интересно, – подумал я, – не дай Бог, если ещё заставит письменно излагать свои планы, и карандашиком будет отмечать процент их исполнения.

– Чем заниматься, спрашиваете, – переспросил я с долей раздражения, – хлебом насущным. Есть-то чего-то нужно. Или вы питаетесь революционным духом, барышня?

– Не смейте называть меня барышней, – вскипела девушка, – называйте меня товарищ Мария или товарищ сотруд-

ник ЧК. Хотя, какой я вам товарищ? Тамбовский волк вам товарищ.

– Понесло, – снова подумал я, – назначь простого крестьянина от сохи тюремным надзирателем, и он в мгновение ока превратится в вертухая с задатками сверхчеловека, помышляющего людьми, оказавшимися в его полном распоряжении по воле других людей. Это уже не гены, это какой-то должностной вирус.

– Так вот, сударыня, – сказал я, – кушать хотят и сотрудники ЧК, и тамбовские волки. Сейчас мы с вами произведём ревизию в квартире. Где-то у меня припрятано столовое серебро, подаренное родителями по случаю окончания университета. И вообще, производим новый в обыск в надежде на то, что если найдём что-то ценное, то сможем продать это на рынке и купить съестные припасы. Вы меня поняли? И не вздумайте мне возражать, потому что я несу ответственность за вас, так как ваши начальники бросили вас на произвол судьбы, привязав вас ко мне.

– Меня никто не бросал, я – сотрудник ЧК, – гордо произнесла Мария и принялась за осмотр квартиры.

У меня было смутное подозрение, что вряд ли мы что-то найдём, так как до нас эту квартиру шерстили уже не раз. Я перебирал оставшиеся вещи и думал, к кому из знакомых мы напросимся в гости, чтобы нас напоили чаем или налили тарелку похлёбки на первое время. Мысль о еде вызвала такое чувство голода, что у меня закружилась голова.

– Как хорошо было в тюрьме, – пронеслось в моих мыслях, – сидишь себе, ничего не делаешь, утром чай с куском хлеба, в обед похлёбка, вечером ещё какая-нибудь гадость, зато нет такого изнуряющего чувства голода.

Серебра никакого не было, из посуды остались какие-то фаянсовые плошки, даже ложек простых не было.

– Вот буржуи, – донёсся до меня раздражённый голос Марии.

Подойдя к ней поближе, я увидел, что она ковыряет каким-то маленьким ножичком в углу платяного шкафа.

– Что случилось, – спросил я.

– Смотри сюда, – она ткнула пальцем в нижний дальний угол отделения для одежды. – Видишь планочку, которой вроде бы какой-то изъян на дереве заделали? Так вот эту планочку не на клей посадили, а сделали её чуть-чуть побольше выреза и вогнали молотком. Вот следы от молотка. И планочку неоднократно извлекали, поддевая стамеской. У тебя сил больше, сними эту планочку.

Я поразился удивительной внимательности этого сотрудника ЧК и, взяв её ножик, с трудом снял планочку. Под ней оказался тайник с пятью золотыми червонцами. Вот ведь говорят, не было ни полушки, а тут сразу медный грош.

– Что, спрятал и забыл, – презрительно сказала Мария и отвернулась от меня. – Все вы буржуи такие, грабили бедный народ и все богатства припрятали, а сейчас правильно делают, что повсеместно вас экспроприируют.

– Мария, что вы говорите, – возмущённо сказал я, – я никогда и ничего не забываю, об этом я даже понятия не имел. Этому шкафу, может, сотня лет, кто знает, кто этот тайник сделал, и кто туда деньги положил. Посмотрите на планочку, её очень долго никто не трогал. Да и взгляните на червонцы, вот 1766 год с профилем Екатерины Второй, я такого никогда и не видел, а вот четыре с профилем Александра Третьего 1889 года.

Девушка с интересом разглядывала монеты.

– А давайте вот эту, с царицей, оставим на память, а? – как маленькая девочка спросила она.

– Согласен, – сказал я, – одну монетку мы возьмём, а остальные спрячем туда же. Сейчас пойдём в скупку и продадим её, а на полученные деньги накупим всего. Чего бы вы больше всего хотели?

Мария зажмурилась с улыбкой на губах, но вдруг тень нахлынула на её лоб, и она сказала сурово:

– Вы что, подкупать меня собрались? Чтобы сотрудник ЧК ходила золотом спекулировала? Мы пойдём и сдадим в ЧК эти золотые монеты!

Глава 21

– Куда, куда? – с удивлением протянул я.

– В ЧК – чётко отчеканила Мария. – Собирайся и пойдём.

Давай все монеты сюда. И не вздумай делать глупости.

В руке Марии я увидел наган, который смотрел на меня так же, как и его хозяйка, без тени сочувствия.

Моя злость сменилась на удивление. Даже не на удивление. На любопытство. Если бы все люди, так же, как и она, вот так отдавали все силы делу революции, собирали по крохам народное достояние и рачительно использовали его на благо всех людей, то я бы без тени сомнений и колебаний примкнул к ним и был самым верным последователем. Но у меня давно исчезли наивные представления об идеальной природе человека. Я согласен отдать эти золотые монеты новому государству в надежде получения четверти их стоимости за труды по их поиску, но я знаю, что ничего не получу, кроме как занесения в список подозрительных людей, с какой-то целью сдавших золото в надежде выслужиться или получить должность с подрывными целями. То, что реквизировано, должно быть учтено и передано в доход государства. Но это не реквизированное, это моё. А, хрен с ним, Бог дал, ЧК забрал. Я ведь и вагоны разгружать пойду, жить-то на что-то надо, а она пусть со своих чекистских пайков кормится.

Где-то к обеду мы пришли в здание ЧК. Мария подошла к дежурному:

– Сергеев, оформляй находку, – и она подала дежурному пять червонцев, один червонец редкий с изображением Екатерины Второй.

– Молодец, Мария, запишу в журнал, – сказал дежурный, смахнул монеты в выдвижной ящик, продолжая писать что-то своё.

Мы вышли из здания ЧК на улицу. Я зашагал в сторону товарной станции.

– Ты куда? – строго спросила Мария.

– На станцию, наниматься на разгрузку вагонов, жрать-то что-то надо, – сказал я. – Я же не Сергеев твой, который сегодня устроит себе праздник на золотые червонцы.

– Стой здесь и не шевелись, – зло сказала Мария и ушла в сторону здания, из которого мы только что вышли.

Через несколько минут она вернулась, на ходу вытирая окровавленную руку.

– Ты ранена? – встревожено спросил я её.

– Это у Сергеева из носа так льётся, – деловито сказала она, – монетки уже в кармане его брюк лежали. Ворюга. Вот тебе одна монета, показывай, как ты будешь ею распоряжаться. А Екатерину я нам на память оставляю.

Собственно говоря, тому, кто занимался нелегальным бизнесом, новая власть совершенно не мешала. Они помогали новой власти иметь всё, что она хотела получить от ре-

волюции.

Ходовые деньги ходят везде. Золото тем более. Эти структуры создались с началом войны и действовали достаточно эффективно, составляя конкуренцию легальной торговле, снабжая людей кокаином, морфием и тем, что было под запретом или в дефиците.

С началом революции в дефиците оказалось всё. Лавочники, поддерживавшие свержение царя и припрятывавшие продовольствие для создания массового недовольства, сейчас с умилением вспоминали царские времена и втайне мечтали переломать ноги тем, кто уговорил их поддержать антицарские выступления.

За один червонец мы получили достаточно много продуктов и ещё деньги в царских ассигнациях.

Дома мы устроили пир. Я расплатился за квартиру. С помощью Степаныча достал себе дров. Жена его уступила нам пару стаканов и две тарелки с алюминиевыми ложками и вилками. Дома стало тепло и уютно. На столе лежало тонко порезанное сало с розовыми прожилками, чёрный хлеб, пузырёк медицинского спирта, кулёк карамели для дамы, две луковицы и две селёдки. Чай в бумажном пакетике. Царский пир. Мы поедали наши яства и никак не могли остановиться, понимая, что нам на этих припасах ещё нужно жить какое-то время.

– Давай устраивать совет, – сказал я, – нам нужно где-то работать. С тобой всё понятно, ты при деле, а вот я? На ка-

кую работу мне устроиться, чтобы ты могла караулить меня?

– Давай к нам, в ЧК, – весело сказала Мария, – всегда под рукой и работать вместе будем.

– Конечно, – сказал я, – и заслужить всеобщую ненависть и презрение народа.

– Какого народа, – взвилась на дыбы Мария, – буржуев и капиталистов? До чего же ты противен мне, – сказала де-вушка и ушла в спальнку.

Следующий день мы провели в молчанке. Я сходил за газетами. Почитал фильтрованные новости и объявления о приёме на работу. Никому ничего было не нужно, зато продать хотели все и всё.

На обед сварили луковую похлёбку с кусочком сала. После обеда занимались хозяйственными делами. К вечеру натопил печку. Поужинали, разошлись по своим комнатам.

Утром Мария дала команду:

– В ВЧК!

*Эх, яблочко,
Куда котишься,
В ВЧК попадёшь,
Не воротишься.*

Глава 22

Как всегда, у здания ВЧК я получил команду:

– Стой здесь!

Мария ушла в здание, а я стоял около входа, вызывая подозрение часовых.

Через двадцать минут она вышла, и я получил новую команду:

– Следуй за мной!

Мы пошли по полутёмным коридорам ВЧК, по которым сновали сотрудники с папками и какими-то мешками.

В приёмной пришлось подождать. Скоро двери распахнулись, и из кабинета председателя ВЧК вышло десятка полтора сотрудников. Пригласили нас.

Дзержинский стоял возле своего стола и рассматривал какие-то бумаги.

– Совнарком переезжает в Москву, – сказал он. – ВЧК тоже. Здесь останется Петроградское управление. У нас нет времени ждать, господин Казанов, пока вы созрете для осознанного сотрудничества с нами. Вот ваш новый мандат, старый давайте сюда. Не удивляйтесь, если что-то будет не так, товарищ Мария изымет его у вас, её полномочия в отношении вас не изменились. Мы не будем возражать, если вы вместе съездите за границу. Оживите свои связи. Помогите родине в решении важных проблем. По всем вопросам обра-

щайтесь только ко мне.

Мы вышли. В приёмной я посмотрел на мой новый мандат. Текст был короткий, но ёмкий:

Предъявитель сего Казанов Дон Николаевич является личным особоуполномоченным председателя ВЧК со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подпись: *Ф. Дзержинский.*

Печати, скрепляющие мою фотографию и подпись.

Вот, большевики, придумали бюрократический штамп «со всеми вытекающими отсюда последствиями». Любой прочитавший это сразу включает своё воображение и у него начинают возникать такие картины, что предъявителю сего мандата нет отказа по любому вопросу. А личный особоуполномоченный председателя ВЧК это всё равно, что сам председатель ВЧК, но только в моём лице. Красные дерматиновые корочки, в которые был вклеен мандат, внушали большое уважение к предъявителю и организации, им представляющей.

Дзержинский рисковал, выдавая мне такой мандат. А вдруг я враг? Да я с таким настоящим удостоверением таких дел наделаю, что судить будут самого товарища Дзержинского, как организатора всех моих дел.

С другой стороны, этот мандат отрезал меня от моего общества. Кто будет верить человеку, которому сам Дзержин-

ский лично выдал мандат особоуполномоченного? Никто. Это все равно, что бойца противоборствующей армии переодеть во вражескую униформу, дать в руки оружие и посадить в окопы. Если он даже не будет стрелять или он будет стрелять в тех, кто дал ему оружие, он не станет своим для своих. И для чужих тоже не станет своим. А после революции трудно разобраться, кто всё-таки свой, а кто действительно чужой. И антиправительственные действия во все времена остаются антиправительственными действиями. Даже при смене правительства и политического курса.

– Идём на склады, – скомандовала Мария.

– Чего она раскомандовалась? – думал я, идя вслед за ней. – По должности я выше и вообще это она меня должна слушаться, а не я её. Вот выйдем на улицу, я этот вопрос поставлю ребром. И заставлю её обращаться ко мне на вы. А чего это вы, господин Казанов, стали думать, как особоуполномоченный ВЧК? Вы что, присягу им давали? Вы присягали Его Императорскому Величеству, Самодержцу Российскому и ему верность должны хранить. А где он, царь? Под арестом, по слухам где-то в Екатеринбурге. И он сейчас не царь, нет у нас царя, значит, и присяги нет. Если бы мы присягали Родине, то да. Что, то да? Как тут эту родину разделить? И у большевиков, и у нас Родина одна. Как нам её поделить?

– Всё, пришли, – сказала Мария. – Кладовщик, давай, выдавай по ведомости, – и она протянула кладовщику два ли-

ста бумаги.

Кладовщик вышел из-за прилавка, молча подвёл нас к мерной линейке, измерил рост и записал данные в ведомость. При помощи портновского сантиметра замерил обхват груди и длину подошв, снова записал в ведомость. Вернулся за прилавок и стал выдавать имущество. Гимнастёрка зелёная, полушерстяная с синими «разговорами». Брюки полушерстяные синие «галифе» с синим кантом. Две рубашки нательные – хлопчатобумажная и фланелевая. Двое кальсон с завязками. Сапоги хромовые офицерские, размер 42, узкие, одна пара. Куртка кожаная, чёрная с утеплителем на пуговицах, одна штука. Будёновка с синей суконной звездой. Фуражка кожаная, шофёрская. Одеяло шерстяное. Две наволочки. Две простыни. Два полотенца вафельных. Котелок круглый, медный. Ложка. Кружка алюминиевая. Ремень брючный, брезентовый. Ремень кожаный с портупеей.

– Какое желаете оружие, товарищ особоуполномоченный? – спросил кладовщик и открыл двустворчатый железный шкаф.

– Вот тот, бельгийский «браунинг» образца 1910 года, калибра 7,65 мм, – сказал я, заметив знакомый силуэт.

– Достойно, – сказал кладовщик, подавая мне пистолет, – семь пульек, как в нагане, а удобства большие. Патроны Кольта 32 калибра. Этим пистолетом мировая война началась.

– То есть как это? – удивился я.

– А принца австрийского сербы из такого же пистолета

укокошили, — сказал знающий оружейник.

К пистолету прилагалась кобура, протирка и ремень для крепления пистолета, две обоймы и несколько пачек патронов.

Следом на прилавок выложены компас и свисток, чехольчик для которого был прикреплён к ремню портупеи и восьмикратный бинокль в кожаном футляре. На бинокле на медной пластинке было чётко отгравировано «Karl Zeiss, Iena».

— Товарищ особоуполномоченный, возьмите малую сапёрную лопатку, не пожалеете, ямку выкопать, дрова порубить, нарубить мяса для пельменей и котлет, всегда белая, не ржавеет, картинка, а не лопата, — сказал завсклад, доставая лопатку.

Чем-то я ему понравился или он просто работал на перспективу, мало ли кем станет этот особоуполномоченный лет через несколько. А, может, все ещё проще. ВЧК переезжала в Москву и нужно было срочно разгрузить склады.

Все вещи уложили в большой чёрный мешок, матрацовку, неотъемлемый атрибут военного «приданого».

С мешком пошли в продовольственный склад, где получили пайки и отдельный пакет для особоуполномоченного ЧК.

Мария стояла с мешком и с пакетами у здания ВЧК, а я искал извозчика.

Глава 23

Дома Мария упросила меня надеть военную форму. В принципе, всё мне было впору. Брючным ремнём и портупеей исправили широковатость галифе и гимнастёрки. На портупее кобура с пистолетом. На шее бинокль. В это время в дверь постучали. Мария открыла дверь. Вошёл домовладелец. Увидев меня, он стал открывать и закрывать рот, из которого не вырывалось ни слова. Мария сбегала на кухню и принесла воды.

– Вы никуда не собираетесь уезжать? – спросил обрётший свой голос домовладелец. – А то революция собирается переезжать в Москву.

– Нет, – твёрдо сказал я, – и если я куда-то отлучусь, то держите квартиру за мной. За ВЧК, а тем, кто будет на неё претендовать, напомните, что я ещё не потребовал от него возмещения украденных ими и пропитых моих вещей. И если что-то со мной случится, то квартира переходит товарищу Марии. Вам все понятно?

Домовладелец кивнул и ушёл.

Что же, я засветил себя окончательно. Домовладелец человек словоохотливый, но знающий, что и где можно сказать, а говорит он только некоторым людям, которые разносят всё не хуже радиоточки. Нехай клеветают.

В особом пакете особоуполномоченного была бутылка

«шустовского» коньяка, ветчина, колбаса копчёная, солидный кусок сала, чёрный хлеб, горчица, банка маслин и две копчёные селёдки. Две коробки папирос «Дукат». Пачка индийского чая и пакетик молотого кофе. Пилёный сахар. Давно я не видел такой роскоши.

Мария чуть пригубила коньяка и закусила деликатесами. Потом сидели около печки на кухне и смотрели на огонь. Мы потомки язычников и огонь для нас всегда являлся и является чем-то священным.

– Буржуйская еда, – сказала она, – вы вот колбасами объедались да коньяком запивали, а мы на вас мантулились, как проклятые, – и она заплакала.

Я сел к ней поближе и стал тихонько поглаживать по голове, успокаивая без слов. Не подумайте, что я делал всё, чтобы достигнуть близости с ней. Хотя очень хотел это сделать, но я прекрасно понимал, что имею дело с дикой кошкой, которая может ласково мурчать и тут же вцепиться в вас когтями и кусать всё, что не защищено одеждой.

– Как я могу поехать вместе с ней за границу, – думал я про себя, – ведь это просто «баба а-ля рюсс», красивая, но не воспитанная, которая будет бросаться в глаза точно так же в бальном платье, как и в красной косынке и в кожаной тужурке. Торопиться за границу не будем. К Питеру рвутся войска генерала Юденича, не исключено, что всё встанет на свои места и все разойдутся по своим местам: кто к станку на завод, а кто в вицмундир чиновника 9 класса или

в армию в чине капитана.

Я проводил Марию в её комнату и укрыл полученным шерстяным одеялом.

– Спи девочка, – пронеслось у меня в голове, – кто знает, на радость или на горе мы встретились с тобой. Всё идёт так, как угодно Богу. Возможно, что наша встреча записана в Книге судеб на предпоследней странице. Завтра будет день и нам придётся распоряжаться своей жизнью или противостоять тому, кто хочет по-своему распорядиться ею.

Я ходил по комнате, разносивая сапоги и привыкая к новой для меня одежде.

Утром я встал пораньше, на таганке вскипятил чай, заварил его, сделал бутерброды с ветчиной, поставил всё это на тарелку и постучал в дверь спальни.

– Да, – услышался заспанный голос девушки.

Я вошёл с импровизированным подносом, поставил его на колени девушке и поправил подушку, чтобы ей было удобнее полусидеть.

– Это что? – удивлённо спросила она.

– Завтрак в постель, по-буржуйски, – с улыбкой произнёс я и вышел, чтобы не смущать её.

Минут через десять Мария вышла из комнаты, отнесла посуду на кухню, помыла её, умылась сама и свежая вышла в залу.

– Спасибо вам за завтрак, – сказала она, – только больше так не делайте.

– Почему? – удивился я.

– Боюсь привыкнуть к буржуйской жизни и забуду про пролетарскую бдительность, – покраснев, ответила она.

– Эх, девочка, – подумал я, – ты не ещё знаешь, что приготовил тебе райский Змей-искуситель.

Глава 24

После завтрака я экипировался по полной чекистской форме и в сопровождении Марии отправился в Зимний дворец.

То, что было всем, сейчас стало ничем. Никто не знал, подо что приспособить дворец.

В феврале 1917 года пытались явочным порядком разместить во дворце штаб командующего войсками Петроградского военного округа, но обслуга дворца своим телом отстояла охраняемое здание. Штаб округа разместили в Адмиралтействе.

С воцарением Керенского в кресло председателя совета министров в июле 1917 года заседания правительства проводились Малахитовой гостиной дворца. Но, если залез один, то за ним полезут и другие. Зимний дворец превратился в учрежденческое здание.

Господин Керенский лично для себя занял комнаты Александра III. Канцелярию разместил в комнатах Александра II. В библиотеке Николая II принимал доклады.

Что бывает с музеями при размещении в них посторонних лиц, известно всем. Созданная специальная комиссия по учёту и приёме ценностей обнаружила многие факты утраты и повреждения художественных и исторических ценностей. А размещение во дворце целых воинских частей пре-

вратили его в казарму.

После большевистского «штурма» были буквально разгромлены кабинет и приёмная Александра II, комнаты Николая II. Надо сказать, что большевики быстро опомнились и все воинские формирования были выведены из дворца, а во дворце разместилась Комиссия по охране памятников искусства и старины.

– Пропуск? – строго сказал стоящий на входе солдат.

Пропуск Дзержинского сработал безотказно. Мы шли знакомыми коридорами к моему кабинету. Дубликат ключа хранился у меня дома и сейчас лежал в кармане галифе. В кабинете было всё так же, как и было во время моего ареста. Кое-что исчезло, да Бог с ним, в новую жизнь нужно входить без старых вещей и привычек.

– Давай договоримся, – сказал я Марии, – ты стоишь и молчишь без всякой пролетарской ненависти и бдительности. Я знаю, как выполнить то, что нам поручено, поэтому я здесь главный. Договорились или нет? Если нет, то мы сейчас едем в Москву, и я ставлю вопрос о том, чтобы тебя отстранили от работы со мной.

Обиженная Мария кивнула головой.

Я подошёл к облицованной изразцами стеной, где размещалась отопительная печь. Нажал известный мне изразец, щёлкнул запорный механизм, и изразец выдвинулся из стены, удерживаясь на металлических петлях. Маленький сейф. Никаких кодовых замков. Нужно просто знать, что здесь есть

металлический ящик. Можно сбить изразец и не найти тайник. Конечно, код был, но такой, который сейчас не применяется. Как говорится, дело прошлое, открою секрет закрывания сейфа. Последний код был установлен Борисовым. Число 1914. Год начала мировой войны. Четыре цифры. Четыре угла. Нужно знать, какой угол считается первым. Нажимаем на первый угол один раз, на второй – девять, на третий – один, на четвёртый – четыре, нажимаем на дверцу, и она сама открывается. Просто и никаких верньеров с цифрами, с поворотами вправо или влево и прочими атрибутами всех секретных замков.

Я выгреб всё в большой кожаный портфель, который, похоже, валялся лет сто на высоком платяном шкафу. Я его как-то видел и сейчас заглянул туда для проформы. Это был не портфель, а какой-то пылесборник, не потерявший своих кожаных качеств.

– Это тебе подарок, – сказал я Марии, протягивая ей дамский «браунинг» 1906 года выпуска. – Не пристало женщине ходить с «наганом».

Пока Мария разглядывала пистолет, я аккуратно упаковал и уложил в портфель деньги, бланки паспортов и справок, клише печатей и пузырёк спецчернил. Блокнот я положил в карман гимнастёрки. Много дали бы некоторые люди за этот блокнот. Денег было достаточно много в валютах, которые не боятся ни войн и кризисов.

С кожаным портфелем в руке я был настоящим особо-

уполномоченным ВЧК.

Проходя по коридору, я увидел две картины, прислонённые к стене. На одной была изображена девушка с гладкозачёсанными волосами и с опущенным мечом. Девушка одета в лёгкую тунику золотисто-красных оттенков, полуобнажённая до середины бедра нога поставлена на отрубленную бородатую голову. На второй молящаяся девушка, пышного телосложения с полуобнажённой грудью, прикрытой лёгкой просвечивающей материей.

– Ты знаешь, кто это? – спросил я Марию.

Девушка отрицательно покачала головой.

Картины были небольшими, чуть больше метра в высоту и мне пришлось присесть, чтобы удобнее было показать, что и где изображено.

– Девушка с мечом – это Юдифь, – начал я рассказ, – целомудренная и богобоязненная молодая вдова, героиня Иудеи. Когда огромная армия Навуходоносора под командованием полководца Олоферна осадила город Бетулия, в котором жила Юдифь, она отправилась в стан врага и сделала так, что Олоферн проникся к ней доверием. Когда в один из вечеров он заснул пьяным, она отрезала ему голову. Завоеватели без начальника разбежались в разные стороны. Юдифь вернулась домой и никогда больше не выходила замуж. А картину нарисовал итальянский художник Джорджоне где-то в начале шестнадцатого века.

– А вторая картина? – тихо спросила Мария.

– На второй картине великого Тициана изображена кающаяся Мария Магдалина, – сказал я. – Одна из самых загадочных героинь библейского времени. Кто-то её называет Магдалиной, кто Магдаленой, кто блудницей, кто исцелённой от вселившихся в неё бесов, кто простой мироносицей. Она постоянно следовала за Иисусом Христом, присутствовала при его распятии и была свидетельницей его появления после воскрешения.

По преданию, именно она отправилась в Рим и поднесла императору Тиберию простое яйцо, сказав при этом «Христос воскрес!». Но император не поверил в это и сказал, что это так же невозможно как белому яйцу стать красным. Пока он это говорил, на глазах у всех изумлённых людей белое яйцо стало красным. Вот поэтому мы на Пасху и говорим: «Христос Воскресе» и дарим друг другу крашеные яйца.

Некоторые люди считают, что у Марии Магдалины и Иисуса Христа были особые отношения. И я в это верю, потому что Сын Божий был человеком. Даже евангелие от Луки говорит: «И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастовый сосуд с мирром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала мирром». Так может поступать только любящая женщина. Какая из картин тебе понравилась больше?

– Мария, – сказала девушка. Посмотрев на меня глазами,

полными влаги, она спросила, – мы ещё придём к этой картине?

– Придём, – уверил я её.

Что другое я мог сказать девушке, которая лишь после революции начала соприкасаться с огромным окружающим миром и познавать то, чего были лишены десятки миллионов жителей России? Я не знал, что будет завтра, послезавтра, где буду я, где будет она, но у человека всегда должна быть надежда на светлое будущее.

Глава 25

Вторая половина дня прошла в хозяйственных заботах и обучении Марии пользованию пистолетом. Всё шло хорошо. Я объяснял, что после стрельбы нужно извлечь магазин из рукоятки пистолета, передёрнуть затвор для проверки наличия патрона в патроннике, щёлкнуть курком, поставить пистолет на предохранитель и вставить магазин в рукоятку пистолета.

Все было сделано так, как и было рассказано. Только магазин был вставлен до проверки патрона в патроннике. Передёрнутый затвор загнал патрон из магазина в патронник, спущенный курок воспламенил гремучую смесь в капсюле, капсюль воспламенил порох, который при горении создал избыточное давление газов и вытолкнул из ствола пулю, которая пролетела над моей головой и впилась в стену.

Мне даже показалось, что она вырвала несколько волосков из моей головы. Я поднял руку и погладил голову. Мария подскочила ко мне, схватила меня за голову и стала рассматривать. Не найдя раны, она заплакала и пнула пистолет ногой. Пистолет выстрелил ещё раз. Назревала истерика. Я посадил девушку на диванчик, быстро принёс остатки коньяка и прямо из горла заставил выпить её несколько глотков.

– Мне не нужен этот пистолет, – кричала Мария, – он убивает людей. Он сам убивает людей. Я чуть не убила тебя.

Если человек хочет плакать, ему нужно дать проплакаться. Как человеку, страдающему жаждой, нужно дать воды напиться. Или с похмелья опохмелиться (и помнить, что частый опохмел – это прямой путь к алкоголизму). Так и постоянный стресс должен иметь какой-то выход.

Если вас прижмёт стресс или постоянное раздражение будет скапливаться в вашей груди, возьмите и крикните как можно громче и кричите как можно дольше. Вы увидите, как после этого крика поменяются краски вокруг вас, и даже солнце будет светить ярче, несмотря на то, что оно будет скрыто за тучами. Частенько помогает секс. Хорошая порция секса. Или две порции подряд. Но с Марией это не пройдёт. Старое русское воспитание ещё не превзойдено никакой цивилизацией в мире.

Я дождался, пока рыдания будут меньше, и сказал ей ласково:

– Возьми пистолет, перезаряди его и положи в карман, он нам завтра пригодится.

Заинтригованная девушка, всхлипывая, подняла с пола пистолет, безошибочно перезарядила его и положила в карман.

– А что мы завтра будем делать? – спросила она.

– Буду из тебя царицу делать, – с улыбкой сказал я, – сейчас ложись спать.

Утром меня разбудил запах кофе. Едва я успел открыть глаза, как мне на подносе был подан завтрак – кружка кофе

и бутерброд с селёдкой. Кофе, конечно, это не кофе, а молодые зерна, залитые кипятком. Для первого раза пойдёт и так, потом научу варить кофе, но буржуйские привычки заразительны.

— Где твоя кружка? — спросил я девушку. — Вместе завтракать будем, — сказал я, — и ножик захвати.

Мария пила кофе и морщилась, стараясь меня не обидеть.

— Не нравится? — с улыбкой спросил я.

— Не вкусно, — призналась моя тень.

— погоди, — успокоил я её, — я тебе расскажу, в чём прелесть кофе, и ты ещё сама будешь изобретать рецепты его варки.

— Как суп, что ли варить его? — скривилась девушка.

— Суп не суп, но варка нужна, — пообещал я. — Давай одеваться, у нас с тобой сегодня насыщенный день.

Дамы поставят мне в минус то, что я не стал подробно рассказывать, какие магазины мы посещали, что купили и какую причёску сделали Марии. Скажу одно, что когда я расплатился с парикмахером и вышел на улицу со свёртками чекистской одежды, то впереди меня шагала молодая дама в собольей шапочке, коротком пальто с меховой оторочкой, беличьей муфте, длинной чёрной юбке из тонкой шерсти и шнурованных ботинках на высоком венском каблуке. Картинка. И вдруг перед этой картинкой выросли три налётчика, вынырнувшие из подворотни. Двое стояли перед ней, а второй зашёл сзади, чтобы отрезать путь к возможному бегству.

– А ну-ка, барышня, снимай-ка все эти буржуйские шмотки, освободи тело своё от остатков царизма, – сказал старший из них.

Я только сунул руку в карман пальто за своим пистолетом, как вдруг раздались подряд три выстрела. Стоявший сзади Марии бандит взмахнул рукой с ножом. Я достал пистолет и выстрелил в него. Мог и попасть и в девушку. Другого выхода не было. Мне повезло, я попал в налётчика. Многие сильно ошибаются в том, что из пистолета легко стрелять навскидку и попадать точно в цель. Это только в кино. Да и то все «снайперы», которые не промахиваются в стрельбе по пустым бутылкам, не могут попасть в «корову», которая стоит прямо перед ними.

Я бросился к Марии. Это она первой стреляла прямо через муфту. Один из лежащих перед ней бандитов пошевелился и получил ещё два выстрела в голову. Возможно, он получил бы и больше, если бы у Марии не закончились патроны. Это я не дозарядил пистолет после случайной стрельбы дома. Марию трясло. Я отобрал у неё пистолет и положил его к себе в карман. Подозвал извозчика, схватил свёрток, и мы поехали домой.

Следующие два дня Мария приходила в себя. Я поил её настойкой пустырника, мятным чаем, купленным коньяком, читал ей книги. Все-таки убийство человека – это перешагивание через себя. Практически был бой. Три врага напали на одного человека, который заведомо слабее их.

Люди, посягающие на личность человека, должны рассматриваться как враги и преступление против личности должно быть самым высоко наказуемым. Против врагов не может быть понятия превышения пределов необходимой обороны. Давайте привлечём к ответственности Михайлу Илларионовича Кутузова, который превысил эти пределы и изгнал французских захватчиков из России.

Чем наполеоновские солдаты отличались от тех трёх налётчиков? Почти ничем. Разве тем, что это были российские граждане, которые не признавали российские законы. Так и французам было наплевать на российские законы. Если человека начинают убивать, и он избежит смерти, поразив своих врагов камнем, которого не было у врагов, то его у нас будут судить за то, что он превысил пределы обороны, защищаясь камнем от пистолета или ножа. Такое ощущение, что законы российские писали бандиты, чтобы избежать ответственности за преступления против личности.

Кое-как я привёл Марию в порядок. Новой властью нам дан карт-бланш на выбор, служить или не служить новой власти. Уедем мы с ней за границу и заживём там, в условиях нормальной демократии, которая российскому обывателю и не снилась. Начала демократии вроде бы и начали приживаться, да только процесс этот был прерван октябрьским переворотом.

Глава 26

Для Марии я нашёл преподавателя, баронессу Екатерину фон Гляйвиц унд Штеренберг. Баронесса займётся с ней правилами поведения и столового этикета. Несмотря на звучную фамилию, она была истинно русской немкой. То есть той немкой, для которой родина – Россия, за которую она глотку порвёт любому, даже представителю её исторической родины.

Много было и есть в России этнических представителей других стран, которые давно стали русскими не только по языку, а по образу жизни и образу мышления. Самой русской немкой была Екатерина Вторая. Кто как не она много сделала для величия её новой родины – России. Да и императоры наши чистотой русской крови тоже не могли похвастаться, но были истинно русскими людьми с русскими недостатками и достоинствами.

Нашёл действующий класс бального танца и записал туда Марию. Лёгкость и грация в походке никогда не бывают лишней для женщины, а умение танцевать из любой Золушки делает принцессу. И, кроме того, будем посещать литературные вечера, которых расплодилось видимо-невидимо в пламени разгорающейся гражданской войны и начала испанки.

Как я и ожидал, составленное мною расписание занятий

вызвало бурный протест.

– Мои товарищи сражаются с контрреволюцией, а я тут хожу в рюшечках и оборочках, в шёлковом белье, учусь держать вилку и нож одновременно в двух руках, разучивать эти всякие ихь вайс нихьт вас золь эс бедойтен, – почти кричала на меня Мария. – Это предательство идеалов революции, я отказываюсь с тобой работать. Товарищ Дзержинский приказал мне прекратить твою контрреволюционную активность...

– На, прекращай, – сказал я и подал лежащий в ящике стола чекистский наган. – Стреляй и на этом твои мучения закончатся.

– Зачем ты меня мучаешь? – Мария сидела на диванчике с револьвером в руке и плакала как ребёнок, огромными прозрачными слезами.

Я сел рядом с ней.

– Пойми, война не будет продолжаться вечно, – утешал я её. – Мы с тобой тоже находимся на войне, но наша война особая и в ней не стреляют из ружей и пушек. Твое оружие – это твоя красота, манеры, обхождение, знание иностранных языков. А кто после войны будет учить людей всему красивому? Только тот, кто всё это знает и умеет. Успокойся, у тебя кризис от переизбытка информации. Такое бывает со всеми. Сегодня мы с тобой пойдём в салон госпожи Цветаевой. Там собираются поэты разного толка. Если тебе и не понравится, то делай нейтральный вид, они оттачивают стихи свои

на народе, которому все равно, что слушать, лишь бы было читано речитативом.

В салон мы пошли вечером. С собой принесли хлеб и немного селёдки. Это как плата натурой за участие. Хотя, формы оплаты натурой бывали разные, и окончательный расчёт производился поутру.

Все литературные вечера оформлялись одинаково. Полумрак. Свечи. Иногда ладан. Налёт таинственности, мистики. Ностальгия по ушедшей жизни.

Сегодня выступал Бальмонт.

*Решает миг, но предрешает час,
Три дня, неделя, месяцы и годы,
Художник в миге – взрыв в жерле природы,
Просветный взор вовнутрь господних глаз...*

Аплодисменты дамочек, возгласы шарман, браво, бис, охи, ахи, закатывание глаз...

– Это и есть ваша культура? – прошептала мне Мария.

– Это больше ваша культура, – так же шёпотом ответил я, – что-то среднее между Серебряным веком и пролетарской культурой.

– А что такое Серебряный век? – спросила Мария.

– Потом расскажу, послушай Цветаеву, от неё все женщины млеют, – шепнул я девушке.

Ночи без любимого – и ночи

*С нелюбимым, и большие звёзды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть...
И слеза ребёнка по герою,
И слеза героя по ребёнку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен — вниз...*

Я удивился, когда увидел аплодирующую Марию.

– Тебе понравилось? – удивился я.

– Очень, – сказала она.

– Как это могло вам понравиться, – не унимался я, – это же не стихи, это...

– А-а, что вы понимаете, – махнула на меня рукой девушка.

– Здравствуйте, – подумал я, воспитанный на стихах Пушкина и Лермонтова, – я знаю толк в поэзии и всякие верлибры прошу с поэзией не мешать.

Мы шли вечерним Петроградом в конце зимы. Город жил своей жизнью. Кто-то грабил, кого-то грабили, кто-то читал стихи, кто-то рождался, кто-то умирал, кто-то плакал, кто-то смеялся.

На третьем этаже бывшего доходного дома раскрылось окно, из окна вылетела на мостовую пустая бутылка и разбилась, и задорный девичий голос пропел под гармошку:

*Мама платье мне сшила
И сказала: «Не марай!»
А ребята-хулиганы
Утащили за сарай.*

Глава 27

Я никогда не встречал таких людей, как Мария. Она впитывала всё, как губка. Это была уже не та чекистка с пылающим взором, а взрослая, знающая себе цену женщина, которая остановит лошадь на скаку одним только взглядом и этим же взглядом обезоружит всадника.

В нашей профессии очень хорошо, когда женщина может вскружить голову любому мужчине, но это и очень плохо, потому что такая женщина бросается всем в глаза.

Иметь такого способного напарника это счастье, а иметь напарника, который засветит тебя везде, это уже несчастье.

И третье. Ни в коем случае нельзя иметь личных отношений со своим напарником, чтобы эти личные отношения не повлияли на то дело, которым мы занимаемся. Поэтому я и не воспринимаю Марию как женщину, а воспринимаю как чекистку, которая поставлена мне за спину контролёром соблюдения мною революционной нравственности. По-моему, она такого же мнения в отношении моей персоны, хотя тёплые нотки иногда прорываются, но я их ликвидирую холодным отношением.

Чем дальше я обучаю Марию, тем тревожнее становится у меня на душе. Она требует, чтобы я рассказывал все подробности предстоящих операций, чтобы она могла определить, не замышляю ли я чего-нибудь контрреволюционного.

Прямо как комиссар в Красной Армии, где командир и шага не может ступить без одобрения комиссара. Комиссарша. Чувствует моя душа, что она допрыгается. Ещё одна попытка потребовать от меня отчёта о том, где я был, с кем встречался и о чем говорил, я ей дам такую отповедь, которая отобьёт охоту задавать такие вопросы.

Кто она такая, чтобы я перед ней отчитывался? Я и перед женой отчитываться не буду. Всё должно быть на полном доверии. И вообще, кто у нас командир? Я!

– Завтра едем в Москву, – поставил я задачу

– Хорошо, а зачем? – спросила Мария.

– Мне нужно проведать своих родителей и тебя познакомиться с ними, – сказал я.

– А зачем меня знакомить с ними? – смутилась Мария.

– Чтобы они знали, кто мне будет стрелять в спину, – зло-радствовал я.

– Может, ты ещё скажешь им, что я ведьма? – возмутилась девушка.

– Обязательно скажу, что ты дочь самого Дзержинского, – не унимался я.

– Замолчи, – топнула ногой Мария, – ты вымотал все мои нервы.

– То ли ещё будет, – пообещал я.

Путешествие из Петербурга в Москву длилось почти сутки. Наши мандаты, словно волшебные палочки, выписали нам литеры в вагон первого класса и до Москвы мы доехали

без приключений.

Мои родители встретили меня со всей теплотой, которая может быть только у родителей. Они не знали перипетий моей петербургской жизни, об отсидках в тюрьме, о ВЧК. Марию они сразу стали называть Машенькой и относились к ней как к своей дочке, которая приехала к ним на каникулы из пансиона.

– Доня, нам так нравится твоя Машенька, – прошептала мне мама, – я знала, что у тебя есть вкус и ты знаешь толк в женщинах. Вы будете как оформлять свои отношения или, так и будете жить в гражданском браке?

– Нет, маменька, Мария пока мой товарищ по работе, не знаю, сложится ли что-то у нас, – откровенно признался я.

– Сложится и мы с отцом заранее вас благословляем, – сказала мама и поцеловала меня, – я же вижу, что она любит тебя.

Интересно, по каким признакам она это определила? Вероятно, это женское сердце. Женщины частенько уединялись от нас, о чем-то шептались, смеялись, вместе хлопотали на кухне, стараясь поразить нас кулинарными изысками из того набора продуктов, что были в свободном обращении.

Я заметил, что в комнатах поубавилось привычных для меня вещей, и понял, что эти вещи помогали моим родителям выживать. Я дал маме денег, чтобы она могла себя поддерживать. Папа работал на железной дороге и получал паёк, но что такое паёк для нормальной жизни? Так, средство

для выживания.

– Мария, – сказал я своей напарнице, – через неделю мы с тобой уедем за границу. Я хотел бы заехать к твоим родителям, чтобы познакомиться и оставить им какие-то средства как помощь для жизни.

По увлажнившимся глазам девушки я понял, что задел самую её больную струну.

– Я не знаю, кто мои родители, я вообще не знаю, кто я такая. Была в приюте, потом на фабрике, потом в революцию. ЧК мои родители, – жёстко сказала она, – меня не будили по утрам чашками с кофе, как тебя.

Конечно, сирота всегда чувствует злобу на того, у кого есть родители и нормальная семья. С этим уже ничего не поделаешь. Была бы возможность, я обнял бы весь мир, отдал всё своё тепло всем обездоленным и осиротевшим людям, но их так много на земле, что меня на всех не хватит. И тот, кому не достанется моего тепла, будет чувствовать себя обиженным. Ещё одним или двумя, тремя обиженными людьми станет больше. Лучше уж ничего не делать, а выбрать кого-то и усыновить его или удочерить. Это, пожалуй, большее, что может человек.

– Не сердись, – примирительно сказал я, – я не хотел тебя обидеть и раньше не спрашивал о родителях, происхождении, считая, что ты сделаешь это сама, если сочтёшь это нужным. Считай, что ты нашла своих родителей. Они в тебе души не чают и будут рады, если ты им будешь вместо доче-

ри. Я с мамой говорил об этом. Если со мной что случится, я тебе поручаю заботиться о них.

– Как ты смеешь так говорить, – со слезами на глазах говорила Мария, пытаясь ладошкой закрыть мой рот, – с тобой ничего не может случиться. Боже, зачем мне дали такое задание?

– Успокойся, – уже деловым тоном сказал я, – завтра идём к Дзержинскому, доложимся, что и как.

– А что и как, – не поняла Мария, – похоже, ты снова не ставишь меня в известность о том, что ты задумал?

– Я же тебе говорил, что ты ещё со мной намучаешься, госпожа Казанова, – рассмеялся я. – Кстати, я так и не знаю, как твоя фамилия?

– Моя фамилия Светлова, – серьёзным голосом сказала Мария, – а почему ты меня назвал своей фамилией?

– Вот твой паспорт, почитай, – и я протянул девушке заполненный бланк паспорта. С полковником Борисовым паспорта мы делали сами, для того, чтобы обеспечить секретность наших миссий. Для этих целей мы получали по линии министерства внутренних дел чистые бланки паспортов и прослушали курс заполнения бланков, возможных подделок и прочее, а также дубликаты необходимых печатей.

– Почему ты считаешь, что мне нравится твоя фамилия, – возмутилась девушка, – ты что, спросить меня не мог? Мне моя фамилия больше нравится, чем твоя. И кто мы, брат и сестра, господин Казанов?

– У брата и сестры отчества одинаковые, а у нас разные, –
сказал я, забирая у неё паспорт, – мы с тобой муж и жена.
Девушка поджала губы и отвернулась.

Глава 28

Наши мандаты привели нас на Лубянку, где разместились ВЧК.

Дзержинский принял незамедлительно.

– Что решили, Дон Николаевич, – спросил председатель ВЧК, – зачислять вас в список кадров комиссии?

– Ничего я не решил, Феликс Эдмундович, – ответил я, – но мы с Марией выезжаем за границу осмотреться и решить, что и как.

– Не понял, – сказал Дзержинский, – вы что, попрощаться с добрым дядей пришли?

– Выходит, так, – сказал я.

– Мария, а вы что скажете? – строго сказал Дзержинский.

– Товарищ Дзержинский, по вашему заданию я выполняла всё, что мне было предписано. За этот период я училась языкам, общению и поведению за столом, танцам, литературе, для меня выписан паспорт на имя Казановой Марии Александровны, жены наблюдаемого мной Казанова. Дальнейшие действия мне не известны, – отрапортовала Мария.

– Да, вы с ней поработали основательно, – сказал Дзержинский, – я поначалу её и не узнал. Как же я могу дать вам добро на выезд, если не знаю, что вы собираетесь делать?

– Я и сам пока не знаю, куда мы поедем, – сказал я, – но если будет нарушен принцип конспирации, то можно уже ни-

куда не ехать, и вообще забыть о мысли наладить то, чем я занимался, работая в Зимнем дворце.

– Мне легче вас расстрелять, чем решать ваши загадки, – сказал Дзержинский, – и я не знаю, что меня останавливает. Я не знаю, вернётесь вы или нет, насколько я могу доверять вашей спутнице...

– Я занимался связями между царственными домами Европы, – перебил я его.

– То есть, работали фельдъегерем? – удивился председатель ВЧК.

– Нет, я осуществлял связь между царственными домами, – уточнил я.

– И в чём здесь разница? – не понимал Дзержинский.

– Есть договоры открытые и есть договоры секретные, – начал объяснять я. – Вы сказали, что обнародуете все секретные договоры царского правительства. Этим вы теряете авторитет надёжной договаривающейся стороны, которой нельзя доверять ни в одном важном вопросе. То, что руководители говорят открыто, отличается от того, что говорят руководители наедине. И руководители не прекращают своих контактов в любой обстановке, даже когда отношения зашли до войны. Но никто не должен знать об этих контактах, иначе это будет воспринято как предательство интересов своей страны. Вот поэтому и нужна строжайшая конспирация во всём, что касается руководства стран. Вернёмся мы или не вернёмся, всё будет зависеть от обстоятельств, а заверить

человека о своей преданности особого труда не представляет. Если мы обсуждаем важные вопросы, то это уже есть степень доверия того же уровня, как и обсуждаемые вопросы. Меня раньше никогда не спрашивали, вернусь ли я назад. Это было само собой разумеющимся делом.

– Сейчас другое дело, господин Казанов, – возразил мне Дзержинский. – Идёт война не на жизнь, а на смерть. Для победы революции нам нужно было разложить армию царя. И мы её разложили. Был единственный союзник царя – армия и флот, – и этот союзник сам сдал своего царя. Мы не допустим ошибки царя. Мы будем уничтожать всех сомневающихся, оставляя только тех, кто предан нам не за страх, а за совесть. Те, у кого нет совести, будут работать на нас за страх. За страх жизни родных и близких. Если будет плохо, то мы введём в армии децимацию. А поэтому, вы должны подписать присягу советскому правительству. Считайте, что это ваша вербовка.

– Меня никто не освобождал от обязательств перед Россией, господин Дзержинский, я присягал не только царю, но и Отечеству, пусть я не офицер, но десять присяг принимать не буду, – твёрдо сказал я. – И моих родителей присяга не защитит. Все под Богом ходим.

– Экий вы колючий, – испытующе посмотрел на меня председатель ВЧК. – Мне заново приходится любить русских, и я считаю, что жизнь моя в молодости была не самой правильной. Но русский народ вряд ли кем-то будет понят,

даже самими русскими. Пока я жив, я смогу вас защитить, но и в нашей системе столько много людей, которых даже близко нельзя подпускать к человеческим судьбам, но пока революция диктует свои правила и когда еще придёт то время, когда человеческие качества будут основными при назначении на должности. Возвращайтесь, я в вас верю, и Марию привозите обратно. Вот вам разрешение на выезд за границу.

Дзержинский что-то быстро написал на листочке бумаги, расписался и поставил личную печать.

Крепкое пожатие руки было нашим прощанием.

Глава 29

Чекистские мандаты и наган Марии мы оставили у моих родителей. Сейчас мы должны полагаться только на себя. В поезд садилась супружеская пара, Мария и Дон Казановы. Скромная пара со скромными запросами.

В то время не принято было шиковать в поездках. Да и сейчас всё так же. Если шикает, то богат. Если богат, то ты объект для грабежа. А грабили все: и преступники, и милиция, которая должна была с ними бороться. Неизвестно, кого нужно было больше бояться. Но все боялись только ВЧК. Нужно отдать должное Дзержинскому. Сволочей изгоняли из органов.

Исключение составляла военная контрразведка, созданная на день раньше органов ВЧК и входившая в структуру армии. Армейская ЧК была соединена с органами Военного контроля. Вроде бы и ЧК, но под контролем военного руководства и ВЧК. Если бы в военную контрразведку брали самых лучших офицеров, как в ВЧК, то уровень репрессий среди командного состава Красной Армии был бы куда меньше, и не было бы культивируемого до сегодняшнего дня принципа военных контрразведчиков: «у нас и генералы плачут как дети».

Проблемы милиции-полиции в обозримые для историков годы были одними и теми же. Менялись люди, проблемы

оставались. Какой бы ни был человек, система его ломает. Тот, кто пришёл бороться с преступностью из чистых побуждений, либо уходит, либо меняется под прессом беззакония, вызванного требованием поступательного роста показателей борьбы с преступностью. Если сложить все показатели их работы, то получится, что преступность уже побеждена трижды или четырежды. А она, тем не менее, растёт из-за отсутствия в стране гражданского общества, которое не будет мириться с преступными проявлениями окружающих людей. Успокоение начальникам придёт только тогда, когда в преступниках будут числиться поголовно все граждане страны при стопроцентных показателях работы правоохранительных органов.

Мы с Марией ехали в Мурманск, единственные ворота выезда из России. На все стороны шла гражданская война, а севера пока оставались как бы нейтральными, хотя рядышком тоже шла первая российско-финская война за Карелию.

До апреля 1917 года это был город Романов-на-Мурмане, но так как царей в России не стало, тем более Романовых, то и город переименовали в Мурманск. Мурманами называли норвежцев, норманнов. Для русского уха более приятно звучит мурман, чем норман. Собственно говоря, толчок к развитию Мурманска дала мировая война и распоряжение строить здесь порт на месте рыбацкой деревушки. В 1915 году в бухту прибывает первый океанский корабль с материалами для строительства железной дороги от порта до Петрозавод-

ска. Так что можете себе представить, что представлял себе городок Мурманск летом 1918 года.

Портовые города всегда неприветливы, они как бы щетинятся от тех, кто приезжает, и неохотно принимают чужаков. Но если человек влился в команду портового города, то тогда этот город становится ему родным домом, где для него приветливо открыты все двери.

Мы неоднократно использовали Мурманск для выездов в Англию, поэтому и город встретил меня как старого знакомого. Я всегда останавливался в двухномерной частной гостинице, которую содержала вдова мелкого чиновника. У неё останавливались порядочные и состоятельные люди, которые хорошо платили за полный пансион с удобствами на улице, конфиденциальность, покой и безопасность.

Оставив Марию в гостинице, я пошёл оформлять билеты на пароход, отправляющийся в Англию. Со стороны оно выглядит легко – пришёл в кассу и купил билет. На самом деле нужно было оформить разрешение на выезд в соответствии с запиской Дзержинского. Затем поставить отметки в паспортах. Уплатить представителю пароходной компании за двухместную каюту второго класса и показать сумму денег, подтверждающую, что мы сможем содержать себя в Англии. Потом заполнить таможенную декларацию, которую нужно предъявлять вместе с паспортами и посадочным сертификатом в день отплытия парохода.

Все бюрократические дела я закончил во второй полови-

не дня, когда нормальные люди полдничают. Свистнув пацана из тех, что во множестве обретаются возле транспортных контор, я отправил его с письмом по указанному на конверте адресу и зашагал в гостиницу. В наши дни я бы не воспользовался подобной оказией, зная о необязательности современной молодёжи. А в то время каждый пацан своей работой держал реноме надёжности мальчишечьей компании и курьером становился не тот, кто пошустрее и пробивнее, а тот, чья была очередь. Поэтому можно было не беспокоиться о том, что послание не дойдёт до адресата.

В гостиницу я пришёл к ужину. В то время процесс приёма пищи был не тем поглощением белков и углеводов во время просмотра телепередач, а действием, создающим семейные традиции и сплачивающим семью.

Пока я умывался, Мария с хозяйкой уже накрывали стол и запахи, доносившиеся со стола, подгоняли меня с завершением одевания к столу. Даже в крестьянских семьях не было принято садиться к столу за ужин в исподнем, тем более в интеллигентных семьях. Ужин был рыбным. На закуску к водочке двойной очистки была слабосолёная сёмга. Нежная, с янтарной капелькой, она просто таяла во рту. А солёные грузди с репчатым луком и в подсолнечном масле были просто восхитительны.

– Что ж вы так на закуски-то налегаете, Дон Николаевич, – северным говорком посетовала хозяйка, – ушица вот в супнике, да и горячее в печке томится. А я вам на завтрак

блинков напеку с молочком топлёным и грибочками-рыжиками в сметане.

Упоминание о блинчиках и рыжиках просто подхлестнуло аппетит. Тройная уха была великолепна, прозрачная, наваристая, она застывает как студень в погребе, и нет ничего лучшего для вечернего перекуса этой заливной ухой с чёрным хлебом.

На горячее была треска, запечённая «по-купечески» с грибами и сметаной.

На десерт крепкий, по-северному заваренный чай. В розеточках варенье из малины и морошки.

Я сел в уголке с папиросой и чашечкой чая, думая о том, что богата наша Россия и могла быть ещё богаче, если не делать всех одинаково бедными, а окраины империи, не тронутые революцией, были островками покоя и благополучия, куда стремились люди, спасающиеся от большевистского потопа. Долго ли просуществуют эти заповедники России? Вряд ли долго.

Глава 30

После ужина я позанимался с Марией английским языком и где-то часов в десять мы уже легли спать. В одну постель со строгими правилами не касаться друг друга. Оно и понятно это требование. Мы живые люди, и я, и она, и оба неравнодушно дышим друг к другу, но разве сможет человек беспристрастно наблюдать за потенциальным врагом, будучи влюблённым в него? Конечно, нет. И Мария это понимала. Понимал и я.

С другой стороны, я могу спокойно освободиться от государева ока. «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, и от тебя, Мария, тоже уйду». А хочу ли я уйти от неё? В том-то и дело, что не хочу. Как я могу подвести её? Что скажет моя совесть, честь? Расчёт господина Дзержинского верен, куда ты денешься от такой охраны?

В Мурманске того времени практически не было светской жизни. Вернее, она была, но на каком-то полукриминальном уровне, точно так же как у нас сейчас везде на всех уровнях от самого низшего до самого высшего.

У меня не было особого желания стоять где-то с рюмкой коньяка и слушать разглагольствования рыбопромышленника о мировых тенденциях в балете или о том, что Россия могла бы победить германца, если бы императрица не передавала все секретные планы прямо в генштаб к Вильгельму.

Привычка вставать утром по солнцу и по петухам до сих пор никем не опошлена как архаизм. Нельзя ломать привычный стиль жизни в угоду заверений экономистов о рачительности использования наших ресурсов. Все эти переводы часов то на час вперёд, то на час назад я воспринимаю как тот извечный спор тех же экономистов по поводу обыкновенных карандашей. Одни говорят, что три сантиметра карандаша не исписывается и идёт бесполезный расход дорого графита. Сделали стержень короче. Другие экономисты говорят, что в карандаше три сантиметра без стержня. Это же идёт бесцельный и огромный расход древесины. Снова вернулись к нормальному карандашу в том виде, в каком он задумывался. Мы всё равно вернёмся к тому, что человек и его организм будут жить в соответствии с солнечным циклом. Люди не могут затормозить движение земли и не могут замедлить течение времени, поэтому они и изгаляются над человеческим организмом.

После плотного завтрака и небольшого отдыха мы ещё позанимались с Марией английским языком, пробежались по правилам этикета.

– Главное, – убеждал я её, – будь сама собой и не смотри на иностранцев как на образец для нас. У них есть чему поучиться, но и наша культура ничем не ниже западной. Простое и уважительное, без заискивания, отношение к людям оценивается сразу. А в тебе это заложено в крови. Ты не задумывалась над тем, что в тебе течёт голубая кровь?

Мария всегда обижалась на меня при упоминании о наличии в её жилах голубой, то есть благородной, крови. Кто его знает, как оно на самом деле, но гены не обманешь. Как бы ты ни старался изменить свою сущность, гены тебе не дадут это сделать.

За час до полудня мы вышли прогуляться по Мурманску. Люди, приехавшие из столиц, в любом одеянии будут столичными штучками, каковыми стали мы в захолустном городке, где вся жизнь кипела вокруг порта. Торгового порта. Военных кораблей там практически не было и братия, которая ходила на торговых судах, мало чем отличалась от пиратов, шнырявших по тёплым морям.

*В Кейптаунском порту
С какао на борту
«Жаннета» поправляла такелаж.
Но прежде чем уйти
В далекие пути,
На берег был отпущен экипаж.
Идут, сутулятся,
Вливаясь в улицы,
И клёши новые
Ласкают бриз.*

Нам навстречу шли из кабака непроставшиеся моряки, неизвестно какой национальности, говорящие на непонятном языке, чем-то напоминающем язык благородного идаль-

го Дона-Кихота Ламанчского, но своим поведением и косыми взглядами, не внушающими спокойствия за нашу безопасность.

Если на тебя идёт свирепая собака, которая видит твой спокойный взгляд, но не видит палки за твоей спиной, то она обойдёт тебя и будет поджидать, когда ты будешь без палки.

Вероятно, мой взгляд говорил о том, что в моём кармане есть что-то такое, что может продырявить любому из них одно место, которое потом будет свистеть при любом маломальском ветерке. Поэтому компания прошла мимо, отпустив в наш адрес несколько замечаний, которые мы не поняли. Да, если бы и поняли, то пропустили мимо ушей, потому что нашей задачей был выезд за границу, а не разборки с пьяными матросами.

Честно говоря, прогулка по маленькому городку, по неровным дорогам, шевелящимся деревянным тротуарам особого удовольствия не доставляет. Даже сейчас я не понимаю людей, которые ездят искать экзотик в горных местах и на горных тропинках, по которым проходил осёл Санчо Панса. Или какой-то праведник сидел здесь в тени дерева, ел финики, плевался косточками и материл всех проходящих мимо людей, потому что он был киником, это по-ихнему, а по-нашему – циником.

Сколько прекрасных мест мы не видели у себя, на нашей родине, нет, всем нужно поехать за границу, оставить там свои деньги, чтобы они на наши деньги развивались, а мы,

приехавшие домой с пустыми карманами, сетовали на нашу бедность и неустроенность.

Тем не менее, прогулка была полезной в плане познавательной и способствовала хорошему аппетиту. Меню описывать не буду, а то вы, чего доброго, бросите всё и помчитесь на кухню делать бутерброд и наливать чай.

После обеда в Мурманске, как и в любом другом морском городе, наступал адмиральский час. Отдал и я дань этому часу. Проснувшись, я увидел, что и Мария лежит рядом, свернувшись калачиком и уткнувшись головой в мой живот. Вязаная крючком накидка на подушки попала ей под щеку и отпечаталась причудливым узором на её лице.

– Вставай, – сказал тихонько я, – у нас сегодня состоится очень важная встреча.

Глава 31

Человек, которого я вызывал письмом, пришёл минута в минуту. Точность – вежливость королей. А он был одним из королей преступного мира. В портовом посёлке-городе Мурманске.

Если бы король Божьей милостью захотел, то никаких королей преступного мира не было бы. Всего-то нужно беззаконие ввести в закон и двух медведей в одной берлоге не будет.

Человек, который к нам пришёл, организовывал всё: принимал контрабанду в одной стране и передавал её в руки владельца на другой стороне. Брал дорого. Отвечал за форс-мажор. Кормил всех и был сыт сам. К его услугам мы прибегали крайне редко, так как контрабандными сделками не занимались, разве что иногда возили очень дорогие и ценные безделушки в подарок царственным особам.

Если бы не мировая война, которая ещё полыхала на просторах Европы и не гражданская война, которая разгорелась в России, мы обошлись бы и без услуг этого человека, переведя деньги в нужный нам банк.

Нас связывали с этим человеком деловые отношения, мы ему платили и закрывали глаза на его махинации, и он это понимал, выполняя наши поручения точно, как в аптеке. Вот вам и один элемент того, от чего короли преступного мира

живут и здравствуют под защитой других королей.

Вся наша жизнь далека от совершенства, безукоризненных людей нет. Все зависит от степени безукоризненности. Это как день. Если много света – солнечный день. Если мало света – пасмурно или ночь. И ночь бывает светлой или тёмной. Так и с преступностью. Когда уходит король, наступает мрак. И Россия была на пороге мрака.

Я передал королю портфель с нашими деньгами и пистолетами. Пистолеты он оставляет у себя до нашего возвращения, деньги же будут переданы нам в Англии после прохождения всех таможенных процедур.

– Отобедаете с нами? – предложил я.

– Благодарствуйте, дел много, – ответил наш гость.

Никто бы не подумал, что этот человек занимается чем-то предосудительным так же, как и все население приморских городов не считает контрабанду каким-то незаконным промыслом.

– Не обманет? – спросила меня Мария.

– Нет, – ответил я, – он знает, что мы не контрабандисты и за нами стоят настоящие короли, которые таких, как он, отправляют на каторгу на исправление.

Мы собирали свои вещи, которых было очень мало. Я надеялся, что на секретных счетах ещё хранятся деньги, потому что о полковнике Борисове никто и ничего не слышал. Сгинул он, что ли?

Ночью я спал беспокойно. Мне снилось, что в дом вошли

люди в сапогах. Протопали к нашей комнате. Грубо поступали.

– Казанов?

– Казанов.

– С вещами на выход!

Я просыпался два раза и, засыпая, смотрел продолжение этого сна.

– Почему вы не признаёте Советскую власть?

– Потому что она советская, а не народная.

– А какое отношение ты имеешь к народу?

– Я и есть народ.

– Ты не народ, ты буржуй.

– Я не буржуй.

– Если ты не буржуй, то ты гидра.

– Какая гидра?

– Гидра контрреволюции!

Боже, за что же меня называют буржуйем от того, что я получил образование? Почему никто ихнего Ленина не называет буржуйем, а меня записали в буржуи? Дворяне-робеспьеры свергли короля, а вандейские крестьяне выступили против революции.

Утро. У меня перед поездкой всегда нет аппетита. Чтобы не огорчать хозяйку, съел яичницу из четырёх яиц на топлёном масле и попил чаю с плюшками.

Соседская пацанва тащила наши чемоданы. Извозчик не нужен. До порта ходу пятнадцать минут, и мы не такие уж

важные баре, чтобы на извозчиках раскатывать, скромность иметь надо. Да и пацанам нужно дать заработать, пусть трудом деньгу зарабатывают, а не с кистенём на дорогу выходят.

Таможенный досмотр – минутное дело.

Заминка у комиссара, надзирающего за новой погранстражей из старых служителей.

– Какова цель поездки за границу? – грозно спросил он.

Глава 32

А действительно, какая у нас цель выезда за границу? Раньше как-то никто не спрашивал у человека о цели его выезда за границу. Не преступник? Нет, тогда получай выездной паспорт и поезжай себе на здоровье по всяким заграницам, благо визу для этого дела получать не надо.

Сейчас тоже осведомляются о цели прибытия в страну, но это так, для статистики, а мне нужно лепить что-то правдоподобное, потому что комиссар, похоже, шибко не любит буржуев и тех, кого он опекает, стоят вон, в фуражках с зелёным верхом, старорежимные служаки под командой неизвестно кого. Скажи что-то не так, от ворот поворот, задержат, а там и Дзержинский передумает, снова на нары и на допросы, кто такой и чем занимался.

— Понимаете, гражданин-начальник, — начал я издалека, — жена у меня лечится от бесплодия и ничего не помогает. Едем, вот, в Палестину на богомолье по святым местам, говорят, хорошо помогает.

Пикантная тема стёрла налёт серьёзности с комиссара, который оказался из тех, кто ввязывается в любую авантюру, а людей увещевать будет кулаком да матом.

— Не в богомолье ей надо, — хохотнул он, — а мужика ей хорошего, или двух, тогда понесёт обязательно.

Отдав нам паспорта, он потерял интерес к процедуре

оформления выезда. Подув на штамп, пограничник поставил нам в паспорта красные печати: Р.С.Ф. С. Р. ВЫЕЗД и дата.

Ступив на борт судна, мы уже находились в Англии, на нас распространялись законы Британской империи, и никто не имел права посягнуть на нашу неприкосновенность, кроме разве что советских властей, которым было наплевать на все международные законы, если они не сообразуются с постулатами марксизма и идей товарища Ленина.

Уважение к международному праву начнётся тогда, когда Россия дойдёт до ручки и начнёт распродавать своё национальное достояние, чтобы хоть как-то выжить в условиях международной изоляции, а ведь всё могло пойти иначе, если бы новые правители имели больше тям. Тяма – это по-сибирски ум.

Лайнер, на котором мы должны отбыть за границу, был маленький и его смело можно назвать просто пароходиком, грузопассажирским судном, который вёз лесоматериалы и пассажиров.

В то время лес-кругляк из России вывозили мало. Русский мужик ушлый был и себя занимал распиловкой кругляка. А на вывоз отправлял доски и брус, которые дороже будут. Для внутреннего потребления делал мебель и поделки разные из дуба, экологически чистого и вечного, берёзы карельской и других пород дерева, которые во всем мире ценятся до сих пор выше мебели из опилочных панелей.

Пассажиров было человек тридцать. Две каюты первого класса, которые питались вместе с капитаном. Три каюты второго класса, которые питались с первым помощником. И третий класс, питание которого шло с котла экипажа. Честно говоря, всё питание шло из одного котла, было невкусно, но оно наливалось в разные тарелки и стоило поразному.

Вряд ли сейчас есть такие пароходики, но ту каюту я помню, и все каюты на морских судах сравниваю с этой. Я подвержен морской болезни и поэтому при небольшом волнении чувствовал себя не вполне хорошо из-за подступающего к горлу приступа тошноты. Хорошо, что расстояние от порта Мурманск до порта Лондон не такое уж и большое.

Лондон встретил нас пасмурной погодой, приветливыми дежурными улыбками англичан и каким-то тёмным гражданином, который нагнал нас на выходе из порта и шепнул:

– Дзержинский приказал возвращаться.

И всё. Шепнул и исчез в одной из узеньких улочек.

На подходе к стоянке экипажей нас встретил человек с моим портфелем в руках.

– Мистер Казанов? – осведомился он.

– Да, это я, – подтвердил я и получил в руки портфель, который мне показался почему-то тяжёлым.

– Вас пасут, – сообщил незнакомец и ушёл.

Я открыл портфель и увидел, что все мои свёртки на месте, в том числе и свёрток с пистолетами. Что это значит?

Мой клиент не мог меня подставить. Возможно, что это знак о том, что мне придётся защищаться. Но от кого? Много вопросов и почти нет ответов. Если нас проверит любой полицейский, то нам крышка – два русских террориста прибыли в Англию. Будем уповать на Бога – все под ним ходим.

Расположившись в гостинице, я пошёл на почту и написал три коротеньких записки моим связникам с королевским двором.

Ужин в ресторане. Русских мало, единицы, почему-то не любили русские Англию, даже англофилы, чувствуя в Англии постоянного своего врага. Что-то я не помню в нашей истории того момента, когда у России была дружба с Англией. Антанта это такая дружеская компания, в которой рта разевать не надо: либо с ног собьют, либо нож в бок всадят. Родственные связи императорских домов России и Англии – это химера для успокоения людей с комплексом неполноценности.

Мария великолепна. Такое ощущение, что она всегда была завсегдатаем таких заведений, и её дедушка по матери был английским лордом.

Глава 33

В гостиничный номер нам подбросили записку: «Зайдите в российское посольство!»

Это ещё зачем? В посольстве пока старые сотрудники, не представлявшие никого. Числились для политики. Зайти туда, это всё равно, что объявить всему Лондону о прибытии двух загадочных фигур российского прошлого и будущего.

Провёл три встречи со связниками. Полковник Борисов у них был, но давно куда-то уехал. Сказал, что работа замораживается до особого распоряжения. О своих планах ничего не говорил.

Всё правильно, мой шеф надеялся на то, что секретные контакты руководителей стран будут восстановлены. Но где он, вот в чём вопрос. Человек не иголка, в стоге сена не потеряется. Как бы человек ни прятался, как бы глубоко не ложился на дно, всё равно муть со временем успокаивается, и вода становится прозрачной.

Как всегда, помогли товарищи журналисты и их газеты. «Таймс» со ссылкой на «Фигаро» опубликовал заявление отделения российского христианско-монархического союза Верхней Нормандии с осуждением близкого сподвижника последнего русского императора полковника Борисова Александра Васильевича, отказавшегося официально поддерживать Белое движение и участвовать в нём. Верхняя Нор-

мандия совсем рядом, на другом берегу Ла-Манша.

Переезд из Англии во Францию прошёл достаточно спокойно. Тщательного таможенного досмотра не было, к нам даже относились с некоторым сочувствием, как пострадавшим от революции. Франция встретила более приветливо. Хорошая погода, много улыбающихся людей, но все равно чувствовалось, что война ещё идёт, и что люди ждут её окончания, сжав зубы, чтобы не потерять терпение.

Александра Васильевича нашли тоже достаточно быстро. Язык до Киева доведёт, а во Франции расстояния не такие, как в России.

Русские за границей всегда обнимаются. И мы с полковником Борисовым не были исключением.

– Я так и знал, Дон Николаевич, – сказал мой шеф, – что вы найдёте меня, если с вами ничего не случится. А вот с вами кое-что случилось. Скорее же представьте меня своей супруге!

– Мария, – официально сказал я, – полковник Борисов Александр Васильевич, под началом которого я работал в Зимнем дворце. Александр Васильевич, это Мария – сотрудник ВЧК, сопровождающая меня по приказу товарища Дзержинского.

Последовавшую затем сцену подробно описал Николай Васильевич Гоголь в своей пьесе «Ревизор».

– Как ВЧК? – только и мог вымолвить Борисов.

– А так, Александр Васильевич, – просто сказал я, – сна-

чала принимайте нас, а потом я вам всё расскажу.

Полковник снимал небольшой домик с мансардой в пригороде и жил один. После того, как от него давно ушла жена, он не стремился к сближению с женщинами. Его хозяйство вела приходящая экономка, которая нанимала необходимых специалистов, но и сама была на все руки мастером.

Время было послеполуденное, и она собиралась уходить, но наше прибытие смешало все её планы. Я не думаю, что у неё было слишком много планов на вечер, так как она с готовностью взялась организовать ужин «а ля рюс». Мария вызвалась помогать. Две женщины, одна из которых ни слова не говорила по-русски, а вторая по-французски, понимали друг друга, а в покупках чувствовалось влияние Марии, которая знала, что нужно для двух русских мужчин, собравшихся провести за столом вечер воспоминаний.

Мужчинам досталась техническая часть подготовки вечера. Нужно раздвинуть стол и вынести его в мансарду. Затем передвинуть мебель, расставить стулья, раскочегарить медный самовар с множеством чётко оттиснутых медалей всемирных выставок.

За работой я рассказывал Александру Васильевичу о своих злоключениях после переворота, об уничтожении мною практически всего нашего небольшого архива, о тюремном заключении и интересе ко мне Дзержинского.

– Мне кажется, что они знают, чем мы занимались и им нужны каналы конфиденциальной связи с главами европей-

ских государств, — сказал я, — с этой целью они выпустили меня, дали персональный мандат, чекистскую форму, представили комиссара и разрешили выехать за границу. Это всё неспроста. Комиссарша требует от меня отчёта, но мне кажется, что у неё есть способы связи с Дзержинским, потому что я ничего не обещал председателю ВЧК.

— Какие у вас с ней отношения? — спросил Борисов.

— Только деловые, — сказал я.

— Правильно, — одобрил полковник, — будет больно, если идеология заставит разойтись по разным баррикадам. Все наши деньги сгорели?

— Привёз почти все, — обрадовал я шефа.

— Я всегда был высокого мнения о вас, Дон Николаевич, — улыбнулся Борисов, — а вот и женщины нам машут рукой, пойдёмте за стол.

Первый тост был за встречу. Кальвадос шёл хорошо. Закуска не совсем русская, но близкая к ней, была хороша.

Тому, кто млеет от слова кальвадос, но никогда не пробовал его, скажу, что это простая яблочная водка. Яблоки киснут, бродят, получается брага или барда, которую и перегоняют в кальвадос. Проще — яблочный самогон. В Бургундии такую брагу делают из отжимок красного и белого винограда и гонят водку, которую называют марк. Марк, а не мрак. Так вот этот марк — обыкновенная грузинская чача, от которой наутро жутко болит голова.

Глава 34

С Борисовым мы выпили по-русски. Мария точно рассчитала, сколько нужно брать, чтобы потом не бегать ночью за последней бутылкой.

Утром нас отпаивали напитком «морнинг спэшил», который по вкусу чем-то напоминал огуречный рассол.

Затем мы сняли в аренду коттедж в десяти минутах ходьбы от дома Борисова. Женские связи помогли всё это оформить в считанные минуты. Не буду утомлять читателя различными подробностями быта, но скажу, что домик был удобный и мы ещё удачно разместили привезённые деньги, получая ежемесячно приличную сумму процентов.

Восемнадцатый год был богат на события. Всё началось с покушения на Ленина и с расстрела семьи царя. Потом начался красный террор. Любой террор вызывает ответный террор. Люди любыми способами старались вырваться из России. Но чаще вырывались те, кто имел знания и возможности устроиться за границей. Простому человеку податься было некуда.

Если бы люди знали, что их ждёт после гражданской войны, то большевиков ловили бы деревнями, сёлами, хуторами, улицами, кварталами и вряд ли кто из них дошёл бы до суда.

Но и белых Россия бы не приняла, потому что они хотели

вернуть Россию во мрак самодержавья. Самодержавие – это бич России, после него всегда наступает Смутное время. Самодержавие не давало развиваться активным силам страны. Если бы в период Александра Второго была введена конституционная монархия, Россия была бы величайшей страной в мире. Но только русские любят представлять свою историю в сослагательном наклонении и ждут, когда придёт самодержец и железной рукой погонит в страну счастья, а все будут кряхтеть, клянуть свою судьбу и носить на руках того, кто будет выжигать на их спинах красные звёзды. Русские будут сами решать свою судьбу только тогда, когда они будут поставлены на грань существования. И все эти идеи о народе-богоносце придумки Емелек Пугачёвых и Стенок Разинных.

Из России приходили новости одна страшнее другой. Расстрел царской семьи без суда и следствия по прямому указанию Ленина потряс всех. Большевицкие руководители постарались замаскировать своё участие в этом и замести следы преступления. Как будто злобные османы завоевали Россию и начали своё царствование с уничтожения всего рода царственных особ. Россия как султанский сераль. Что можно сказать в такой ситуации? Лично у меня те сомнения, которые склонялись в сторону служения народу, стали требовать чёткого ответа на такой же прямой вопрос: а какому народу? Кто этот народ?

Никогда народ не был делателем истории. Он покорно шёл

за своим повелителем. Если народу предоставить возможность сделать свой исторический выбор, то он выберет такой способ правления, при котором библейский царь Навуходоносор окажется дилетантом, которому случайно достался престол.

Народу нужен поводырь, пастух, который будет вести его по оптимальному, или, наоборот, по самому нерациональному пути из тех, что предоставлены этому народу историей.

Если бы не было Моисея, народ иудейский никогда бы не освободился от египетского рабства, в которое он попал, будучи никем не управляемым.

Неуправляемый народ разбрёлся бы по пустыне в разные стороны и вряд ли кто вспоминал потом, что был такой народ. И у нынешних христиан не было бы Библии, которая процентов на восемьдесят написана древними евреями. Всевышний искал бы Мессию у другого народа, и звали бы его Вася Иванов или Нигматулла Султанов. Те, кто сейчас являются мусульманами, были бы правоверными иванианами или султанианами, и неизвестно, какая религия появилась бы в противовес этой религии.

И вот, прочитав всё это, скажите: о какой службе народу идёт речь? Какой народ призывает на службу генерал-фельдмаршала? Какой народ смещает его с должности? Кто, кроме царя, волен это сделать? Никто. Вот и не нужно этих высоких слов о службе народу. Народ не может сам решить даже такой вопрос, в какой цвет ему покрасить свой дом. Всё

должно делаться с разрешения властей и цвет дома должен быть утверждён волостным начальником, которому сверху дали указание, в какой цвет должна краситься та или иная улица. В отношении народной самодеятельности поставлены квартальные надзиратели, которые сразу донесут о самоуправстве или бунте отдельных представителей народа.

Поэтому речь идёт о том, каким царям будем служить? Если мы хотим жить в России, мы должны идти на службу той власти, которая там воцарится и делать всё, что будет приказывать эта власть, иначе нас просто уничтожат. А что бы сделали вы, будучи на их месте? Устраивали бы митинги и шествия в поддержку госпожи Засулич, родоначальницы мирового терроризма? Проводили бы дни памяти господ Пестеля, Рылеева, Каховского и иже с ними и делали бы всё для свержения этой власти? Дудки. Эти люди пришли, как они говорят, навсегда, поэтому они не остановятся ни перед чем, чтобы удержаться у власти и упрочить её.

Почему при Иване Грозном народ роптал в тряпочку? Народ видел, что царь казнит начальников-притеснителей. Значит, царь он народный. Казань взял. Астрахань взял. Сибирское царство присоединил. Честь ему и хвала. Большевики тоже читали историю. В ней господин Карамзин писал, что народная память не помнит, что вытворял этот царь, но люди помнят его как твёрдого руководителя, собирателя земель русских и мечтать будут о том, чтобы снова пришёл царь Иван и нашёл управу на казнокрадов, и на коррупцию, с ко-

торой никто не может справиться. А Иван Грозный справился бы.

Глава 35

Наша французская жизнь протекала удивительно спокойно. Моя комиссарша чувствовала себя как рыба в воде. У неё были поразительные способности к иностранным языкам. Во всяком случае, к исходу третьего месяца нашего пребывания во Франции она бойко говорила по-французски, имела обширные знакомства в пригороде. Несколько раз мы выезжали в Париж. А один раз она исчезла на сутки. Я места себе не находил.

– Извини, дорогой, – сказала просто Мария, – не успела на последний поезд, пришлось коротать ночь на вокзале, зато первым поездом я поехала тебя успокоить. Да и вообще, чего тебе беспокоиться обо мне? Кто я для тебя? Обуза и больше ничего.

Понятно, что расчёт был на то, что я буду разубеждать её в обратном и говорить разные комплименты. Хотя, она права. Кто она мне? По сути – никто. Меня к ней тянуло, но мой внутренний голос предупреждал об осторожности. Поэтому я промолчал.

Раздосадованная Мария сказала:

– Каждый месяц я буду уходить на сутки, чтобы решать свои личные дела, и ты не можешь мне мешать в этом.

– Хорошо, – покорно согласился, наблюдая за её реакцией. Она ожидала совершенно другого, скандала, резких слов

или просьб не делать этого.

– Почему ты не спросишь, чем я буду заниматься? – сердито спросила девушка.

– Зачем? – спокойно ответил я. – Я прекрасно знаю, где ты будешь и чем будешь заниматься.

Удивлению Марии не было предела.

– Расскажи, если знаешь, – как-то холодно сказала она.

– Один человек предложил руку и сердце очень красивой женщине, – начал я свой рассказ. – Женщина согласилась при одном условии: раз в год она будет уходить на два дня, и муж не должен спрашивать, где она была и что делала. Женх согласился. Прожили они в мире и согласии десять лет. Однажды муж решил выяснить, в чем же секрет его жены. Когда подошло обусловленное время, женщина ушла, а муж тайно отправился за ней. Женщина ушла в горы и зашла в пещеру. И муж заглянул в эту пещеру. В пещере его жена скинула все одежды, превратилась в змею и стала шипеть в разные стороны.

Понятно, – подумал муж, – два дня шипения даже мало, чтобы весь год быть спокойным человеком.

– Ты хочешь сказать, что я змея? – вспылила Мария.

– Я хочу сказать, что мне совершенно наплевать, где ты была и что делала, – резко сказал я и вышел на улицу.

Действительно, чего мне беспокоиться? Она не жена мне и не родственница, за которую я несу ответственность. Она имеет задание от Дзержинского... Да, она имеет от Дзержин-

ского задание постоянно держать меня в поле своего зрения и если что, то... А сейчас она почти сутки была неизвестно где. Вот именно, где? Возможно, что я с самого начала недооценил её и не относился серьёзно к её присутствию, посвящая в некоторые вопросы, которые нужно держать в секрете. Неизвестно, как повернётся дело, но оставаться без козырей в игре с высокими ставками нельзя.

Я рисковал не только собственной безопасностью. Я вывел Марию на полковника Борисова, у которого были все нити связей с главами государств Европы. Кроме того, он мог получить высокие рекомендации для организации связи и с другими странами мира.

Большевики могли со спокойной совестью зарезать курицу, которая несёт золотые яйца. Без всякого сожаления новое правительство России высылает за границу людей с мировыми именами, тех, кто обеспечивает международный авторитет нашей страны. Они считают, что всё у них получится по шучьему велению.

Нет, такое бывает только в сказках. Авторитет государства зарабатывается годами, столетиями, государственной поддержкой талантов и перспективных, приоритетных направлений в науке, культуре, искусстве, обороне. Сломать всё может любой дурак, а заново отстроить может только тот, кто это строил и кому это нужно. А кто будет восстанавливать экономику в России, когда всех специалистов разогнали или уничтожили?

Рассуждая об этом, я не заметил, как очутился у дома Борисова. Полковник сидел над исторической повестью времён Ивана Грозного. Похоже, что его волновали те же мысли, что и меня.

Уехать от смерти, от мести тирана – предательство родины. Погибнуть на родине ни за что по воле тирана – безвестность или то же обвинение в предательстве. Стать подручным тирана – заслужить позор и принять на себя всю вину тирана, которого люди будут зацеловывать за грозность и «справедливость», и плевать на могилы его подручных.

Как ни крути, а дворянству и интеллигенции, как сейчас говорят – среднему классу – податься некуда. Куда ни ткнись – всё плохо. И ещё хуже, что в этом среднем классе разброд и шатания. Обстановка как в банке с пауками, все считают, что виноват кто-то другой, а вот он такой ласковый и пушистый пострадал ни за что. Знали бы вы, сударь, что у Молоха виноваты все, сидели бы тихо, прижав язычок.

Глава 36

– Дон Николаевич, – раздался голос полковника Борисова, – вы будете заходить или все так же будете стоять у калитки и мотать головой?

Я оторвался от своих мыслей, улыбнулся и вошёл в дом.

– Случилось что-то, – участливо спросил Борисов, – и почему вы без верного телохранителя?

– О нём и хочу поговорить, Александр Васильевич, – задумчиво сказал я, – какие-то сомнения терзают меня, а правильно ли я сделал, выведя её на вас? Может, нам нужно было делать вид, что мы с вами не знакомы?

– Кто его знает, что правильно, а что неправильно, – философски сказал мой бывший шеф, – время покажет. А она, как-никак, все же та ниточка, которая связывает нас с нашей родиной. Вы тоже ниточка, но у неё возможностей больше. И я её хорошо понимаю. Она терзается, разрывается между своим долгом и вами. И всё идёт к тому, что вы разорвёте эту нить, и мы окажемся без связи с Россией. Мы не можем бросить её, она наша родина и мы должны служить родине, переходя на службу к новым правителям. Другого выхода нет. Причём это понимают все, и они пошли бы на службу к победившему народу, но никто не уверен в своём будущем. И я не уверен. Но я не агрессивен к своим соотечественникам, а те, кто запятнал себя кровью, жаждут дальнейшего крово-

пролития.

– Но война ещё не закончена, Александр Васильевич, – пытался я сохранить какую-то искорку веру в победу Белого движения.

– Полноте, батенька, – усмехнулся Борисов, – война проиграна давно, в октябре 1917 года, когда не нашлось сил для восстановления власти и порядка, и когда никто не хотел сорганизоваться на противодействие установлению советской власти в стране. И запад давно кинул нас, исключив Россию из числа тех, кто будет в списке победителей над Германией и её союзниками.

– Александр Васильевич, – сказал я, – вы прямо прорицатель какой-то. Война ещё не закончилась и Германия сильна как никогда.

– Дон Николаевич, спуститесь с луны на нашу грешную землю, – улыбнулся полковник, – через месяц-два Германия будет способна только воевать с Россией, пошедшей на огромные уступки, чтобы избежать удушения революции.

Но революция перекинется на Германию. Любая палка имеет два конца. Политика братания и агитация противника на фронте – это как вирус, заражающий всех, кто с ним соприкасается. Распропагандированные российские солдаты не препятствовали революции и открывали фронт противнику. Немецкие солдаты видели это, и немецким солдатам не хочется продолжения войны, и они уже распропагандированы, несмотря на немецкое чувство дисциплины.

У окопников своя дисциплина. Когда войска выводят на отдых, их сначала приводят в чувство строевой подготовкой и изучением уставов. А в Германии предреволюционная ситуация, которая взорвётся так, что мало немцам не покажется. Не рой яму другому.

Добровольческая армия в России на последнем издыхании. Антон Иванович Деникин сдал командование генерал-лейтенанту Петру Врангелю и живёт сейчас в одном из пригородов Парижа.

Верховного правителя России адмирала Колчака выгнали с Урала и гонят в Сибирь и в Забайкалье.

Интервенты в России не хотят воевать за Веру, Царя и Отечество. Иностранная помощь быстро переходит в руки Красной Армии. И Колчака Запад сдаст. Дело времени. А там будем нужны мы для связи с правителями западных стран.

Все эти тезисы об отказе от тайной дипломатии – это популизм чистейшей воды. Всё вернётся на круги своя. И большевики наденут расшитые золотом мундиры с красными лампасами и будут награждать друг друга золотыми орденами с бриллиантами. Бессребреники отойдут в сторону, их отправят коров пасти, всё равно им серебро и золото не нужно.

– Циник вы, Александр Васильевич, – констатировал я своё отношение к тому, что он говорил, хотя и чувствовал, что он во многом прав.

– Я не циник, уважаемый Дон Николаевич, а реалист, –

парировал Борисов, – а сейчас давайте поговорим о вашей прекрасной спутнице.

– О чём же? – поинтересовался я.

– Вы такая же романтическая натура, Дон Николаевич, как и сын царя Кипра Пигмалион, – сказал Борисов. – Помните, как в легенде? Пигмалион влюбился в Афродиту и высек из мрамора фигуру её. Чем больше он смотрел на эту скульптуру, тем больше находил её совершенной, а потом обратился к богине с просьбой оживить статую. Афродита вдохнула жизнь в мрамор и с пьедестала сошла прекрасная женщина, которая стала женой Пигмалиона и была названа Галатеей.

– В чем же выражается это сходство? – спросил я, несколько обиженный сравнением.

– Я сразу заметил, с какой нежностью вы смотрите на Марию. Вы восхищённо рассказывали о её способностях, как человек, создавший из ничего нечто, что сияет при огранке, – сказал Александр Васильевич. – Вы перестали объективно воспринимать реальность. За пару месяцев такие дела не делаются, а у неё манеры светской дамы. У любого нувориша, как бы он ни был богат, какие бы титулы он себе ни покупал, какие бы учителя его не учили, все равно пробивается плебейское происхождение, которое может исчезнуть через несколько поколений, а может, и не исчезнуть. А ваша красавица ведёт себя безукоризненно. Так не бывает. Никакой талант не заменит наследственность и воспитание.

– Что же вы предлагаете? – спросил я.

– Как я слышал, – полковник проявил достаточную осведомлённость, не свойственную домоседам, – ваша пассия одна ездила в Париж, что не свойственно золушкам, впервые попавшим за границу. Не ограничивайте её в свободе действий и во время следующего выезда в столицу нужно за ней проследить.

– Господин полковник, – гордо сказал я, – следить за женщиной низко.

– За женщиной – да, – таким же тоном ответил мой шеф, – а за объектом возможной опасности – обязаны.

Он прав, нужно отделять личное от служебного и никогда не смешивать их.

Глава 37

Попив чаю, я пошёл домой.

У калитки на лавочке сидела Мария и ждала меня.

– Дон, я хочу извиниться перед тобой, я была не права, – тихо сказала она, – я больше не буду никуда уезжать одна.

В знак примирения я обнял её за плечи и повёл в дом.

– А если всё-таки появится необходимость снова одной поехать в Париж? – спросил я.

– Тогда я попрошу тебя сопровождать меня, – ответила просто Мария.

– Если ты захочешь о чем-то поговорить со мной, я всегда готов выслушать тебя, – сказал я. – Можешь доверять полковнику Борисову так же, как и мне. Мы – одна команда.

– Я подумаю, – тихо сказала Мария, – не торопи меня, Дон, ты все узнаешь первым.

Александр Васильевич всё понял правильно, и Мария косвенно подтвердила это. Они оба молодцы, зато я выглядел дурак дураком.

Ещё через две недели на имя Марии пришло письмо из Парижа.

– Прочти, – сказала мне девушка.

Письмо было от «подруги», которая ужасно соскучилась по ней и предлагала встретиться в воскресенье, посидеть и попить кофе в открытом кафе. Совершенно безобидное

письмо. Естественно, все письма должны быть безобидные. Но представьте себе ситуацию, когда фабричная девчонка из Питера приезжает в Париж и у неё находится близкая подруга, с которой девочка от станка будет сидеть под зонтиком, щебетать по-французски и пить кофе из маленькой чашечки, оттопырив в сторону мизинчик.

Всё идеально сделало ЧК, подставив мне комиссаршу, предоставив ей возможность работать самостоятельно без всякого руководства. И я поверил в это, но здесь они прокололись окончательно. Что мне делать? А ничего. Главное – не гнать волну, за одним проколом последует другой, когда уже невозможно будет просить подождать объяснений. Хорошо, что получилось именно так. Мне не пришлось собирать доказательства того, что Мария не та, за кого она себя выдаёт, и припирать её к стенке неопровержимыми доказательствами.

– Я хочу, чтобы ты поехал со мной, но находился в стороне и наблюдал за ситуацией вокруг, – попросила меня Мария.

– Хочешь, чтобы я вёл встречное наблюдение во время твоей встречи? – спросил я.

Девушка утвердительно кивнула головой. Откуда она могла набраться таких специальных премудростей, ведь ВЧК создана только что и большую часть времени девушка проводила со мной. Похоже, что она занималась конспиративной работой до революции и заграница для неё не в диковинку. И я, её наставник в делах специальных, буду выступать как

обеспечивающий её работу. Ладно, посмотрим.

В воскресенье мы приехали в Париж первым поездом. Я первым пошёл на площадь и устроился с газетой в кафе напротив того места, где должна состояться встреча. Через некоторое время мимо меня прошла Мария, разглядывая витрины. Минут через пятнадцать она появилась с другой стороны. Всё было спокойно. Как мы и условились, я приподнятой шляпой поприветствовал кого-то вдалеке и Мария, повинуясь моему сигналу, прошла к свободному столику в соседнем кафе. Скоро к её столику подошёл молодой человек, поприветствовал, поцеловал руку и присел рядом. Они заказали кофе и стали о чём-то разговаривать. Они разговаривали минут пятнадцать. Затем молодой человек ушёл.

Мария пошла на вокзал первой, я последовал за ней. Она уехала в поезде одна. Я поехал следующим поездом. Всё было чисто.

Мария ждала меня дома.

– Я приготовила тебе обед. Пока ты будешь кушать, я буду тебе рассказывать, – предложила она.

– Давай, я буду слушать тебя, – согласился я. Я уже предполагал, о чём будет разговор. Посмотрим, но условия диктовать буду я.

– Прости меня, Дон, но я не та, за кого пришлось себя выдавать. Я в революции давно. Не из пролетарок. Смолянка. Пришлось жить везде, много времени провела с рабочими и знаю, как они живут. Революции нужны такие люди, как

вы. Дзержинский приказал быть всё время рядом с тобой, чтобы республика Советов могла иметь связи со всеми странами и решать вопросы международного признания. На это особый упор сделал товарищ Ленин. Прибывший товарищ из Центра передал, что с вашими родителями всё в порядке. Вы зачислены в кадры ВЧК и вам положено денежное довольствие как заграничному работнику ВЧК. Нужно только написать заявление, которое товарищ передаст в Центр.

Я не ошибся. Центр приказал провести мою вербовку.

– Ты уже говорила об этом с Александром Васильевичем? – невинно спросил я.

– А зачем ему знать об этом? – удивилась девушка.

– Как это зачем? – усмехнулся я. – Полковник Борисов мой начальник и я должен ему доложить обо всех сделанных мне предложениях.

Мария не нашла, что же мне ответить. Похоже, что ей придётся не один раз ездить в Париж на свидание с товарищем из Центра, а тому связываться со своим руководством и получать инструкции. Пока туда-сюда будут ходить шифровки, с моими родителями ничего не случится. Хотя я очень беспокоюсь о них, потому что большевики ввели систему заложников из членов семей специалистов, принимаемых ими на службу и не жалели никого, если человек отказывался им служить. И мои родители тоже заложники. Как вы думаете, что бы ответили мои родители, если бы я спросил у них совета, возвращаться мне в Россию или нет? Они бы ответи-

ли мне утвердительно согласованным в нашей семье словом, которое категорически запрещает возвращение.

Глава 38

Наконец, и мы с Александром Васильевичем нашли возможность выехать в Париж развеяться. Бесцельное шатание с разинутым ртом по улицам не в наших правилах. Мы едем с конкретными делами в то или иное место, да и Париж не то место, где нужно раскрывать рот. Как и везде, раскроешь рот и поминай как звали свои часы или с кошельком расстанься.

С кошельками мы расставаться не собирались, потому что мой браунинг был всегда при мне, а стрелять я умею, хотя пистолет лучше использовать для утяжеления руки при ударе или оказания психологического воздействия на противника.

Два солидных человека, одетых так же, как и абсолютное большинство парижан среднего слоя, не привлекают к себе какого-то пристального внимания. Люди как люди. Мы сели за столик в кафе на той же площади, где проходила встреча Марии со связником или с резидентом ВЧК, и заказали себе по рюмочке коньяка и по чашечке кофе. Я рассказал Александру Васильевичу о содержании последнего разговора с Марией и о попытке её вербовке меня для работы в ВЧК.

– А вы уверены, Дон Николаевич, что это была вербовочная беседа, – спросил меня полковник, – не нагнетаете ли вы страсти, будучи равнодушным к этой женщине? ВЧК могла вас не выпустить за границу без согласия работать на них.

Вы так не считаете?

– Стараюсь быть объективным, Александр Васильевич, – ответил я, – в принципе, я практически дал своё согласие Дзержинскому, пусть оно вынужденное, как выбор одного из двух неприемлемых предложений, я даже ходил по улице в чекистской форме и у меня в кармане лежит браунинг, выданный с чекистского оружейного склада. Но сейчас мне конкретно сказано, что мне оказано доверие и я должен официально оформить отношения с органами безопасности советской республики.

– Хорошо вы все изложили, Дон Николаевич, а сами-то что думаете по этому вопросу, – спросил Борисов, – или ждёте моей оценки? Так я в России давно уже не был и не представляю себе, кто эти чекисты и на что они способны. Я уж, голубчик, полагаюсь на вас, как на специалиста по этому вопросу с чекистским браунингом в кармане.

Александр Васильевичу палец в рот класть нельзя, откусит. Из кадетов, Александровское военное училище, а там закалка такая, что люди, бывшие там, за словом в карман не лезут, да и все невзгоды свои преподносят с юмором, помогающим эти невзгоды преодолеть. Военные люди любят, когда после изложения событий даётся их оценка и предложения по дальнейшим действиям. Не зря он мне напомнил о моём браунинге и назвал специалистом по новой России.

– Знаете, Александр Васильевич, – начал я издавека, – я много думал о том, кто мы с вами и о нашем отношении

к России. Мы – русские и наше отношение к России-матушке понятно. Но вот как быть с отношением к новой России? Вы намеренно говорили мне, что Белое движение проиграло и возврата к прошлому не будет. А как же мы? Мы что, не русские? Лично я не вижу иного для себя пути кроме служения России. Но какой России? Какой будет Россия? Я этого не знаю и не знаю, что мне делать, полагая услышать и ваше мнение по этому вопросу.

– Да, Дон Николаевич, задали вы мне задачку, – усмехнулся полковник, – как это у Грибоедова: «служить бы рад, прислуживаться тошно». А вы не думаете, что пролетариат будет использовать нас как прислугу? Сам будет с портфелем ходить и живот себе растить, а нас в чиновники четырнадцатого класса, коллежскими регистраторами бумажки переписывать.

– Они все классы поуничтожали, – улыбнулся я.

– Это вы зря говорите, – Борисов проявил свою осведомлённость, – два класса у них есть, пролетарии и трудовое крестьянство, а мы в буржуях, в прослойке, которая должна быть перемолота этими двумя классами, вот это и есть главное, что меня отталкивает от них. А посмотрите на евреев в большевистском руководстве, иностранцев и инородцев? С евреями и инородцами я соглашусь, это наши люди и хорошо, что все предубеждения к ним будут уничтожены, а вот иностранные революционеры у нас что делают? Да и какие они революционеры? А преступный элемент во власти? Вы

думаете, классово-близкий уголовник лучше классово-чуждого специалиста? Лично по мне, так я подожду, когда начнётся вменяемая политика Советской власти, а пока буду помогать вам в том, что не противоречит моим принципам, если вы вдруг примете предложение ВЧК.

– Вы предлагаете мне принять предложение? – не понял я.

– Я вам ничего не предлагаю, – чётко повторил Александр Васильевич, – свой выбор вы должны сделать сами. Как я могу работать с людьми, которые сразу объявили меня врагом? И учтите, скоро Париж будет наводнён офицерами, вырвавшимися из красного террора, вы ещё такого наслушаетесь, что поспешно принятое решение встанет вам поперёк горла.

– Понял, Александр Васильевич, – сказал я, – у меня тоже такое мнение, что решение я буду принимать тогда, когда пойму, что у власти не дантоны с робеспьерами.

– Я знал, что не ошибаюсь в вас, Дон Николаевич, – Борисов крепко пожал мою руку, – а сейчас – за Россию! А всё-таки, дерьмо у них коньячишко, наш шустовский из ереванских погребов сто очков им фору даст, да и рюмки такие, пальцем ткни и сухо будет. Эх, придёт такое время, когда будем мы в России, нальём себе по стопке водки и закусим солёными грибочками...

Глава 39

Мария ждала моего приезда и не шла отдыхать. Мы приехали из Парижа не так уж и поздно, посидели в кафешантане, посмотрели на женские ножки. Издалека да в капроновых чулках они всегда соблазнительны, а когда эта девчонка из кордебалета окажется в твоих руках, то кроме жалости к ней, желания накормить её и дать просто отдохнуть не возникает никаких чувств. Это у меня. Не знаю, как у других.

– Дон, – тихо сказала Мария, – у тебя полностью поменялось отношение ко мне?

– Совершенно не поменялось, – сказал я, – я давно ждал от тебя каких-то действий. Александр Васильевич точно определил твоё происхождение, у него глаз намётанный, да и кто будет посылать бессловесного исполнителя неизвестно с кем за границу? Я не думаю, что господин Дзержинский такой уж наивный филантроп и либерал. Следовательно, у тебя есть какие-то более высокие полномочия, чем моё сопровождение. Сейчас я понял, что главный человек ты, а не я и что пришло время, когда я должен действовать в интересах ВЧК. А ты определилась, кто ты сама есть? Если я не буду делать то, что ты будешь приказывать мне, то тебя отзовут и дадут работу по исполнению смертных приговоров в отношении контрреволюционеров, которых начнут плодить по любому поводу. И начнёшь с моей ликвидации. Так вот, учти,

я в ваших эсах участвовать не буду. Кстати, если захочешь стрелять, то не предупреждай заранее и не читай морали, а не то я отберу у тебя пистолет и ликвидирую опасность для своей жизни. У нас есть в доме что-то выпить и закусить?

– Ты мне так и не сказал, как ты относишься к тому, о чем я тебе говорила? – Мария решила всё уточнить и иметь мой чёткий ответ на вербовочное предложение.

– Передай слово в слово, – сказал я, – никаких заявлений я писать не буду. Это первое. Помогать вам буду только тогда, когда дело будет соответствовать моим моральным принципам. Это второе. И третье. Я могу передать конфиденциальные личные послания советских руководителей главам государств Европы. И это всё. Ты довольна?

– Конечно, довольна, – обрадовалась Мария, – это даже больше того, что я ожидала услышать от тебя.

– Больше, – переспросил я, – а если бы было меньше, ты бы без раздумий застрелила меня?

– Я никогда не смогу выстрелить в тебя и никому не дам это сделать, – сказала Мария и её глаза стали наливаться слезами.

– Что с тобой, – я подошёл и обнял её за голову, – что с тобой случилось, комиссарша?

Мария рыдала, я никак не мог её успокоить. Наконец, рыдания начали стихать, и я снова спросил её:

– Что за беда с тобой приключилась?

– Это ты моя беда, – сквозь слезы сказала Мария и улыб-

нулась.

То, чего я боялся, совершилось. Конечно, я любил её в душе, но гнал от себя эти чувства. Мы не дома, и кто его знает, что ждёт нас впереди и я уже не могу спокойно работать, не чувствуя совершенно другой ответственности за близкого мне человека. Один я справился бы с собой и никогда не показал бы своих чувств. Но противостоять Марии и своему внутреннему чувству я не мог. В принципе, любовь – это тоже средство для вовлечения человека в секретную работу, но мы с Марией вроде бы поставили точки над всеми «i», которые были в её предложении.

Она была рада тому, что я не отверг категорически все, что она мне говорила. И ВЧК этого тоже не требовалось. Хорошо, что нет никаких следов причастности их секретного сотрудника к ВЧК. Уменьшается возможность провала при предательстве. Любое сотрудничество начинается с малого. Сначала один коготок увяз. Потом второй. Третий. Затем и лапка увязла. За ней и вторая лапка. А там и весь оказался заляпанным грязью, и обратного хода уже нет.

Кто бы знал, что творилось в душе каждого русского человека в то время? Если бы не нетерпимость большевиков, то лояльная часть интеллигенции, самая большая по численности, безоговорочно бы приняла новую власть. И был бы симбиоз социализма и рыночной экономики, именно регулируемой экономики и её социальной составляющей, но крайности всегда вредны.

Большевики пошли по пути воспитания могильщиков коммунизма из своих рядов. Это как химиотерапия при смертельном заболевании. А можно было переродить больные клетки и привить их к новому организму, обеспечив себе бессмертие. Но сработал социалистический принцип – если дорвался до власти, то уже на всю оставшуюся жизнь, не имея права на престолонаследование, и любая смена власти будет происходить в виде государственного переворота. Что сделаешь, родину не выбирают.

– Дон, помоги мне, – раздался из кухни голос Марии.

Я прибежал на кухню и увидел, что Мария пытается открыть бутылку с вином.

– Тебе кто позволил заниматься неженским трудом, – шутиливо напустился я на неё, – давай-ка сюда бутылку.

Бутылку кларета кто-то закрывал на совесть. Я еле достал пробку, едва не сломав кованый штопор. Пробка с шумом вырвалась из горлышка, увлекая за собой струи красного вина, обрызгав мою белую рубашку и белую блузку Марии.

– Ух, ты, – только и вырвалось у меня. Мария схватила полотенце и стала промокать вино на мне и на себе.

– Хорошо, что это только вино, – сказала Мария, – бери бокалы и неси в зал, я уже всё приготовила.

Я поставил вино на стол, Мария расставила тарелки, положила на них лёгкие закуски, сыр и зажгла свечи, выключив верхний свет. Я разлил вино. Блеск рубиновых искр в бокале с вином соответствовал торжественности момента.

– Дон, ты возьмёшь меня в жёны? – спросила Мария.

– Да, – сказал я, – а ты возьмёшь меня в свои мужья? – спросил я.

– Да, – сказала Мария.

Звон бокалов возвестил о создании нового союза, о котором не будет известно никому, а поцелуй соединил нас навсегда.

Наша первая ночь была безумством страсти или страстью безумных, так ли это важно, когда два любящих сердца стали биться в унисон.

Глава 40

Окончание мировой войны и подписание мирного договора вроде бы и принесли покой в Европу, но они породили германскую ненависть к победителям, которые хотели уничтожить Германию и поставить её в разряд нищих стран, живущих лишь из милости победителей.

Германская империя сохранилась, но лишилась своего кайзера Вильгельма. Если бы Германская империя распалась на отдельные германские княжества, то история пошла бы совершенно другим путём. Но все пошло так, как оно и должно было идти. Распалась Австро-Венгерская империя. Была на грани распада и Российская империя, но большевики не допустили этого. Правильно они сделали или неправильно, история их рассудит, но если судить объективно, то они сделали правильно. А субъективных мнений столько, сколько людей живёт на свете. Все мнения услышать можно, но прислушиваться к ним нельзя, потому что в результате получится то же, как у отца с сыном. Что ни сделай, всё будет неправильно, что оба они на осле едут, что один, что осла на себе тащат. Правильным бывает то мнение, которое высказал человек, имеющий право принимать судьбоносное решение.

В числе стран, проигравших мировую войну, были Германия и Россия. Их поставили в положение изгоев на радость

и на будущее горе Западу. Запад забыл заповеди Господние и получил за это отмщение.

Что было сказано Господом нашим? Это помнить нужно, доколе человек живёт на земле.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу.

Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Только Россия и Германия следовали заветами Божьими и прощали друг другу прегрешения прошлого.

После очередной поездки в Париж Мария передала мне просьбу и письмо, которое нужно доставить германскому руководству. Предлагалось активизировать российско-германские контакты для преодоления международной изоляции. Понятно, что об этих переговорах никто не должен был знать. Нам открывался неограниченный кредит по организации встречи полномочных представителей таким образом, чтобы об этом никто не узнал.

Я вместе с Марией занялся доставкой послания, а Александр Васильевич подбором места и подготовкой легенды встречи.

Сама поездка из Франции в Германию вызывала косые взгляды у французов. Мария была в траурных одеждах, а был в чёрном, понятно, что у людей горе и не от хорошей жизни им приходится ехать к главному врагу французов. Мы ехали под легендой поиска родственников Марии в одном из лагерей военнопленных, которые потихоньку уже начали освобождаться от постояльцев.

Хорошо налаженные связи в Германии уже стали нарушаться. Стоит ослабить работу на каком-то направлении, как жизнь начинает вводить коррективы. Первого канала связи не существовало вовсе из-за гибели доверенного человека. Дублер лежал в больнице и ничего не мог сделать. Был ещё третий канал, так на всякий случай, так вот этот случай и пришёл в период послевоенной разрухи и хаоса.

На обусловленную встречу пришёл молодой человек из вечных студентов. Такой человек готов учиться всю жизнь, чтобы потом, к концу жизни изречь нечто нетленное философское, типа – век живи, век учись, а дураком помрёшь или прутковское – нельзя объять необъятное; зато этот человек всегда готов войти в революцию или в любую авантюру, которая позволит в одночасье стать всем ни из кого. Вот этому человеку мы и отдали пароль для связующего звена в министерстве иностранных дел о том, что есть сообщение. Само сообщение мы могли отдать только при получении ответа на пароль и сигнала, что канал передачи сообщения открыт.

Целую неделю мы ждали ответа на пароль, попутно знакомясь с тем, как живут немцы. По поводу трудностей сказано было много, но каждый немец считал себя оскорблённым и мечтал, что когда-нибудь они поднимутся с колен и покажут всему миру кузькину мать.

На пятый день нашего пребывания в Германии нас вызвали в полицей-президиум для проверки документов и выяснения причин появления здесь. Проверка была тщательная. Кто-то донёс полиции о неизвестных людях, интересующихся русскими военнопленными. Ночь мы провели в полицей-президиуме, сидя на лавках в разных комнатах. Утром нас отпустили и извинились за доставленные неудобства. К вечеру прибыл наш связной с паролем и условиями явки через день.

В условленном месте, в кафе, мы встретились с советником германского МИДа. Мне мельком приходилось видеться с ним на одном из раутов в Чехии.

– Мы рады, герр Казанов, что Россия и Германия больше не являются противниками, а стали союзниками в прорыве антантовской блокады, – сказал он. – Извините нас за проверку, но в нашем деле должна быть большая осторожность, чтобы не вызвать скандала в международных делах.

Глава 41

Неофициальная встреча советских и германских представителей прошла в одном из курортных городков в Испании. Не было никакой помпы, протокола, флагов и прочей атрибутики, которой сопровождаются форумы и митинги.

Естественно, что по результатам встречи не было ни коммюнике, ни отчётов. Все действо было на словах. И договорённости на словах. Слова тогда значили больше, чем бумаги. Потом было Рапалло и международное признание Советской России.

Сказать, что наша работа была простой, это вообще не сказать ничего. Работа была очень сложной. Мы находились за границей как русские, а, следовательно, как возможные агенты ВЧК. А мы и были агенты ВЧК. Но мы не должны были дать даже малейшего повода для того, чтобы подозрения спецслужб нашли подтверждение.

Любой «прокол» мог привести к расшифровке. Нельзя дать повода заподозрить нас в том, что мы являемся тайными курьерами высшего советского руководства. Так мы бы попали в поле зрения не только французских спецслужб, но и спецслужб других государств как носители высших секретов, которые являются сильным орудием в политической борьбе за власть.

Мы должны быть в стороне от эмиграции и белогвардей-

ских организаций, которые организовали террор против советских представителей. Каждый день мы должны быть в одной и той же маске и не дать усомниться в том, что это не маска, а само лицо.

Для недалёких людей разработаны правила детектива, где должна быть обязательная интрига, драка, перестрелка и погоня. Читателей потчуют рассказами о провалах агентов, которые хлопают дверью, перед тем как уйти. Если по-честному, то такие действия приносят больше вреда, чем пользы для того государства, которое они представляют.

Костоломы из спецназа решают именно те задачи, для которых они готовятся. А разведчиков готовят за книжками в библиотеках, а не в спортзалах и на стрельбищах.

Кому-то предназначено работать головой, привлекая к решению своих задач других людей. Кому-то предписано играть мышцами в поединке с такими же сотрудниками, как и они.

Никогда разведчик не соревнуется со спецназом и никогда спецназ не работает против разведчика, разве что спецназу поставят задачу арестовать загнанного в угол разведчика, прекрасно понимая, что умный человек может найти выход из любой ситуации.

Более серьёзной проблемой была эмиграция и офицеры потерпевшего поражение Белого движения. Говорят, что после драки нельзя махать кулаками, но в любой ситуации нельзя утрачивать способность к анализу. Я ни с кем не де-

лилсь своими мыслями о причинах поражения Белых армий, которые были лучше вооружены, чем части Красной армии. Гражданская война – это война лозунгов и идей, а не пушек. Идеи большевиков получили большую поддержку народа, с помощью которого и был создан перевес сил на всех фронтах. Идея единой и неделимой России потерпела поражение от идеи права всех наций России на самоопределение. Хотя потом большевики засунули это право в долгий ящик.

У наводнивших Западную Европу эмигрантов только и было разговоров о прошедшей войне и воспоминаний о прошедшем времени. Ностальгические разговоры приводили к тому, что от нечего делать все стали меряться своим происхождением, выяснять, кто из каких родов, чьё дворянство древнее и прочее, не понимая, что Западу глубоко наплевать на всё российское дворянство и что Запад смотрит на содержимое кошелька, а не на древность титула.

Жить в эмигрантской среде и быть изолированной от неё нельзя. Полковник Борисов среди эмигрантов был белой вороной. Он не поддержал Белое движение, выступал против гражданской войны и вообще в лице сражавшегося офицерства и бежавших от революции людей выглядел предателем.

Мы, поддерживавшие с ним приятельские отношения, были как бы пособниками предателя. Отсутствие у меня офицерского звания и моя принадлежность министерству иностранных дел как-то избавляли меня от упрёков, но вот повышенное внимание к Марии было опасным. Все кумуш-

ки старались выяснить, кто она, из какого рода и вообще подвергали сомнению её дворянское происхождение.

Мария действительно была сиротой и воспитывалась сначала в приюте, а потом её на казённый кошт обучали в Смольном институте, что было более чем документальное подтверждение её дворянства. Незнание истории своего рода ставили ей в вину и подвергали сомнению происхождение. Мне было совершенно не интересно, дворянка Мария или не дворянка. Я её встретил пролетаркой в чекистской одежде и с наганом на боку. Сейчас это красивая и одетая по последней парижской моде молодая женщина, опирающаяся на мою руку. Её французский язык безупречен, и соседи уважительно называли её ММ – мадам Мария.

Мы с Марией достаточно активно работали по связи руководства России с правительствами государств Европы. Что было в передаваемых нами письмах, нам не известно. Курьеров вообще не посвящают в такие дела, но без нас этой связи бы не было. Я не говорю лично о нас, нас всё равно заменят более молодые, которые освоят эту работу и будут работать не хуже нас. Просто большевики начали понимать, что не всё подлежит разрушению. Для развития авиации, например, не нужно всех авиационных специалистов переводить в категорию врагов и расстреливать, лихорадочно ища тех, кто бы смог научить авиационных специалистов. Нужно беречь то, что есть и двигаться дальше.

По каналам нелегальной связи мне передавали письма

от моих родителей. Родители писали, что у них всё хорошо, что они скучают обо мне и хотели увидеть меня и Марию. Не всё было хорошо у них, потому что в письме присутствовало слово, которое не должно употребляться, если действительно всё хорошо и которое говорило о том, чтобы я не возвращался в Россию. Родители не будут желать зла своему сыну и призывать его к себе, чтобы толкнуть в мясорубку большевизма.

Я, как и все нормальные люди, верил в то, что придёт время, когда красный террор и репрессии большевиков будут признаны геноцидом русского народа не Божьим судом, а судом живущих в России людей. Коммунистическая партия будет признана преступной организацией, в какие бы одежды она ни рядилась и как бы ни пыталась скрыть следы своих преступлений, и какие бы учебники по истории партии она ни писала. И белый террор тоже будет осуждён, иначе нам никогда не достичь согласия людей на многострадальной земле России.

Глава 42

– Мария, как ты смотришь на то, чтобы мы с тобой пошли в мэрию и узаконили наши отношения, – спросил я свою гражданскую жену, – или пойдём в церковь, и батюшка обвенчает нас по всей православной форме?

– Давай подождём ещё немного, – говорила мне Мария, – не за горами мировая революция. Как она свершится, так и мы объявим себя демобилизованными. А как будет отчество у наших детей – Донович и Доновна? Прямо как князь Гвидон звучит.

– Ты уверена, что будет мировая революция? – сомневался я. – Даже ваше руководство перестало говорить о мировой революции. Коминтерн – это не мировая революция. Коминтерн – это изгнанные из своих стран люди. Никому не нужна пролетарская революция.

– Ну вот, ты сразу превратился в опасного оппортуниста, – обижалась моя жена, – революция несёт радость всем людям мира...

– Конечно, – прерывал я её, – посмотри, скольким радостным людям пришлось бежать со своей родины.

– Они были против революции, – парировала Мария, – и получили то, что они заслуживали.

– И я против революции, так что, и я должен получить то же, что и они? – отвечал я, не собираясь оставлять послед-

нее слово за марксисткой.

– И ты у меня сейчас получишь по заслугам, – смеялась Мария и принималась гоняться за мной по дому в надежде на победу мировой революции. Я долго не сопротивлялся и крепко сжимал её в своих объятиях.

Но когда-то заканчивается всё. Заканчивается день. Заканчивается ночь. Заканчивается вода. Заканчивается пища. Можно продолжать долго до того момента, когда на земле догорит последняя спичка. Жизнь человеческая слишком коротка, чтобы дожить до этих картин окончания жизни на земле, просто наша французская жизнь подошла к окончанию. Я и Мария получили приказ из Центра о возвращении.

Мы прожили во Франции восемнадцать счастливых лет, совершенно не заботясь о том, что будет с нами завтра, потому что не боялись за свою жизнь. Рядом с нами жили и радовались люди, которые не ходили на партсобрания и которых не вычищали со службы по причине их чуждого происхождения или высказывания других взглядов.

Французские коммунисты, социалисты, демократы, националисты и фашисты жили бок о бок, вели между собой политическую борьбу, не собирались никого уничтожать, споря до хрипоты за рюмочкой перно в каком-нибудь кафе.

Перед этим вернулся на родину полковник Борисов. Через несколько месяцев после убийства в Ленинграде Кирова. Советский полпред сообщил ему лично, что он ничем не за-

пятнал себя перед Россией и новой властью и будет достойно встречен на своей родине. Александр Васильевич уехал и пропал. Не написал ни одного письма, а мы с ним договаривались, что он напишет обязательно, и даже условное слово нами было определено, которое знали только он и я. Больше никто.

Потом я узнал, что он был арестован сразу после схода с трапа на советскую землю. Сидел в тюрьме, а потом сгинул совсем. Возможно, его обвинили в подготовке покушения на Кирова, а, может, в России просто действовал извечный принцип борьбы с оппозицией: «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Получив приказ, Мария обрадовалась и стала собирать свои вещи. Смутная тревога за наше будущее, противоречивые сведения из России останавливали меня в моём возвращении на родину.

– Ты уверена, что нас там ждут? – спрашивал я Марию.

– Конечно, ждут, – радостно отвечала она.

– Кто ждёт? Караул из НКВД? Дзержинского уже нет. Никто нас не защитит, если что-то изменилось в нашем государстве, – говорил я.

– Чего нам бояться дома? – смеялась надо мной Мария.

– Мне кажется, что нам надо много чего бояться, – не сдавался я. – Где Александр Васильевич, почему он не пишет? Почему перестали писать мои родители? Почему в России судят оппортунистов и всех приговаривают к расстрелу? По-

чему выслали второго после Ленина революционера Троцкого? Ты не читала статьи Троцкого о том, что творится в Советской России? Скажешь клевета? Так это же клевета на самого Троцкого, и он не боится этой клеветы. Что за политика перевоспитания людей в лагерях?

— Это же так естественно — воспитание нового человека от пережитков прошлого, — говорила Мария. — А революция — это всегда борьба идей.

— Ты не думаешь, что и нас так же пошлют на перевоспитание или отдадут под суд, потому что я не принимаю революцию? — спрашивал я её.

— А ты держи язык за зубами и ничего плохого не случится, — уговаривала меня Мария.

— Нет, Мария, я не поеду, — твёрдо сказал я, — я ещё пожить хочу. Ты можешь ехать. Мне больно так говорить, но, если бы это было в моих силах, я бы не пустил тебя никуда. Мне кажется, что призраки французской революции переползли в Россию и революция начала пожирать своих детей. Робеспьеры и дантоны российских уездов правят бал на нашей родине. Если мы нужны нашей родине, она должна оставить нас здесь на нашей работе, потому что фашизм в Германии уже пришёл к власти и делает всё, чтобы отомстить за позор Версальского мира. И он это сделает. Ты заметила, что у нас уже четвёртый представитель ВЧК? Новый человек на каналах конфиденциальной связи это событие, а сменилось четыре человека. Куда исчезают те, кто делал револю-

цию и командовал армиями? Молчишь, а мне кажется, что в России началась контрреволюция.

— Как ты смеешь так говорить? — негодовала Мария. — Революция нас сделала людьми, доверила ответственный участок работы...

— Не передёргивай карты, — остановил я её, — человеком тебя сделал Смольный институт, а не революция и не нас поставили на ответственный участок работы, а мы с полковником Борисовым передали наш участок работы большевикам. Я не писал заявление о приеме на работу и ничем не связан с ВЧК. Мне кто-то платил заработную плату? Никто. А тебе? Тоже никто. Мы жили на деньги, которые были выделены царём на нашу работу. Копейки мы получили на организацию встречи в Испании. И всё. Так кому ты больше обязана, ВЧК или убиенному царю и всему его семейству? Когда ты приедешь, с тебя ещё потребуют уплатить взносы с полученных сумм и с тех сумм, на которые ты жила. А у тебя есть эти деньги? А я беспартийный, это всё равно, что заявить о враждебности советской власти. Читал я стихотворение одного поэта, вырвавшегося из России:

*Кто сломал тебя, Русь Святая,
Беспартийный — значит враг,
И чекистов весёлая стая
Несогласных потащит в овраг.*

Я не хочу закончить жизнь в безымянной могиле, а тебе решать, кем быть и с кем быть.

Глава 43

Оставалось два дня до передачи ответа посланцу из НКВД, как вдруг «Фигаро» сообщила, что эмигранты, супруги Мария и Дон Казановы получили разрешение советского правительства на возвращение на родину по их заявлению и что советское правительство готово предоставить такую же возможность и другим гражданам Российской империи.

Вокруг нас образовалась стена отчуждения. Наши соседи, с которыми мы жили бок о бок, просто развели руками и сказали, что так непорядочно поступать нормальным французским гражданам.

Я позвонил в редакцию газеты и мне сообщили, что они перепечатали данные из пресс-релиза, полученного из советского полпредства.

По всему получалось, что нам пытаются отрезать пути возможного отступления и добиться того, чтобы любыми путями вытащить в Советский Союз. Насильно тянут не за пряником, а за кнутом.

Всё это я высказал Марии.

– Я начинаю сомневаться в том, – сказала она, – что моё руководство играет со мной в честную игру. Мне раньше нечего было терять, а сейчас у меня есть ты и я не хочу потерять своё счастье. Будь что будет, но одна я никуда не уеду.

Ты мой муж перед Богом и перед Богом мы и будем отвечать.

– Нам, вероятно, нужно менять место жительства, – предложил я, – потому что не нравится мне эта публикация в газетах. Так всегда делают, когда к чему-то хотят привлечь внимание. Для чего привлекать внимание к нам? Если с нами что-то случится, то мы окажемся не безвестными эмигрантами, а теми, кому советское правительство разрешило вернуться на родину, но кто-то им помешал вернуться в Россию. Кто это мог сделать? Да только белоэмигранты, враги, которые остались врагами и после отъезда в эмиграцию. Похоже, что нами просто пожертвовали.

– Я чувствую, что ты прав, – сказала Мария, – но мне кажется, что ты сгущаешь краски. Я боюсь стать чрезмерно подозрительной. Это будет не жизнь, а какая-то мания преследования. На встречу со связным пойдём?

– Что-то у меня нехорошие предчувствия и мне никуда не хочется идти, – сказал я.

– Давай сходим, – сказала Мария, – мне как раз нужно посмотреть новую шляпку, сейчас делают такие лёгкие, прямо воздушные шляпки, для лета очень красиво.

– Хорошо, поедем, – без энтузиазма согласился я. – Я выйду на площадь пораньше, а ты подойдёшь, когда я сниму шляпу и положу её на стол.

– Хорошо, милый, так и сделаем, – сказала Мария и поцеловала меня.

К нам в гости зашла экономка полковника Борисова. По-

хоже, что она была не только экономкой одинокому офицеру.

– От мсье Александра ничего не было? – спросила она.

– Увы, мадам, – нерадостно сказал я ей, – я сам беспокоюсь, не случилось ли чего с ним.

– И вы собираетесь возвращаться в эту страну, где бесследно пропадают люди? – спросила меня экономка.

– Мы никуда не собираемся возвращаться, – сказал я в надежде, что эта информация будет быстро и надёжно доведена до всех соседей, – мы граждане Франции и менять своё гражданство не собираемся, благо Франция стала нашей новой родиной.

– Я так и знала, что все газеты врут, – сказала экономка, – я просто не представляю себе, что будет делать мадам Мария в стране, которой управляют кухарки и дворники. Каждый должен заниматься своим делом.

Утром мы выехали в Париж. Перед отъездом я почистил и проверил свой браунинг. Появились новые модели браунингов, но к этому я как-то привык, он хорошо прятался в одежде и стрелял именно туда, куда целишься. Это шутка. Если стрелять не умеешь, то куда ни целись, все равно не попадёшь.

Я первый пришёл на площадь, обошёл её вокруг и сел за столик. Всё было нормально. Заказал кофе, положил рядом с чашкой свои часы и стал ждать наступления времени подачи сигнала Марии. Народу было немного. Краем глаза я

видел, как ко мне приближается Мария. Она должна пройти мимо меня и пойти в сторону связника, который устроился на условленном месте с опознавательным знаком – гвоздикой в специальном держателе в петлице.

Вдруг связник встал и пошёл в нашу сторону. В его руке был пистолет, и он целился прямо в меня. Я доставал свой пистолет и он, как всегда бывает в сложных ситуациях, зацепился за верхнюю часть кармана брюк. На моём пистолете и цепляться-то нечем, а вот зацепился. Я кое-как выдернул пистолет и снял его с предохранителя, когда раздался первый выстрел связника. Мария упала мне на грудь и пистолетные пули стукали в неё. Я выстрелил раз. Второй. Связник упал, а я держал обмякшее тело Марии. Она закрыла меня собой от пуль человека, который по всем признакам должен быть нашим связным. Возможно, что объектом покушения был я, как свидетель событий, о которых никто не должен знать.

– Дон, я никуда не уеду от тебя, – прошептала Мария и закрыла глаза. Я держал ее тело на руках и чувствовал, что жизнь уже покинула его. Я был весь в крови, но эта кровь была не моя. За что, Боже, что я сделал не так? За что ты дал мне счастье и за что отобрал его?

Прибывшие ажаны с трудом отняли у меня тело Марии и положили его на носилки прибывшей санитарной кареты.

Потом я куда-то ехал, отвечал на чьи-то вопросы, подписывал какие-то бумаги. Всё было как во сне. Потом я видел

Марию во время похорон.

Всё потеряло для меня смысл. Я механически вставал, ел приготовленную для меня еду, видел экономку полковника Борисова, которая взяла на себя управление моим домом.

– Мсье Казанов, не могли бы поддержать столб, – спросил меня муж экономки.

Я вышел во двор и стал держать столб, по которому мужчина стал ударять деревянной колотушкой. После третьего удара по столбу и полученного от этого сотрясения я стал приходить в себя. Я, наконец, осознал, что Марии нет, и никогда больше не будет.

– Пойдёмте, мсье, со мной, – сказал я мужчине, – составьте мне компанию.

Мы сели за стол, и я устроил поминки по Марии.

Утром я проснулся совершенно разбитый и больной. Нужно начинать новую жизнь. Найти своё дело и жить так, чтобы зло не заливало нашу землю. Что может утешить русского человека? Только война.

Оставив дом на попечение знакомой мне семейной пары, я отправился в Испанию.

Книга 2. Враги

Глава 1

– По заданию какой разведки ты приехал в СССР? – следователь НКВД брызгал слюной на бывшего полковника царской армии Борисова, поверившего Лиону Фейхтвангеру и возвратившегося в Россию – СССР. Его арестовали прямо на трапе судна и доставили на Лубянку. – В молчанку задумал играть, сука, сейчас мы тебе язык развяжем, – следователь ударил полковника кулаком в лицо.

– Извольте называть меня на вы, – сказал следователю полковник.

– Ты меня, белогвардейская сволочь, решил этикетам учить? – взъерился следователь. – Ты у меня сейчас за эти этикетки палкой резиновой по рёбрам получишь.

– Молодой человек, – сказал Борисов, – ваш главный чекист Дзержинский разработал кодекс поведения сотрудников ВЧК...

– Ты Дзержинского не тронь, он – наше знамя, – ухмыльнулся чекист, закулив папиросу и дыхнув дымом в лицо допрашиваемого, – хотя фрукт ещё тот был, если бы не откинулся вовремя, то сидел бы на этой табуретке, мотал сопли на кулак и отвечал на мой вопрос – по заданию чьей развед-

ки он проводил работу по разложению органов ВЧК-ОГПУ. Но это наши дела, а ты отвечай, по заданию чьей разведки ты прибыл в СССР?

– Я с вами вообще разговаривать не буду, – сказал полковник Борисов и внимательно посмотрел на следователя. На следователя он не смотрел, он смотрел сквозь него и видел класс, в котором сидели молодые поручики и подпоручики и слушали лекцию поручика Хамада, который был офицером императорской армии и как разведчик был направлен в Читу под видом прачки. В течение двух лет он вручную стирал мужские и женские подштанники, разнося выстиранное бельё по домам высокопоставленных людей, потому что заслужил репутацию самого модного стиральщика исподнего белья. И там, в Чите, он влюбился в одну женщину, красивее которой он не видел никогда. Вечерами он писал ей сонеты и отправлял их по почте, перевязывая конверт нежно-голубой как небо лентой.

*Своей небесной красотой
Затмила солнце и луну,
А что ты сделала со мной?*

*Тебя я вижу в своих снах,
Ты словно облако в выси,
И недоступна как княжна.*

Я душу свою предлагаю тебе

*И царство любое, на выбор бери,
Я буду покорен небесной судьбе
И в май превращу январь.*

Муж этой женщины посмеялся над ним вместе с объектом его обожания. Стиральщик белья вызвал невежду на дуэль, но кроме смеха супругов он не получил ничего в ответ.

Это было выше его сил. Он пришёл в жандармское управление, сообщил о себе, что он японский дворянин, поручик Хамада и уже на следующий день во фраке под конвоем двух жандармских офицеров он повторил свой вызов и убил обидчика на дуэли.

Прекрасной вдове он выразил своё сожаление, перестал писать ей красивые стихи и постарался поскорее забыть, потому что над высокими чувствами может смеяться только чёрствый человек.

Для своей родины он был уже погибшим человеком, и никто не числил его в числе погибших за императора. Кодекс «бусидо» он считал уделом слабых людей, пытающихся уйти от настоящих трудностей и снять с себя ответственность за неудачу, вместо того, чтобы исправить положение.

Самые известные праведники получают из великих грешников. Но это в мире, а не в России. Специальным именным секретным указом поручику императорской армии Хамаде было присвоен чин поручика российской императорской армии с причислением в службу военной контрраз-

ведки.

Как это бывает, пророков в своём Отечестве нет, так и военное руководство больше прислушивалось к мнениям американских и английских советников, нежели к мнению настоящего японца поручика Хамады, и проиграла русско-японскую войну. Доморощенные патриоты всегда пытаются любое поражение превратить в победу, рассказывая о том, если бы да кабы, да вот только Цусиму с Порт-Артуром в мешок не спрячешь, это шило большое.

– Господа офицеры, – говорил Хамада, – иногда возникает такая ситуация, когда нужно вытерпеть очень сильную боль и ничего не сказать, а иногда возникает ситуация, когда остаётся много времени от провозглашения приговора до его приведения в исполнение. Тогда человек может потерять самообладание и проявить слабость перед врагом.

Чтобы быть всегда твёрдым, нужно учиться отключать свои органы чувств и обращаться к небу за поддержкой. И такая поддержка будет. Вся боль физическая и нравственные страдания будут приняты небом, и вам будет даровано спокойствие и безмятежный переход в мир иной. Итак, расслабились, контролируем дыхание, оно как бы замедляется и сердцебиение еле слышно

А сейчас представьте, что вы облако и плывёте к водопаду, который шумит вдали, там вас ждёт прохлада, прозрачная вода и отдых...

Полковник Борисов слышал, как что-то гулко стучало

по его телу, и улыбался тому, что он уже приблизился к роднику прозрачной воды, которая журчала прямо около его уха...

Глава 2

– Полковник, ты жив? – спросил мужчина в комсоставовской гимнастёрке, вытирая смоченной тряпочкой разбитое лицо Борисова.

Полковник потихоньку приходил в себя. Откуда-то появилась боль в теле. Попытка пошевелить пальцами вызывала нестерпимую боль.

– Похоже, пальцы мне дробили молотком, – подумал Борисов, – не НКВД, а какое-то гестапо фашистское.

Попытка пошевелить языком добавляла ещё боли. Лохмотья повреждённых изнутри губ и щёк упрямо лезли на шатающиеся зубы и требовали откусить эти куски мяса.

– Только не кусать, – приказывал себе Борисов, – слюна сама дезинфицирует все раны и будет заживать всё как на собаке, только не добавлять новые раны.

Кто-то пытался влить ему тёплый чай, но полковник Борисов молча сопротивлялся, принимая только холодную воду.

– Почему эти сволочи прекратили меня бить, – думал Борисов, – сейчас бы моя душа летала над всем этим, созерцая то, во что превратили мою родину марксисты-ленинцы. Такой же марксист-ленинец вытирает мне лицо, а ведь если бы мы встретились с ним в открытом бою, то вряд ли бы он меня пожалел, как и я его. А вот раненых не добивают и помога-

ют им только нормальные люди. Как же так получилось, что Россия состоит из нормальных людей, а ненормальные в ней при власти?

На второй день Борисов стал более отчётливо воспринимать окружающую его действительность. Камера была переполнена. Сначала Борисов их даже не успел разглядеть, как его поставили на конвейер пыток. Сейчас он мог глядеть на них, спавших, кто где, кто на нарах, кто под нарами, интеллигентные люди и крестьяне. Больше все-таки интеллигентных людей. Гражданских и военных поровну. Вот у того, который помогал мне, на петлицах давлёнка от двух ромбов. Командир дивизии. На рукаве гимнастёрки нет следа от звезды, значит строевой офицер, не политработник. За что их? Вероятно, в прапорах был в войну, офицер, буржуй, несмотря на то, что работал рабочим на фабрике.

Судя по солидности других заключённых, они не простой народ, беспартийных на такие должности не назначают. Треть – представители нации, которой была проведена черта оседлости, да только они переступали через эту черту, перекрестившись, как от чёрта, становились крещёными, не забывая свою веру и достигая немалых результатов на том поприще, куда им удавалось устроиться. Большая часть из них шла в революцию в надежде, что их люди получают со всеми равные права.

Военные – каста особая. Это те, кто разваливал армию, чтобы она не выступила на стороне царя. Потом пришлось

учиться у оставшихся в живых офицеров, чтобы государство могло существовать как государство. Военная выправка, офицерские манеры, никуда от этого не денешься. Как ты командира не обзови, офицерский дух поселяется в него, кем бы он ни был. И этот дух заразителен.

Каким бы новым ни было офицерство, а офицерский дух возрасту имеет не менее тысячи лет и с ним ещё никто не мог справиться. Всякий, кто посягал на этот дух, становился жертвой его. Приснопамятный Павел Петрович не потрафил офицерству и получил золотой табакеркой по макушке. Матушка Елизавета Петровна была ласкова с офицерами и стала государыней-императрицей.

Новая власть борется с этим духом, да только придёт то время, когда офицеры золото будут носить не в петлицах, а на погонах и на мундирном шитье, и ордена будут с бриллиантами и генералов, выметенных на свалку, вспомнят добрым словом и их победы будут для всех примером. Не вы первые, не вы последние.

Остальные – малороссы и представители закавказской и среднеазиатской буржуазии, которые под шумок хотели расхватать то, что собиралось веками, и стать местными царьками, ханам и беями-беками. Этим-то нужно мозги вправить. Генсек Сталин сам грузин, он-то уж знает, что с ними делать, чтобы держать в покорности и уважении к центральной власти.

– Как вы чувствуете, полковник? – к Борисову подошёл

комдив и предложил папиросу.

– Знаете, господин генерал, я счастлив, – сказал полковник Борисов.

– Счастливы? – удивлённо переспросил комдив.

В камере воцарилась тишина. Никак спятил тот, кто приехал во всем заграничном, никак шпион какой-нибудь. Полковник только успел представиться, как его утащили на допрос.

– Да, счастлив, господа, – повторил Борисов, – я всю жизнь мечтал, чтобы тюрьмы российские были переполнены марксистами, социалистами, либералами, евреями и инородцами, и мечта моя сбылась, – сказал Борисов и засмеялся.

В наступившей тишине кто-то хихикнул, за ним кто-то засмеялся, и скоро вся камера загудела хохотом. Хохот был такой, что он больше походил на истерику, чем на смех от шутки. Всё, что копилось в людях, начало выплёскиваться наружу в виде рыданий, криков, матюгов. Закупоренные человеческие души, верящие в партийную справедливость, поняли, что ждать им нечего, нужно просто выживать в мясорубке, в болезни, которую во всех странах называют страшным словом геноцид. И они не знали, что болезнь эта лечится покаянием, состраданием к погибшим и пострадавшим, и уничтожением системы, приведшей к геноциду.

– Что, хохотунчики, весело вам? – грозно спросил начальник изолятора. – Сейчас мы вам устроим сладкую жизнь, посмеётесь у нас. Над кем смеётесь? Над собой смеётесь...

Малограмотный чекист вряд ли понял, что он по наитию произнёс крылатую фразу городничего из пьесы Гоголя «Ревизор». Искренний хохот заглушил его слова. Смеялись даже вертухаи, которые имели не менее чем семиклассное образование. Дверь захлопнулась.

– Спасибо вам, господин полковник, – совершенно незнакомые люди подходили и трогали запястье левой руки в знак признания, – вы просто спасли нас от иллюзий, которые мы питали, находясь здесь. Спасибо вам.

Через некоторое время загремели ключи, заскрипел за-
сов.

– Борисов, на выход, – крикнул надзиратель, – с вещами.

– Прощайте, господа, – сказал полковник.

– Прощайте, товарищ, – донеслось ему в ответ.

Из вещей у полковника был драный пиджак в крупную серую клетку. Подхватив его левой рукой, он поковылял к выходу.

– Добьют мужика, – сказал комдив и сплюнул на пол. Немного постояв, он растер плевков носком сапога, понимая, что ночью кому-то придётся спать на полу.

Глава 3

– Здравствуйте, господин Борисов, – медовый голосок лощёного человека в хорошо сшитом костюме вызывал картину явления Мефистофеля к одному немецкому доктору, фамилию забыл, которому он и продал свою душу.

Борисов кивнул головой.

– Вы что не хотите со мной разговаривать? – с ноткой строгости в голосе спросил Мефистофель.

– Мне трудно говорить, у меня разбиты губы, – еле произнёс Борисов.

– Кто это так вас? – участливо спросил представитель нечистой силы. – Мы сейчас разберёмся с этим.

Полковник Борисов никак не реагировал на этот спектакль. Мефистофель, не переставая, нёс какую-то ересь про то, как хорошо сейчас на улице, какие трамвайные маршруты ввели, когда собираются пустить первую линию Метрополитена...

Борисов приближался к какому-то странному сооружению, чудом прилепившемуся к склону горы. Узенькая тропинка висела в воздухе, и было непонятно, почему человек держался на ней. Босыми ногами Борисов чувствовал приятную теплоту камней и разглядывал красную черепичную крышу с загнутыми вверх краями. Доброго вида дракон лежал у калитки низенького забора и приветливо махал хво-

стом. Рядом с ним стоял старичок с белой бородой, приветственным жестом приглашая войти.

– Нинь хао, Балисофу шан сяо (Здравствуйте, полковник Борисов), – по-китайски поприветствовал старичок.

– Нинь хао, сиень шэн. Шень тхи цзиень кхан, цзем ма ян на (Здравствуйте, учитель. Как ваше здоровье?), – по-китайски отвечал Борисов, удивляясь тому, как он легко говорит на таком трудном языке.

– Нинь цхан гуань во да фан цзы, во биао ши гань сие. Цинь лай во сию си и ся (Благодарю вас за то, что вы посетили мою лачугу. Прошу зайти ко мне передохнуть) – сказал хозяин.

– Сие сие нинь, сиень шэн (Спасибо, учитель), – сказал Борисов, – мей ю ши цзиень сию си, ю хэнь туо вень тхи яо гень нинь шан лианг и ся (нет времени для отдыха, накопилось очень много проблем, по которым я хотел с вами посоветоваться)...

– Ты что, не слышишь меня, – Мефистофель тряс Борисова за плечи, – я тут распинаясь перед тобой как шут гороховый, а ты витаешь, неизвестно где. Отвечай, будешь с нами работать?

– На огороде, что ли? – усмехнулся Борисов. Он прекрасно понимал, что чем раньше он умрёт, тем раньше прекратятся его мучения. Но этого, похоже, совершенно не понимали те, кому по должности предписано быть проницательными во всех делах.

Несильного удара было достаточно для того, чтобы отказавшийся от сопротивления организм перестал работать. Борисов почувствовал, как его тело стало освобождаться от тяжести земного притяжения и погружаться в приятную темноту и прохладу...

– Что ж вы, батенька, так нас напугали. Разве же можно так делать? – Пожилой доктор с седой бородкой склонился над Борисовым, надавливая ему на глаз и внимательно разглядывая реакцию зрачка. – Вам ещё сто лет на роду написано, а вы в обмороки падаете.

Борисов осмотрелся. Всюду белизна. Больничная палата на одного человека. Боли в теле не чувствуется. Пошевелил языком и не обнаружил рваных ран в полости рта.

– Интересно, – подумал он, – похоже, что я не меньше недели обитаю здесь. Я рвался в одну сторону, а другие люди тянули снова сюда, в ужасы и мучения. Им что, удовольствие доставляет пытать людей?

Прислушавшись, Борисов уловил еле слышный разговор доктора с каким-то человеком.

– Товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – говорил доктор, – больше десяти минут я гарантировать не могу. Прямой укол камфары в сердце. Опытные экземпляры больше пяти минут не жили. Этот – уникум, он ещё говорить начнёт. Второго случая не представится.

– Борисов, вы меня слышите? – над полковником склонился военный со странными петлицами темно-красного,

даже можно сказать малинового цвета с алой окантовкой. Как военный человек, Борисов обращал внимание на все эти, кажущиеся незначительными детали. По центру петлицы был пришит золочёный шнур, на котором располагались три золотых звёздочки, и одна звёздочка – четвёртая была ниже шнура.

– Интересные войска, – подумал полковник, – и очень важные, если для них покойников с того света возвращают.

– Борисов, вы меня слышите? – переспросил важный человек.

Лежащий в койке человек еле заметно шевельнул головой.

– Где ваш помощник – Казанов? – громко сказал человек с малиновыми петлицами.

– А я вам уже не нужен? – шёпотом спросил Борисов.

– Где ваш помощник Казанов? – снова громко спросил человек.

– Там, – шёпотом ответил полковник.

– Где там? – требовал ответа военный.

– На войне, – прошептал Борисов и закрыл глаза. Он снова начал погружаться в темноту и приятную прохладу. – Хрен вы меня сейчас возьмёте, – подумал он, – у меня хватит сил перетащить вас всех к себе, может, вы здесь станете людьми и сбросите свои звериные маски. Прощай, Дон, вся твоя жизнь война и от того, на чьей стороне ты будешь, зависит то, кем ты станешь. А сейчас чью-то сторону принять нельзя, все стремятся силой зла решить свои личные интере-

сы, которые маскируются под интересы большинства. Будь самим собой, надевай любую шкуру, но не давай злу торжествовать. У тебя получится, ты мальчик способный...

Глава 4

– Всё, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – доложил врач, – заключённый умер, как говорится *feci auod potui, faciant meliora potentes*.

– Это ещё что, – спросил комиссар.

– Латынь, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – сказал врач, – я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше.

– Ты что, хочешь сказать, что ты самый лучший и лучше тебя нет? – грозно спросил комиссар. – Товарищ Сталин сказал, что незаменимых людей нет и он тысячу раз прав. Ещё раз услышу от тебя твою латынь... ты меня понял?

– Понял, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – сказал побелевший в лице врач с тремя прямоугольниками в петлицах.

– Иди и позови сюда Сидоренку, – устало сказал комиссар.

Врач козырнул, приложив руку к непокрытой головным убором (пустой) голове, и повернулся к выходу. В это время открылась дверь, как будто за дверью подслушивали, и вошёл майор госбезопасности Сидоренко.

– Слухаю вас, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – доложил он.

– Тебе сколько раз говорить, что не слушаю, а слушаю, – комиссар был сильно расстроен, а ему под руку попадались

такие люди, которые это расстройство ещё усиливали, – этого, – он показал пальцем на лежащего в кровати Борисова, – похоронить. Это первое. Второе. Всю следственную бригаду с начальником их отдела, работавшую с этим заключённым, арестовать и отдать под трибунал за препятствование органам безопасности в раскрытии важных государственных преступлений. Чтоб лагерная пыль от них осталась. Всё записал?

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – доложил майор, – по какому разряду хоронить этого?

– По первому, твою мать, – зло сказал комиссар, – закопать, как и всех, в общую яму во дворе.

Сидоренко стоял и лупал глазами, понимая, что его услужливость могла ему выйти боком, как и следственной бригаде, которая любыми способами пыталась выбить признания у тех, кто ничего особенного и не совершал. Вот и пойми тут, что нужно начальству сегодня? А закопай он этого покойника в яму, а вдруг он окажется важной шишкой, которой вернут лампасы и звёзды с орденами, да ещё скворечник с дверкой в кремлёвской стене? Самого закопают на место этого покойника. Эх, жизнь собачья, по чинам так, вроде, как и генерал, а служба холуйская, как у денщика, который с утра получает по зубам, чтобы наука к вечеру не выветривалась.

Комиссар вышел на улицу, сел в поджидавший его чёрный

«паккард» и бросил адъютанту, сидевшему рядом с водителем:

– В Барвиху.

Закурив, он задумался. В какой-то степени Борису повезло, что он умер во время допроса, и даже недельная реанимация привела его в сознание лишь на десять минут. Сейчас он там, на той стороне, и его совершенно не касаются наши проблемы. Мы все подследственные, только одни из нас сидят в камерах, а другие разъезжают в лимузинах.

– Как же меня угораздило так попасть в переплёт? – думал он. – Права солдатская мудрость: держись подальше от начальства и поближе к кухне. Нет, бляха муха, подсуетился перед карликом, получил косую звёздочку на петлицу и задание такое, что пойдёшь туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что, кажется чётко определённой целью, которая всё-таки выполнима. А как всё начиналось? Вызывают к наркому. А там толпа людей, заместители наркома, комиссары и среди них улыбающийся добрыми глазами Ежов.

– Уважаемые товарищи, – начал он, – нашему самому главному разведчику сегодня присвоено звание комиссар государственной безопасности второго ранга. Можно сразу приколоть ему косые звёздочки, да только они плохо держаться будут, поэтому прошу всех пройти в комнату отдыха и поздравить Станислава Ивановича с новым званием.

Стол был накрыт так, как он накрывался всегда во все трудные и нетрудные годы для нашего государства. Не меша-

ли этому ни голод, ни недород. Начальнические столы всегда были полны. Набор стандартный. Коньяк. Водка. Колбаса копчёная. Икра красная и чёрная. Балыки лососёвых и осетровых рыб. Оливки. Апельсины и мандарины.

Всем рюмки. Мне стакан с двумя звёздочками. Выпили до дна. И я тоже, иначе звёздочки губами не ухватить. Николай Иванович самолично своим перочинным ножичком проколол дырочки в петлицах и установил звёздочки. Я поблагодарил партию и правительство и лично товарищей Сталина и Ежова за высокую оценку моей скромной деятельности. Заверил, что я приложу все свои силы для обеспечения безопасности нашей родины.

Мне дружно заплодировали и выпили ещё.

– Всё, товарищи, по своим местам, – тепло сказал Ежов, и мы дружно пошли на выход. – Станислав Иванович, задержитесь на минутку.

Глава 5

– Слушаю вас, товарищ Генеральный комиссар государственной безопасности, – сказал я.

– Присаживайтесь, Станислав Иванович, – сказал Ежов. – Вы тот, кому можно доверить самую большую тайну на свете. Сейчас я вам расскажу о разговоре с товарищем Сталиным, а вы скажете, реально это или нет.

Если тебе доверяют большую тайну, то тайна всегда умирает вместе с хранителем. Такое предложение всегда равносильно объявлению смертного приговора с медовой улыбкой на устах и отсрочкой приговора на неопределённое время.

– Так вот, – сказал Николай Иванович, – предложил я товарищу Сталину план подготовки к победе мировой революции. Над каждым правителем в мире должен стоять сотрудник ОГПУ, который будет следить за тем, не проводит ли этот правитель антисоветской политики. В случае если руководитель этот зарвётся, то пинка ему дать или ещё больше чего. И товарищ Сталин одобрил мой план. Только сказал, что к мировой революции стремиться надо, но только в одночасье она не делается. А вот наших людей в окружение европейских правителей поставить надо. И спросил он меня, кого я имею в виду в первую очередь? И я ему сказал, что самым перспективным европейским руководителем является социалист Адольф Гитлер, который по делам своим

является немецким Лениным, сказавшим: «Есть такая партия» и с партией этой выигравшей парламентские выборы, избежав гражданской войны в Германии. Так вот, Станислав Иванович, считайте своей первой задачей агентурное проникновение в руководство германского государства, а затем и в руководство других европейских государств. Это на первом этапе.

Я хотя был выпивши, но понимал, что замах-то уж больно велик. Приобретение источников информации не возбраняется никем, но заменять ими руководство других стран, это уже слишком. Есть какие-то этические нормы и в разведке. А вдруг и товарищ Ежов агент чьей-то разведки? Не зря идёт кампания по выявлению агентов парагвайской разведки и Коморских островов. А вдруг и товарищ Сталин агент какой-нибудь разведки? Американской, например. Американцы тоже приложили руку к революции в России, почему они не могли приобрести себе человека, который станет руководителем государства? Тогда может быть понятна ненависть коммунистических идей к другим странам.

Я был в эйфорическом настроении и согласно кивал словам наркома внутренних дел. Протрезвел я тогда, когда дошёл до своего кабинета. Головой кивал, соглашался, а что можно предложить для отчёта о работе? Ничего. Нет подходов ни к кому, у них тоже своя контрразведка работает. И второе, а кому я могу доверить тайну, сообщённую мне самим товарищем Ежовым? Да никому. Если даже слово про-

сочится, то мне будет каюк. А как за год сделать человека, равного по положению и значимости товарищу Сталину или товарищу Ежову? Да никак. Это нужно их самих вербовать, а кто из них согласится работать на врага? Тоже никто. Таких людей выращивают десятилетиями, и не гарантирован нужный результат. А мне через год нужно докладывать о выполнении поставленной задачи.

Меня загнали в ловушку. И товарищ Сталин загнал Ежова в ловушку. Хотя сам Ежов пришёл к нему с ловушкой, а Сталин захлопнул дверку, когда в неё вошёл нарком. Хотел выслужиться, а попал на крючок. Даже не на крючок, а на крюк. Его предложение можно трактовать как угодно. Можно сказать, что ОГПУ хотела подмять под себя партию, правительство и самого товарища Сталина. Вот и думай, Станислав, как сделать так, чтобы все были довольны, чтобы дело не рвалось вперёд, и чтобы что-то было дельное, если придёт серьёзная проверка.

Что-то дельное я нашёл, когда раскопал информацию о людях, осуществлявших личные и конфиденциальные контакты между царствующими домами. Что-то подобное пытался сделать и Дзержинский, позволивший одному из курьеров выехать за границу в сопровождении агента ВЧК для поиска своего начальника.

Начальника он нашёл и выполнял конфиденциальные поручения в интересах советского государства. Но с уходом Дзержинского всё переменялось. Родители этого человека

были репрессированы. Даже не репрессированы. Отец умер от сердечного приступа во время второго допроса, когда к нему были применены физические меры. От сердечного приступа умерла и мать на второй день после ареста мужа. По нашему заданию родители писали письма, чтобы сын вернулся, но он почему-то не возвращался.

При обыске в квартире было найдено удостоверение на имя особоуполномоченного ВЧК Казанова Дона Николаевича. Агент-женщина, уехавшая с ним за границу, стала его женой. Налицо сговор. Кто-то из руководства контрразведки дал санкцию на уничтожение Казанова. Боевик стрелял в него, убил женщину, защитившую своего мужа, и сам погиб от пуль Казанова. После этого Казанов куда-то исчез. А это и есть самый лучший кандидат на выполнение задания Ежова. Если бы не было репрессий, то многие бывшие граждане России с радостью бы вернулись в Россию и стали достойными гражданами или помогали нам из-за границы. Но... Вот именно, но.

– Приехали, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – доложил адъютант.

Глава 6

В Барвихе находился наш запасной разведцентр – можно сказать, полевой штаб с кабинетами служб и руководства, который использовался и для подготовки особо ценных агентов.

– Миронов ждёт, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – сообщил дежурный сотрудник.

Я прошёл в приёмную и увидел полковника Миронова, моего старого товарища по большевистскому подполью и по нелегальной работе в тылу белых армий. Я, как мог, берёг его.

Почти все наши разведчики из бывших офицеров, работавших в Белой армии. Они приносили ценнейшие сведения и рисковали жизнью в годы войны. Потом почти все были осуждены, расстреляны и сгинули в неизвестности как активные белогвардейцы и представители различных уклонов в партии.

Достаточно было того, чтобы человека похвалил неугодный партийной верхушке руководитель, и человек автоматически записывался в его окружение. А при репрессиях этого бывшего товарища по партии автоматически репрессировались и те, кто был записан в его окружение, чтобы бациллы оппортунизма не разъедали нашу партию.

Вместе с окружением уничтожалось и всё хорошее, что

было ими сделано. Не жизнь, а сплошная карточная игра. Не на ту карту поставил и оказался бит. Хорошо, если бит, а не убит. Надо и мне подумать, как бы держаться не слишком близко к моему наркому, любимцу советского народа Ежову Николаю Ивановичу. Слишком он уж активен. И не совсем умён. А самый опасный – это дурак с инициативой. И ещё он сильно певуч. А этого начальники не любят. Они любят, чтобы певуч был только он один, и чтобы никто не вмешивался в его одноголосый хор.

Так что и дни Николая Ивановича сосчитаны. По логике вещей, количество врагов народа от активной работы органов безопасности должно уменьшаться, а оно увеличивается в геометрической прогрессии и, если прикинуть по учебнику математики Магницкого и Киселёва, то лет через пять врагами народа будет всё население СССР, за исключением нескольких человек в верхнем руководстве. Понятно же, что это ересь. Не может количество шпионов год от года идти с нарастанием. Вот это нарастание и погубит нашу страну. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра.

– Здравия желаю, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – вставший Миронов по-военному поприветствовал меня.

– Слушай, Коля, не на параде мы и давай без титулов, – сказал я, – а то ты как будто подчёркиваешь, что дружба наша закончилась, а остались только служебные отношения от девяти утра и до восемнадцати часов.

– Да нет, Станислав, дружба осталась, – сказал Миронов, – только времена сейчас такие, что лучшим проявлением дружбы является сокрытие дружественных отношений.

Вот всегда он такой, расстраивается, если из пистолета попал в девятку, а вот словами попадает в десятку. Всегда.

– Пошли, – сказал я, открыв дверь кабинета, – только о временах не распространяйся, времена не те...

– Поздравляю, – сказал Миронов, – ещё вчера ты был в третьем ранге. Стал командармом второго ранга, это звучит.

– Так-то оно так, – согласился я, – да только ведь знаешь, чем выше залезаешь, тем больше ударяешься о землю. Не всегда повышение к добру, затем я тебе я и вызвал. Давай, ломай шоколадку, а я пока коньяк открою.

– Ты что забыл, что я коньяк только на задании пью, – недовольно сказал Миронов, – офицеры всегда водку пили.

– Извини, Коля, – сказал я, – знаю я твои пристрастия, да и я бы с удовольствием выпил беленькой, только я уже пил коньяк сегодня у Ежова, целый стакан со звёздочками выдул, а если смешаю его с водкой, то завтра меня нужно будет подъёмным краном поднимать. Конфликтуют между собой пшеничное зерно и виноградная лоза. Так что, не обессудь. С другом новое звание нужно обмыть, иначе не к добру оно будет.

– Станислав, – встал с рюмкой Миронов, – от всей души поздравляю тебя с новым званием. У каждого солдата в ран-

це должен быть маршальский жезл, говаривал старина Наполеон. Чем больше будет таких офицеров, как ты, тем лучше будет наша жизнь. За тебя.

Мы выпили.

– Эх, Коля, твои бы слова да членам Политбюро в уши, – сказал я, – и спета моя песенка. Сам же сказал, что иногда проявлением дружбы является отсутствие видимости этой дружбы. Вот и я пригласил тебя по такому поводу. Дело очень серьёзное, важное и опасное. Друга я бы на такое дело не послал. И кроме друга никому такое дело доверить не могу. От результатов этого задания будет зависеть моя жизнь, судьба, и твоя тоже. Вот тебе досье. Почитай его. Оно маленькое, да только очень важное. Этого человека нужно найти. Найти всю информацию о нём, какая только есть. И завербовать его на перспективу, чтобы через несколько лет он стал если не крупным деятелем, то таким человеком, который мог бы нам помочь решать стратегические задачи. Ты меня понимаешь? Как по твоему опыту и интуиции, подойдёт этот человек?

Миронов ничего не ответил и углубился в чтение досье. Немного там было написано. Выписки из формуляров министерства иностранных дел. Копии платёжных ведомостей канцелярии военной контрразведки, справка о родителях, представление к чину 9 класса, газетная вырезка о награждении орденом Франца Иосифа. Удостоверение особоуполномоченного ВЧК. Характеристика на сотрудника ВЧК под

псевдонимом Мария. И всё.

– А сегодня во внутренней тюрьме умер его друг и наставник полковник Борисов Александр Васильевич, связной царя Романова, передававший конфиденциальные письма царственным особам Европы, – добавил я, – и причиной смерти полковника являемся мы. Что скажешь по этому поводу?

Миронов молчал. Налили ещё по рюмке. Выпили. Помолчали. Покурили.

– Сам-то этот Казанов русский человек? – спросил он.

– Как мне кажется, истинно русский и думает не о себе, а о России, такие сейчас не часто встречаются, – сказал я.

– Станислав, дай мне месяц, я просмотрю дополнительные материалы, какие мне удастся найти, и тогда скажу, – ответил Миронов. – Есть у нас время?

– Месяц я могу тебе дать, – сказал я, – давай, смотри, какая будет нужна помощь, звони сразу.

Глава 7

Миронов позвонил раньше, чем через месяц и сообщил, что готов для доклада.

– Докладываю, – сказал он, – интересующий нас человек этнический немец в третьем поколении. Его дальний предок фон Казен прибыл в Россию по приглашению императрицы Елизаветы из Саксонии. Крещён в православие. Дети были записаны Казеновыми. Внуки уже записаны Казановыми. Наш человек – отпрыск мужской ветви рода. Так что он вправе претендовать на дворянский титул в Саксонии и на полноценное гражданство Германии.

– Что обозначает фамилия Казен? – спросил я.

– Если вольно перевести, то можно сказать, что Сыров или Творожников. По-немецки звучит приличнее, – сказал Миронов. – Фон Казен – значит, что это владелец поместья, в котором делают отличные козы сыры.

– Хорошо, продолжай, – сказал я.

– Ничем себя не запятнал, – продолжил Миронов. – В гражданской войне не участвовал. Симпатии к большевикам и к революции не высказывал. Считал нашу революцию возвратом к диктатуре. Выполнял наши поручения за границей, но отказывался официально оформить отношения с органами госбезопасности. Твёрд в своих убеждениях. Человек слова и чести. На чины, ордена, почести и деньги не пад-

кий. Сторонник демократического развития России. Полагая, что он будет с нами сотрудничать в интересах России, если не будет связан никакими обязательствами. Я готов встретиться с ним и сделать предложение.

– Ну, ты и сказанул, – задумчиво сказал я, – кто же даст санкцию с такой характеристикой. С такой характеристикой ему дорога только во внутреннюю тюрьму, а не в разведку.

– Ты дашь санкцию, – твёрдо сказал Миронов, – ты-то понимаешь, что разведка – это не лагерь с его правилами – шаг влево, вправо – стреляю без предупреждения. Ещё никогда никакие расписки не останавливали от противоправных действий, а партийные предпочтения всегда становились причиной самых крупных провалов. Только свободный человек может быть настоящим патриотом Родины и работать не за страх, а за совесть.

– Слушай, Николай, – я встал и начал ходить по кабинету, – ты вольтерьянец, ты опасный человек. За такие мысли у нас сейчас знаешь, что делают? То, о чем ты говоришь, может быть будет лет через двести, а, возможно, не будет никогда. Чем я докажу, что этот человек работает с нами? Чем? Где его расписка? Где написанное им донесение, где материалы проверки? Где, я тебя спрашиваю? Ты что, не знаешь приказов и не знаешь, что нужно прикладывать к рапорту на вербовку? И ты не знаешь, какое количество листов должно быть в этом рапорте? Ты на что меня толкаешь? Всё, что предлагаешь – это чистейшей воды авантюра.

– А не ты ли мне предложил участвовать в аванюре? – спросил Миронов.

– Вы что себе позволяете, товарищ полковник? – не любил я, когда меня даже друзья упрекали в том же, в чем упрекали их я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.